

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2018 – Спец. выпуск

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2018

ББК 63
С 69

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел истории

Редакционная коллегия серии «История»:

А.А.-Г. Алиев – главный редактор, д-р ист. наук,
Т.Б. Уварова – зам. главного редактора, д-р ист. наук,
О.Л. Александри – ответственный секретарь, *О.В. Большакова* – канд. ист. наук, *А.П. Корелин* – д-р ист. наук,
В.П. Любин – д-р ист. наук, *А.Е. Медовичев* – ст. научн. сотрудник,
Т.М. Фадеева – канд. ист. наук, *В.М. Шевырин* – канд. ист. наук

Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. истории. – М., 2018. – Спец. выпуск. – 190 с.

В журнале представлена научная информация о новейших работах отечественных и зарубежных ученых по всему диапазону исторических исследований – методологии истории, истории России, медиевистики, Новой и Новейшей истории стран Западной и Восточной Европы, Америки, международным отношениям, периоду Древнего мира, а также археологии и этнологии. В центре внимания находятся публикации, отражающие новые тенденции и направления современных исторических исследований.

In this magazine scientific information about the home and foreign scientist's latest works on the whole diapason of historical researches – methodology of historical science, history of Russia, medievistics, modern history of the West and East European countries and America, international relations, the Ancient World period and also archeology and ethnology are represented. In the center of attention are publications which reflect new tendencies and trends of modern historical researches.

ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

100-ЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

2018.05.001. Коновалов В.С. Государственная дума и Временное правительство: Проблемы взаимодействия. (Обзор)	6
2018.05.002. 1917: Вокруг Зимнего	21
2018.05.003. 100 лет Красной армии	24
2018.05.004. Нейбургер М. Болгарский фактор в российской революционной эпохе, 1917–1923	31
2018.05.005. Минц М.М. Рец. на кн.: Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: Борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)	39

ДРЕВНИЙ МИР

2018.05.006. Медовичев А.Е. Ключевые проблемы истории Спарты в современной зарубежной историографии. (Обзор) ...	43
--	----

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

2018.05.007. Щеглов А.Д. Реформация в Швеции: События, деятели, документы	59
---	----

ИСТОРИЯ РОССИИ, СССР И ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

2018.05.008. Аверьянов К.А. Загадка завещания Ивана Калиты. Присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству в XIV в.	63
--	----

2018.05.009. Земцов В.Н. Наполеон в России: Социокультурная история войны и оккупации	67
2018.05.010. Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг.	74
2018.05.011. Большакова О.В. Российская империя в современных исследованиях: Евразийская парадигма. (Обзор)	79
2018.05.012. Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина	98
2018.05.013. Ландис Э. Судьба советской деревни	105
2018.05.014. Коммунизм и голод: голод в Советском Союзе, на Украине, в Казахстане и в Китае в сравнительной перспективе	108
2018.05.015. Бердинских В.А., Меньковский В.И. ГУЛАГ: Идеология и экономика подневольного труда в XX в.	110
2018.05.016. В.О. Ключевский: Воспоминания и исследования .	115
2018.05.017. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е годы)	118
2018.05.018. Зайда Дж. Глобализация и национальная идентичность в учебниках истории: Российская Федерация	123
2018.05.019. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.)	126
2018.05.020. В ритме времени: Фронтовик. Учитель. Историк. Памяти доктора исторических наук Б.С. Итенберга:	128
2018.05.021. Российская история сквозь призму ощущений. С 1700 г. до настоящего времени.	130

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

2018.05.022. Киршенбаум Л.А. Русская революция и испанский коммунизм, 1931–1935 гг.	132
2018.05.023. Животич А. Югославско-советские отношения: 1939–1941	138
2018.05.024. Тавани С. «Второй Ялты не должно быть». «Восточная политика» Италии в 1960-е годы и поиски нового европейского порядка	141
2018.05.025. Франция и Европа в XX–XXI вв.: К юбилею Н.Н. Наумовой	147

2018.05.026. Маслова Е.А. Внешняя политика Италии (1994–2011)	153
2018.05.027. Любин В.П. Рец. на кн.: Германия и Россия: События, образы, люди: Сб. российско-германских исследований ..	157

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

2018.05.028. Уварова Т.Б. Человек в социокультурном контексте: Современные российские антропологические исследования. (Обзор)	162
2018.05.029. Жизнестойкость и творческое долголетие ленинградских блокадников	175
2018.05.030. Байбурин А. Советский паспорт: История – структура – практики	177
2018.05.031. Юхас К. Загрязнение ради чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды крестьянами в целях гигиены	181
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА	186
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 5, 2018)	187

100-ЛЕТИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

2018.05.001. КОНОВАЛОВ В.С. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И
ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙ-
СТВИЯ. (Обзор)

*Ключевые слова: Россия, 1917 г.; падение самодержавия; Го-
сударственная дума в феврале 1917 г.; деятельность Временного
правительства.*

Тематический горизонт событий 1917 г. для исследователей безграничен, источниковая база неисчерпаема, хотя чуть ли не каждый приводимый факт трактуется по-разному. Книги, рассматриваемые в обзоре, отражая неохватное разнообразие мнений, затрагивают лишь фрагменты широкого круга вопросов, в том числе: было ли неизбежным падение самодержавия, роль Думы в событиях февраля 1917 г., чем обусловлен и как осуществлялся приход к власти Временного правительства, какими возможностями оно располагало для реализации своих планов в жизнь, чем были вызваны многочисленные факты насилия, насколько закономерны были Октябрь 1917 г., Гражданская война и победа большевиков?

В монографии А.Б. Николаева (2) освещается деятельность IV Государственной думы в период, предшествующий приходу к власти Временного правительства. В его статье (3) изучаются сюжеты о «революционном» насилии в Петрограде в феврале 1917 г. Прежде всего автор задается вопросом, имело ли оно стихийный характер или кем-то направлялось, и против кого оно было направлено.

В книге В.Д. Ермакова (1) рассматривается деятельность всех министерств и конкретная работа каждого министра в составе Временного правительства в период со 2 марта по 25 октября 1917 г.

О.В. Шеин (4), исследуя события 1917 г., анализирует, как они повлияли на дальнейший путь развития страны и были ли альтернативы этому пути. В отличие от других авторов обзора, Шеин большое внимание уделил оценке ситуации в России до 1917 г. Poleмика с другими исследователями не входит в задачу Шеина. Однако, несмотря на штампованную категоричность выводов, беспопеляционность суждений, его книгу вряд ли можно отнести к малонасыщенной фактами публицистике. Представляется важным то, что книга Шеина в целом отражает очень распространенные сегодня версии в оценке событий. Манипуляции со сносками и ссылками придают публицистическому задору не только наукообразность. Особенность книги в том, что некоторые выводы автора выходят за рамки, вроде бы первоначально четко ориентированной идеологической установки.

Дофевральско-октябрьский период истории России Шеин оценивает упрощенно однозначно: в стране все было катастрофически плохо. Он подчеркивает беспросветное положение трудящихся, зачаточное состояние здравоохранения и то, что образование было доступно лишь узкому кругу материально обеспеченных лиц.

Шеин игнорирует распространенное в современной литературе мнение, что в России существовало то, что сейчас называется «рыночным хозяйством», хотя оппоненты власти, независимо от политических взглядов, и считали, что оно развивается не так, как им бы хотелось. Игнорируя вожеления тогдашних капитанов индустрии иметь побольше иностранных инвестиций, Шеин возмущается зависимостью страны от иностранного капитала. Не замечает Шеин и того, что уже тогда была реализована мечта 1990-х годов – участие России «в мировом разделении труда». В частности, вывоз зерна объясняется сегодня «борьбой за рынки сбыта».

Шеин не сомневается в том, что царская Россия была отсталой в экономическом отношении страной. ВВП в последние годы империи демонстрировал энергичный рост, но это был рост «низкого старта» (4, с. 9). Россия не могла обеспечить себя даже самым необходимым. Чтобы дать представление о том, на какой «высоте» находилась промышленность в царской России, Шеин приводит перечень товаров, импортированных из Германии в 1911 г.: рыболовные крючки, вязальные спицы, шпильки для волос, швейные иглы, ломы и молоты, мотыги, лопаты, сковороды, вилы, косы,

серпы, подковы, гвозди, плуги, камень для мостовых, оконное стекло. Также ввозили сало, хрен, лук и лапти (4, с. 43). Сведения автор почерпнул из книги издания 1950 г. Подобные источники позволяют Шеину заключить, что не передовой, а именно архаичный характер российской экономики и политической системы вступил в противоречие с потребностями дня и не смог выдержать этого противоречия. Во время войны положение, естественно, катастрофически ухудшилось.

Шеин обличает намерение царя вступить в войну, «якобы заступаясь за сербов». Можно ли всерьез поверить, возмущается он, что «руководство такой страны, которое унижает, истязает, обворовывает собственный народ, проникнуто искренней заботой о других народах?» (4, с. 86).

Утверждение о том, что к концу 1916 г. снарядный голод был преодолен, по мнению Шеина, «соответствует действительности в той части, что начальником Главного артиллерийского управления был назначен энергичный и честный генерал Ал. Маниковский. После революции он перешел на сторону большевиков и служил в РККА» (4, с. 91).

Для Шеина важно, чтобы читатель знал, что «политическая система сковывала развитие страны». «Царь беспощадно душил демократию», он четыре раза «приостанавливал работу государственной Думы». Причину такого отношения к «демократическим процедурам» Шеин объясняет «тягой к запретам». Гапон для Шеина не провокатор, а «демократический деятель» (4, с. 22), а «Россия была тюрьмой русского народа». Перечисляя зверства царизма, Шеин подводит к мысли, что «палач детей, убитых 9 января 1905 г., и множества других людей» заслужил свою участь (4, с. 22). Для Шеина очевидно и то, что недалекий самодержец даже не догадывался о возможных последствиях своей деятельности – неизбежном свержении монархии.

Впрочем, в этом с Шеиным солидарен Ермаков, который также отмечает, что «одним из немногих, кто был убежден, что революции не будет, был человек, сделавший максимум возможного и невозможного для ее приближения, – царь Николай II» (1, с. 5).

Шеин уверен, что все классы, кроме узкой верхушки военной и гражданской бюрократии, желали перемен. Очередной кризис, вызванный военной авантюрой 1914 г., обострил приглушенные

противоречия, и полуфеодалная система рухнула (4, с. 176), но царь отрекся от престола лишь «из-за угрозы суда линча» (4, с. 108). Что касается деятельности Государственной думы, по мнению Шеина, депутаты «честно пытались выполнять свою работу, но подобные намерения входили в прямое противоречие с интересами коронованной особы» (4, с. 83).

Иной подход представлен в фундаментальной монографии А.Б. Николаева (2), где рассматривается роль IV Государственной думы в событиях Февральской революции. Николаев показывает участие Думы в решении важных вопросов революции: военного, продовольственного, охраны общественного порядка и др. (1, с. 251).

Автор пишет, что Государственная дума с законодательными правами возникла в России как уступка революции 1905 г. Власть надеялась, что парламентская деятельность смягчит оппозиционность буржуазно-либеральных сил, приучит их к сотрудничеству и даст урок заключения политических компромиссов между различными силами внутри парламента, что поможет стране избежать революционного пути развития. Однако оказалось, что все эти надежды призрачны, а наличие парламента не гарантирует защиты от революционных потрясений. Наоборот, при определенных условиях парламента может выступить центром революции, создать орган новой революционной власти и даже присвоить себе права власти верховной. Именно такая ситуация сложилась в дни Февральской революции (2, с. 5).

По данным Николаева, активное участие в Февральской революции в Петрограде приняли более половины состава Государственной думы, кроме крайне правых. Ермаков не только подтверждает этот факт – 42% министров прошли школу «российского парламентаризма», будучи депутатами Думы разных созывов» (3, с. 40), но и вносит существенные дополнения. Он напоминает, что «задолго до образования Временного правительства было составлено, в основном фракциями Прогрессивного блока, 6 списков будущих министров правительства. 9 из 11 кандидатур будущих министров первого состава Временного правительства подвергались предварительному обсуждению, согласованию и одобрению». «Во все четыре состава Думы входил Ф.И. Родичев, депутатами трех созывов были И.Н. Ефремов и А.И. Шингарёв. Почти все министры-депутаты играли в Думе видную роль, будучи руководителями

фракций (И.Н. Ефремов, А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков, И.Г. Церетели), председателями думских фракций (И.В. Годнев, В.Н. Львов, А.И. Шингарёв), организаторами думской работы (А.И. Гучков – председатель III Думы, А.И. Коновалов – товарищ председателя IV Думы, Д.И. Шаховской – секретарь I Думы)». Своей политической активностью в Государственной думе были отмечены и другие будущие министры Временного правительства (3, с. 40).

Ермаков подтверждает выводы некоторых исследователей о том, что «...объединенная оппозиция в 1917 г. фактически выступила с двумя лидерами. Если Родзянко как лидер блока продолжал использовать парламентские средства, давал объединенной оппозиции возможность и далее расширять свое влияние на правую часть политического спектра (правые в Государственном Совете, дворянские организации, часть церковной иерархии и генералитета), то Львов в этом же качестве, наоборот, позволял блоку привлекать к себе и сторонников радикального решения стоявших перед Россией политических проблем. Такое сочетание двух лидеров на рубеже 1916–1917 гг. оказалось чрезвычайно выгодным для блока в целом при атаке на власть, оставшуюся накануне Февральской революции почти в полной политической изоляции» (1, с. 6).

Николаев не только подчеркивает важную роль этих будущих членов Временного правительства в определении дальнейшей судьбы Государственной думы. На огромном фактическом материале, значительная часть которого вводится впервые, он доказывает, что Дума уже 27 февраля вполне осознанно возглавила революцию, стала ее центром и штабом восстания. Государственная дума, пишет Николаев, начала втягиваться в революцию утром – днем 27 февраля. Главным шагом в этом направлении стали заседания Совета старейшин и частного совещания членов Государственной думы, в ходе которых были приняты постановления, предопределившие превращение Государственной думы в центр революции.

Организационно-техническую работу по развитию успеха восстания взял на себя, по определению Николаева, «штаб Керенского» (2, с. 280). Вечером 27 февраля «штаб Керенского» был преобразован в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы (ВКГД), которая затем объединилась с «повстанческим шта-

бом» формирующегося Петроградского Совета рабочих депутатов. В ночь на 28 февраля эта комиссия сыграла важную роль в руководстве восставшими. Николаев особо отмечает, что вся эта самостоятельность ВКГД, широта его полномочий в действительности являлись формой утверждения руководящего положения Государственной думы в Февральской революции (2, с. 234).

В конце февраля – начале марта ВКГД играл роль центральной власти при еще фактически существующей верховной власти самодержца. Но старая власть постепенно утрачивала свое значение, а власть ВКГД все более приобретала характер власти верховной (2, с. 451).

Успех деятельности ВКГД определялся тем, полагает Николаев, что он действовал не изолированно от восставших масс. Наоборот, стремясь расширить сферу своего влияния и силу революционного натиска, ВКГД опирался на общественные силы. Автор доказывает, что успех в разрешении военного, продовольственного, охраны порядка, финансового и других вопросов, так же как и победа Февраля 1917 г., были обеспечены только благодаря политике сотрудничества с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Эта политика нашла отражение в создании и деятельности объединенных комиссий. Впервые в историографии подробно рассказывается о деятельности этих органов, в том числе о думско-советской Военной комиссии и советско-думской Продовольственной комиссии. Организуя сотрудничество с Петроградским Советом, подчеркивает Николаев, ВКГД выступил в качестве создателя временной власти, которая фактически являлась властью думско-советской, при несомненном главенстве думского элемента над советским. В этом распределении сил, считает Николаев, состояла особенность первого двоевластия (ВКГД – Петроградский Совет) (2, с. 11).

По мнению Николаева, утверждения некоторых историков о том, что Дума была вынуждена отступать перед более мощной организацией, неуместны. Совет в дни Февральской революции в организационно-техническом отношении проигрывал ВКГД. Некоторое преимущество Петроградский Совет имел только в политическом отношении. Но без создания организационно-технических основ это преимущество могло быстро исчезнуть, если бы не активная помощь, которую оказала Совету Государственная дума (2, с. 227).

Установлению тесных связей между ВКГД и Петроградским Советом, считает Николаев, способствовал тот факт, что руководители Совета Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенский одновременно являлись и членами думского Комитета. Оба они выступали носителями власти ВКГД и Петроградского Совета. Тем самым Чхеидзе и Керенский вводили в политическую жизнь институт двойных полномочий (2, с. 228).

Несмотря на то что думско-советскому сотрудничеству был нанесен серьезный удар со стороны Петроградского Совета, когда он издал свой знаменитый приказ № 1, этот приказ полностью не мог ликвидировать мощи ВКГД и его влияния на войска Петроградского гарнизона. И после приказа № 1 у ВКГД сохранялась возможность контролировать войска через свою Военную комиссию, так как она оставалась думско-советской (2, с. 449).

Поскольку в историографии сложились различные взгляды на характер деятельности, место и роль Государственной думы в Февральской революции, для Николаева важно доказательно опровергнуть распространенный в западной историографии тезис о «нерешительности» Думы в революции, а также утверждение, что думские либералы были «вынужденными революционерами» (2, с. 6).

Анализируя, что же собой представляла власть, сформированная в результате февральских событий, Шеин считает, что возникший после отречения Николая II вакуум заполнили кадры российского парламента из числа кадетов и их коллег справа. Никакой общепризнанной силы они собой не представляли (4, с. 110). То, что Временное правительство меняло свой состав четыре раза, неопровержимо, полагает Шеин, свидетельствует о его слабости и недееспособности. «Перекройка полномочий и создание новых ведомств ничего не меняло – реальные рычаги остались там же, где и были – у правых сил» (там же). Хотя Временному правительству пришлось «леветь», кадеты и беспартийные правые, по мнению Шеина, вызывали в обществе аллергию (4, с. 113). Перераспределение власти никоим образом не отразилось на жизни в стране. Главной причиной, по которой кадеты сохраняли свое непомерное влияние, по мнению Шеина, стала союзническая поддержка, оказанная им эсерами и меньшевиками. Правые социалисты принесли в жертву такому союзу собственные программы и интересы своих избирателей (4, с. 110).

Ермаков, напротив, разделяет мнение ряда ученых, которые считают, что министрами Временного правительства становились люди отнюдь не случайные. Многие из их числа были хорошо известны российской общественности по работе в Государственной думе, земских учреждениях, кооперации, своей политической деятельностью в различных российских партиях, адвокатской практике, по организации снабжения российской армии всем необходимым в годы Первой мировой войны и т.д. Тесные деловые отношения связывали С.Н. Третьякова, А.И. Коновалова и С.А. Смирнова с А.И. Гучковым, Н.М. Кишкиным, Г.Е. Львовым, А.А. Мануйловым, Н.В. Некрасовым, М.И. Терещенко, П.П. Юреневым и в связи с деятельностью в Центральном Военно-промышленном комитете (ЦВПК) и его филиалах, а также во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым (ВЗС), Всероссийском союзе городов (ВСГ), а после объединения двух последних – в Земгоре (1, с. 50). При этом большинство из названных будущих министров Временного правительства занимали в этих организациях ключевые посты в руководстве. Активная деятельность в ряде политических партий на различных совещаниях, конференциях, съездах, заседаниях ЦК и т.д. также спланировала ряды министров Временного правительства.

По мнению Ермакова, можно гордиться тем, что среди либералов Временного правительства были интеллектуалы и энциклопедисты европейского уровня (по количеству министров с высшим образованием, знанием иностранных языков, количеству научных степеней и званий, массе публицистических и научных работ, техническим и экономическим знаниям и т.д.) (1, с. 82). Но все-таки важно было не только то, что в 1917 г. Временное правительство оказалось самым образованным за всю историю Российского государства. Главное, подчеркивает автор, – то, что оно приступило к масштабным реформам в стране и многое успело сделать и изменить (3, с. 3).

Однако, констатирует Ермаков, это не означало, что министры отражали в своей деятельности общенациональные интересы, а массы малограмотных или совсем неграмотных крестьян и рабочих их понимали. На беду Г.Е. Львова, а затем и А.Ф. Керенского, из-за своей принадлежности к тем или иным политическим партиям министры стали в определенном смысле «ставить палки в колеса» правительственной машине, так как они в большей мере зависели

от ЦК своих партий и отчитывались о своей министерской деятельности на заседаниях партийных форумов, а не перед главой Временного правительства, что, естественно, приводило к различным конфликтам и недопониманию, а в конечном счете вредило проведению единой политической линии Временного правительства (1, с. 82).

Особую остроту, по мнению авторов, приобрела проблема с кадрами. То, что она существовала и раньше и продолжала быть актуальной в дальнейшем, не отменяет того факта, что в период создания и деятельности Временного правительства кадровый вопрос имел специфические особенности.

Николаев в связи с этим пишет, что во время деятельности ВКГД Военная комиссия в целях поддержания порядка воссоздала комендантскую систему. Современники событий указывали, что назначение комендантов происходило без какого-либо серьезного подбора кандидатур. В итоге на должности комендантов, начальников охраны и т.д. пробирались люди с темным прошлым, всякого рода аферисты, стремившиеся зачастую использовать полученные должности в корыстных целях (2, с. 394).

Ермаков по поводу «кадрового голода» отмечает, что тактика стоящих в то время у власти политических партий отказывать Временному правительству в делегировании в состав министров своих наиболее подготовленных представителей вела лишь к углублению недееспособности Временного правительства. Указывает Ермаков и на другие кадровые ошибки: смещение А. Колчака, А. Брусилова, Б. Савинкова. Несомненной для Ермакова была и профессиональная слабость второго и третьего коалиционного составов временно-го правительства, включая министров-социалистов.

Ермаков подчеркивает, что по причине быстро меняющейся социально-политической и экономической ситуации «пребывание в правительстве почти всех министров было кратковременным. Они исполняли свои обязанности от одного до двух месяцев. Естественно, что за такой короткий срок пребывания в правительстве большинство министров успевало лишь опубликовать очередную декларацию о намерениях, провести некоторые служебные перемещения и попытаться решить неотложные текущие дела. Никакой серьезной перспективной работы выполнить они не могли» (1, с. 39). Указывает Ермаков и на совмещение многими министрами

разных должностей, что не способствовало улучшению качества их работы. Глава Временного правительства Г.Е. Львов в период с 2.03 по 7.07.1917 по совместительству выполнял обязанности министра внутренних дел, а А.Ф. Керенский в период с 5.05 по 30.08.1917 – обязанности военного и морского министра. И.Г. Церетели будучи министром почт и телеграфов с 8.07 по 24.07.1917, по совместительству руководил министерством внутренних дел, а А.М. Никитин должность министра внутренних дел совмещал (с 25.09 по 25.10.1917) с постом министра почт и телеграфов (1, с. 39). Напоминает Ермаков и о том, что если во время министерской чехарды периода войны сменилось 39 министров, то за восемь месяцев во Временном правительстве – 38 министров, т.е. текучесть кадров возросла более чем в 4 раза (1, с. 9).

Быструю смену кабинетов, пишет Ермаков, вызывали политические кризисы. Апрельский кризис свалил первое «однородное правительство» из представителей основных думских фракций. Последующие кабинеты стали коалиционными, либерально-социалистическими. 9 июля 1917 г. Центральный Исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов, оставшихся в правительстве (после ухода кадетов) министров, объявили второй состав «Правительством спасения революции», предоставив ему неограниченные полномочия, а третий состав Временного правительства – «Правительством спасения страны» («Министерством спасения»). Самый долгий кризис власти был вызван попыткой военно-республиканского переворота генерала Корнилова. В поисках выхода из него была создана Директория («Совет пяти») и лишь 25 сентября 1917 г. был создан четвертый и, как оказалось, последний кабинет Временного правительства, просуществовавший до 25 октября 1917 г. (1, с. 8).

О том, что проблема кадров существовала во всех партиях, пишет и Шеин. Он напоминает, что весной 1917 г. волной случайных людей захлестнуло партию эсеров: в партию вступил 1 млн человек. Появилось даже выражение «мартовские эсеры», т.е. вчерашние чиновники царского правительства, офицеры, коммерсанты, которые провозгласили себя социалистами и революционерами (4, с. 136).

Самым ярким примером чуждого эсерам карьериста, по мнению Шеина, стал А. Керенский, чья политика полностью противоречила позиции ПСР, но за него эсеры несли всю политическую ответственность. Политической воли избавиться от Керенского у ЦК эсеров не хватило, через него они осуществляли сцепку с кадетами и крупным бизнесом, что в конечном счете и увлекло ведущую партию страны в политическое небытие (4, с. 136).

Ермаков оценивает деятельность Керенского несколько под другим углом зрения. Он полагает, что после отставки Львова коллегиальность в работе Временного правительства все больше подменялась личными решениями главы правительства. При этом Керенский назначал на различные государственные должности лиц, принимая в расчет исключительно знакомство и личную преданность. Естественно, что это не могло не сказываться на качестве государственных служб (1, с. 10).

Шеин пишет о сомнительной верности идеалам сторонников Временного правительства, отмечая, что значительная часть офицерского состава и даже генералов перешла на службу к большевикам. Бывший военный министр Временного правительства генерал-майор Ал. Верховенский стал начальником военного отдела Петроградского военного округа. Зять Керенского, генерал Вл. Барановский обещал не сражаться против Советов и был назначен начальником штаба войск Московского оборонительного сектора, генерал-адъютант А. Брусилов отвечал за подготовку красной кавалерии. Морской Генеральный штаб практически в полном составе перешел на службу в РККА (4, с. 171).

Шеин подводит итог деятельности Временного правительства, отметив, что весной – летом 1917 г. общество требовало реальных перемен. Династию Романовых свергли не из эстетических соображений избавления от архаики. Народ хотел мира, раздела помещичьей земли и рабочей реформы, но Временное правительство уклонялось от реальных преобразований (4, с. 112). Свобода слова и отмена смертной казни, конечно, были восприняты положительно, но политические свободы не являлись самоцелью. Однако вместо ожидаемых реформ правительство затеяло попытку наступления в Галиции, которая провалилась с серьезными потерями (4, с. 111).

Ермаков разделяет мнение тех историков, которые считают, что, зная о подготовке большевиками вооруженного восстания в октябре 1917 г., «Временное правительство и в первую очередь Керенский немало сделали для того, чтобы оно состоялось» (1, с. 86). О несостоятельности и гибельности политики Временного правительства, указывает Ермаков, имеется немало свидетельств, которые подтверждают, что «непосредственное народоправие оказалось утопией. Повсеместное внедрение самоуправления привело общество в состояние хаоса. Хозяйственная разруха и ожесточение политической борьбы укоротили срок деятельности Временного правительства» (там же). Правда, считает Ермаков, «обвинять А.Ф. Керенского и возглавляемое им правительство в неспособности предупредить и подавить большевистское выступление скорее всего бессмысленно, так как либералы у власти не могли это сделать... Им не хватило политического цинизма, к чему их подталкивали советники, они все еще мыслили в рамках максималистских идей и принципов, а не “грязными” технологиями. Они сделали, что смогли...» (там же).

Объясняя причины поражения Временного правительства, Ермаков солидарен с теми историками, которые считают, что существование в России только-только появившейся демократии, причем сразу в таких многообразных проявлениях, делало ее крайне уязвимой и беззащитной. «Партийные доктрины политических сил, взявших государственную власть в марте 1917 г., оказались оторванными от реальных социальных интересов широких слоев населения. Это относится и к идее прозападной модернизации (либеральная модель преобразования России)» (1, с. 83).

Перед Временным правительством с его европейским выбором, указывает Ермаков, находилась страна, полная кричащих противоречий, где в тугой узел сплелись остатки феодализма, особенности российского уклада, нетипичный для Европы менталитет, особенности вне рыночного «домашнего хозяйства», глубокие противоречия самодержавного правления, неразвитость политической системы, особенности многонационального общества, своеобразие быта, огромные не освоенные в хозяйственном отношении пространства Российской империи, отсутствие необходимой однородности российского общества и т.д. и т.п. (1, с. 82). В условиях развала старого режима и страны в целом, выброса на политическую сцену огромного многообразия требований и интересов, резкой ак-

тивизации непослушания, насилия, роста экстремизма и анархизма, попыток отделения национальных окраин и т.д., требовалось энергичное проведение реальных преобразований, а Временное правительство, постоянно меняющее свой состав, катастрофически запоздывало с реформами (1, с. 84).

В большой степени в том, как развивались события, пишет Ермаков, сыграло свою роль и отсутствие устоявшейся политической культуры: парламент в стране действовал лишь одно десятилетие, политические партии развивались в нелегальных условиях, а действия профсоюзов часто пресекались самыми жесткими методами. Всё это привело к тому, что попытки провести реформы, ориентированные на европейскую цивилизацию и европейские политические традиции, не нашли поддержки большинства населения страны. В результате Временное правительство и его министры оказались непонятыми и потерпели поражение. К власти пришли силы, не церемонившиеся в борьбе со своими противниками различными, в том числе и силовыми, методами для достижения своих целей (1, с. 3).

При этом Ермаков подчеркивает, что в том, что Временному правительству не удалось направить Россию по европейскому пути, решающую роль сыграла мировая война. В условиях непрекращающихся военных действий стране был заказан западный выбор, прежде всего по вине самого же Запада. Война, затянувшаяся на годы, и катастрофические поражения (союзники не желали помогать России) загнали страну в тупик, из которого выхода не было. Временное правительство не могло подписать сепаратный мир с Германией и ее союзниками, так как это было бы предательством западных союзников, в определенной степени и спонсоров, и кумиров. В то же время вместо реальной военной и финансовой помощи союзные державы продолжали оказывать на Россию дипломатическое давление (1, с. 83).

По поводу того, могла ли страна выдержать испытания, Шейн напоминает, что «положение Германии и Австро-Венгрии тоже было тяжелым. Если Франция и Англия получали помощь от США, то страны Четверного союза оказались в серьезной блокаде. Их сотрясали забастовки и демонстрации, а солдаты открыто требовали мира. Однако запас прочности в Берлине и Вене был сильнее, чем в Петербурге, потому что крепче была экономика» (4, с. 137).

Однако Шеин не считает нужным упомянуть о другом аспекте проблемы – продовольственном вопросе. Он остро стоял перед всеми воюющими странами, причем менее всего – в России. Но именно здесь он послужил детонатором февральских событий. Каким образом и кем создавалась подобная ситуация, Шеин не объясняет.

Особое внимание авторы рассматриваемых работ уделяют революционному насилию в период с февраля по октябрь 1917 г.

Николаев, анализируя в своей статье исторические мифы о Февральской революции, отмечает два: что революция была бескровной и что революционное насилие имело место, но оно носило стихийный характер. Если следовать первому мифу, считает Николаев, то революция ничего (или практически ничего) не стоила России. Это отсутствие высокой цены революции (т.е. большого количества жертв) приводит к выводу о том, что революция не только созрела, но и даже перезрела. Второй миф – о стихийном характере насилия – тоже, по мнению Николаева, работает на неизбежный и зрелый характер революции, которая и была успешной в силу того, что весь народ поднялся против старых порядков. Этот миф дает возможность списать все жертвы, все-таки имевшиеся в ходе восстания, на «общую социальную истерию» (3, с. 62).

На основе документального материала Николаев приходит к заключению, что Февраль 1917 г. нельзя назвать ни мирным, ни бескровным. В дни Февральской революции революционное насилие, направленное против сторонников старого режима, стало обычным явлением. (3, с. 63). В статье также доказывается, что наличие жертв революции нельзя списывать исключительно на стихию народного гнева (психоз), так как уже со второй половины дня 27 февраля Государственная дума в лице ряда ее руководителей, а затем и специально созданных органов, взяла на себя дело руководства движением и тем самым приняла на себя ответственность за жертвы революции (3, с. 70).

Что касается расправ над полицейскими толпами народа в дни Февральской революции, то ни Николаев, ни Ермаков не видят в этом «волеизъявлении народа» ничего хорошего. Тем более что на улицах столицы оказались выпущенные на свободу тысячи заключенных, из которых 4 тыс. были уголовниками. Последствия, казалось бы, должны были быть очевидными. И власть пыталась навести элементарный порядок, причем без полиции этого сделать

было невозможно. Шеин, однако, с удовлетворением отмечает, что «на улицах города было сломлено полицейское сопротивление. Городовых и особенно жандармов искали по всему городу и без всякой жалости казнили. На это были причины. Поэтому с пойманными жандармами обращались негуманно» (4, с. 107).

По убеждению Шеина, октябрьский переворот прошел практически бескровно. Если в феврале жертвами полицейского террора и последующего народного возмездия стали 400 человек, то при штурме Зимнего дворца погибло семь человек (4, с. 122). Для Шеина большевики – гуманисты, так как всех будущих врагов советской власти не только отпустили, но и дали им возможность разъехаться по стране, чтобы впоследствии организовать против нее выступления, сопровождавшиеся страшным террором (4, с. 123–124).

Затрагивают авторы и самый насущный, коренной вопрос российской революции – вопрос о земле. Для Ермакова очевидно, что самозахваты земли переросли в войну с помещиками, а в стране, где основную массу населения составляли крестьяне, это было смертельно опасно для любого правительства, любой политической ориентации. Для Временного правительства земельный вопрос также оказался тупиковым, хотя оно и пыталось усилиями нескольких министров земледелия (А.И. Шингарёв, В.М. Чернов, С.Л. Маслов) найти выход из этого тупика. Западный выбор Временного правительства не позволял ему посягнуть на «священную корову» западной цивилизации – землю, находящуюся в частной собственности у помещиков (3, с. 84), пишет Николаев.

Список литературы

1. Ермаков В.Д. Временное правительство (1917 г.) как феномен российской политической культуры. – СПб.: Аврора, 2017. – 256 с.
2. Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – Т. 1. – 592 с.
3. Николаев А.Б. Кровавый февраль 1917 года в Петрограде: Против мифов революции // Вестн. русской христианской гум. акад. – СПб., 2017. – Т. 18, №4. – С. 60–74.
4. Шеин О.В. Через 100-летие великих революций. – М.: Алгоритм, 2018. – 432 с.

2018.05.002. 1917: ВОКРУГ ЗИМНЕГО / Ред.-сост. Кантор Ю. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 247 с.: ил.

Ключевые слова: революция 1917 г.; революционный Петроград; исторические объекты революционного Петрограда.

В сборнике описывается жизнь революционного Петрограда на протяжении 1917 г. на примере ряда наиболее известных зданий и других исторических объектов (Зимний дворец, Таврический дворец, Петропавловская крепость, крейсер «Аврора», особняк М. Кшесинской и т.д.). Как отмечается во введении, эти «места памяти» (сохранившиеся до сих пор, несмотря на все перипетии российского XX в.) упоминаются в любом исследовании по истории Февральской и Октябрьской революций, но лишь эпизодически, в связи с теми наиболее важными событиями описываемого периода, которые эти места напрямую затронули. Повседневная, рутинная жизнь вокруг таких объектов в промежутках между революционными потрясениями в основном остается в тени. Авторы сборника постарались частично восполнить данный пробел.

Сборник подготовлен коллективом исследователей из Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.М. Бонч-Бруевича и ряда петербургских музеев под редакцией Ю.З. Кантор (РГПУ им. А.И. Герцена). Книга состоит из 12 статей и оформлена как научно-популярное издание, но фактически представляет собой оригинальное научное исследование. Многие статьи сопровождаются большим числом фотографий, современных и исторических.

Открывает сборник статья А.А. Конивец (Государственный Эрмитаж), посвященная комплексу Зимнего дворца и Эрмитажа в революционные месяцы. К моменту отречения Николая II от престола императорская семья уже более 10 лет проживала в Царском Селе и посещала Зимний лишь эпизодически; к тому же во время Первой мировой войны часть помещений дворца стала использоваться как госпиталь. В июле 1917 г. во дворец переехало также Временное правительство с собственным аппаратом и охраной, что уже тогда сопровождалось многочисленными хищениями имущества. Значительную часть ценностей осенью 1917 г. удалось пере-

везти в Москву, эвакуацию прервал захват власти большевиками. После 25 октября (даты в книге даны по старому стилю) почти все помещения дворца были разгромлены, значительная часть оставшегося имущества расхищена.

История Октябрьского переворота тесно связывает Зимний дворец с двумя другими местами памяти – Петропавловской крепостью и крейсером «Аврора»; их судьба описывается в статьях Ю.Б. Демиденко (Русский музей) и Ю.З. Кантор. Значение Петропавловской крепости в революционных событиях было обусловлено прежде всего ее географическим положением в самом центре города, прямо напротив Зимнего дворца, и наличием значительных запасов оружия. В ходе Февральской революции содержащиеся в крепости политические заключенные были освобождены, но в последующие месяцы здесь содержались арестованные царские министры и другие крупные сановники, после Октябрьского переворота – бывшие министры Временного правительства и другие действительные и предполагаемые противники новой власти. В крепости неоднократно производились массовые расстрелы, останки более чем 150 человек, казненных предположительно в 1917–1920 гг., были обнаружены в 2007–2011 гг. во время раскопок напротив Кронверка.

Что касается «Авроры», то в Петроград она пришла в декабре 1916 г. на ремонт. К концу октября 1917 г. работы были завершены, а уровень дисциплины на корабле, несмотря на активное участие матросов в протестах, оставался довольно высоким, так что крейсер оказался самой сильной боевой единицей в столице. Этим и было обусловлено решение большевиков использовать его в ходе вооруженного восстания.

Во всех трех статьях обсуждаются и события 25–26 октября 1917 г. По сведениям авторов, так называемый «штурм Зимнего» является в значительной степени мифом, причем само это выражение, насколько можно судить по сохранившимся источникам, впервые употребили противники большевиков. В действительности до полномасштабного штурма дело не дошло: после продолжавшейся несколько часов осады защитники дворца приняли решение сложить оружие, поскольку стало очевидным, что их положение практически безнадежно.

Эти же события рассматриваются в статье К.А. Тарасова (Санкт-Петербургский институт истории РАН), посвященной дея-

тельности штаба Петроградского военного округа. Главнокомандующий округом полковник Г.П. Полковников, только недавно назначенный на эту должность и не имевший опыта службы в революционной столице, после первых слухов о готовящемся вооруженном восстании, появившихся 12–13 октября, ожидал повторения массовых беспорядков 3–5 июля и не придавал должного значения чисто бюрократическим, на первый взгляд, разногласиям с вновь образованным Военно-революционным комитетом. Масштаб опасности был осознан лишь 24 октября, когда солдаты, матросы и красногвардейцы, подконтрольные ВРК, уже начали занимать правительственные здания и другие стратегические объекты в городе, причем большинство воинских частей, дислоцированных в Петрограде, вообще отказались участвовать в конфликте.

Статья В.С. Измозика (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций) посвящена мемориалу на Марсовом поле. Автор дает краткую предысторию этого места; прослеживает, как вызревало в марте 1917 г. решение устроить именно здесь братскую могилу погибших в дни Февральской революции; описывает саму церемонию похорон 23 марта и последующую историю мемориала в 1917–1922 гг.

С.В. Куликов (Санкт-Петербургский институт истории РАН) в своей статье описывает события, происходившие в Мариинском дворце. До 1917 г. здесь размещался целый ряд высших государственных учреждений империи, включая Государственный совет и Комитет / Совет министров, после Февральской революции дворец стал резиденцией Временного правительства (до его переезда в Зимний в июле). Здесь же в октябре 1917 г. проходили заседания вновь сформированного Временного совета Российской республики (Предпарламента).

Следующая статья, также написанная С.В. Куликовым, посвящена роли Петроградской городской думы в событиях 1917 г. Противостояние между городским самоуправлением и царской администрацией имело давнюю историю, именно попытки городской думы взять в свои руки продовольственное снабжение столицы во многом спровоцировали беспорядки в двадцатых числах февраля, завершившиеся свержением Николая II. В последующие месяцы, однако, эффективность городской думы значительно снизилась, так что оказать сколько-нибудь действенную помощь Временному

правительству в критический момент вечером 25 октября она оказалась уже не в состоянии.

К числу менее известных мест памяти, связанных с Февральской революцией, относится дом № 12 по Миллионной улице, где 3 марта 1917 г. отрекся от престола великий князь Михаил Александрович. Его переговоры с Николаем II и представителями Государственной думы в конце февраля – начале марта описываются во второй статье В.С. Измозика. Ещё один исторический объект, прочно связанный с революционными событиями 1917 г., – это особняк балерины М.Ф. Кшесинской, судьбу которого описывает в своей статье А.М. Кулегин (Государственный музей политической истории России). С марта по июль 1917 г. здесь размещались Центральный и Петроградский комитеты РСДРП (б).

А.Б. Николаев (РГПУ им. А.И. Герцена) описывает события вокруг Таврического дворца, который до революции являлся резиденцией Государственной думы. На протяжении 1917 г. в нем продолжали работать различные учреждения Думы и ее Временного комитета, здесь же до августа размещался и Петроградский совет рабочих депутатов. В статье также подробно описывается деятельность депутатов Государственной думы в дни Февральской революции, показана их роль в свержении старого порядка. Завершают сборник еще две статьи Кантор, посвященные дому № 2 по Гороховой улице (до революции – штаб-квартира Управления Градоначальства, а также петроградской полиции и охраны, с 10 декабря 1917 г. в этом же здании размещалась ВЧК) и зданию Смольного института.

М.М. Минц

2018.05.003. 100 ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ / Научный совет РАН по проблемам военной истории; Общерос. обществ. организация «Российские ученые социалистической ориентации». – М.: АИРО-XXI, 2018. – 208 с.

Ключевые слова: история военного строительства; создание Красной армии и Военно-морского флота; армия и революция 1917 г.; армия и Гражданская война.

В сборнике помещены материалы круглого стола, состоявшегося 20 февраля 2018 г. В них отражаются различные этапы зарождения

дения, становления и последующей деятельности Красной армии и Военно-морского флота. Значительное внимание уделяется предыстории Красной армии, разработке проблем военного строительства в трудах теоретиков научного коммунизма. Большинство статей авторов сборника посвящено проблемам ранней истории Красной армии, решению проблем старой армии, роли армии в Октябрьской революции 1917 г., участию ее в разработке различных задач молодого советского государства. Рассматривается участие Красной армии в событиях 1918 г. – показывается ее роль в отражении военной интервенции и борьбе с местной контрреволюцией. Отмечается сложный состав молодой Красной армии, подключение к ее действиям старых военных специалистов, участие в ее рядах анархистов, вскрывается реальная роль старых членов партии большевиков в деле строительства армии нового типа. В сборнике отражается и участие Красной армии в восстановлении народного хозяйства в период Гражданской войны. В статьях отражена также тема отношения к Красной армии ее противников из лагеря контрреволюции. Приводится в сборнике и ряд документов, отражающих деятельность Красной армии на ранних этапах ее формирования.

Книга открывается «Вступительным словом» чл.-корр. РАН Г.А. Куманева. Автор подчеркивает, что появление РККА – это уникальный случай в истории страны, когда армия создавалась фактически с нуля, в «пожарном» режиме, на фоне Гражданской войны и иностранной интервенции (с. 6). Уникальность рождения Красной армии состоит еще и в том, что на первоначальном этапе войска создавались без проведения централизованной мобилизации. Речь шла о добровольческих формированиях, которые испытывали большие сложности не только с обеспеченностью оружием и боеприпасами, но и с обмундированием и питанием.

Сама дата 23 февраля в качестве даты рождения РККА, по словам автора, не претендует на стопроцентную историческую точность: Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии был принят 15 (28) января 1918 г. Но именно первая дата укоренилась в коллективном сознании нескольких поколений как праздничная. Однако официально праздник был установлен спустя четыре года после образования РККА – на основании постановления Президиума ВЦИК РСФСР от 27 января 1922 г. С этого документа фактически ведется отсчет истории, в которой 23 февраля считает-

ся днем рождения армии Советской России, а вместе с ней и ее преемников – армии и флота СССР, армии и флота Российской Федерации.

Д-р ист. наук, профессор В.Я. Гросул в статье «У истоков Красной армии» пишет, что во время революции 1905–1907 гг. возникли десятки боевых организаций РСДРП, среди которых особенно выделялись организации Петербурга, Москвы, Киева, Риги, Урала. Уже тогда эти организации назывались «военками». Новым этапом в работе партии стала Первая мировая война. Осенью 1916 г. в стране был налицо политический кризис, и его составной частью стал кризис армии. В январе 1917 г. Департамент полиции доносил правительству: «Возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения династии, допустима, так как они... слишком недовольны всем управлением страны» (с. 20). Весьма значительную роль сыграла армия в Февральской революции, а уже 4 марта 1917 г. собрался на свое первое заседание Совет солдатских депутатов. Солдатские комитеты начинают создаваться и в тылу, и на фронте. Шел процесс создания отрядов рабочей милиции, формировались отряды Красной гвардии.

К июлю 1917 г. только в Петрограде Красная гвардия насчитывала в своих рядах 5–6 тыс. человек; разрабатывается первый в стране устав Красной гвардии, ставший образцом для других городов (с. 21). При Московском Совете рабочих депутатов создается Центральный штаб Красной гвардии, приступивший к объединению отрядов рабочей милиции и Красной гвардии. Подобная работа была проведена и в ряде регионов страны – на Урале, в Сибири, на Украине и других местах. 31 марта состоялось собрание военной организации Петрограда, где присутствовало около 100 представителей от 48 воинских частей. К концу апреля военная организация при Петроградском комитете была преобразована в Военную организацию при ЦК РСДРП. В марте – июне возникают военные организации во многих других городах (с. 22–23).

Важным этапом военной работы большевиков стала конференция их военных организаций (16–23 июня 1917 г.). Она провозгласила создание и вооружение Красной гвардии из рабочих, отрядов народной армии в сельских районах. Центральным печатным органом военной организации становится газета «Солдатская правда». Военные отряды большевиков активно выступили против кор-

ниловского мятежа. После разгрома корниловщины число военных организаций большевиков выросло. Только в тылу действовало 95 гарнизонных «военоек», а на фронтах, кроме Кавказского, было уже 50 тыс. большевиков. Военная организация РСДРП (б) приняла активное участие в создании Петроградского военно-революционного комитета, а также военно-революционных комитетов в центральных и в других губерниях страны (с. 25). 18 (31) октября 1917 г. на совещании представителей петроградского гарнизона, который насчитывал вместе с пригородами 240 тыс. человек, было заявлено о полной поддержке ВРК. Это закрытое гарнизонное совещание было организовано военным отделом Петроградского Совета. В это время и Красная гвардия насчитывала 20 тыс. человек. В полки и команды были назначены комиссары ВРК. Все это, несомненно, сыграло свою роль в победе Петроградского вооруженного восстания (с. 26).

В.А. Попович в начале статьи «На страже революции и морских рубежей (К 100-летию Рабоче-крестьянского Красного флота)» приводит цифру боевых кораблей в составе российского флота накануне революции – 558 (с. 29). Флот принимал активное участие в свержении царского самодержавия и Временного правительства, взятии власти большевиками. 15 января 1918 г. был подписан Декрет об образовании Рабоче-крестьянской Красной армии, а 29 января 1918 г. – о создании Рабоче-крестьянского Красного флота. При активной помощи балтийцев формировались Волжско-Ильменская, Северо-Волжская и Онежская флотилии. В Гражданской войне десятки тысяч матросов воевали плечом к плечу с красноармейцами на суше. Интервенты и белогвардейцы уничтожили флот, сотни кораблей и судов угнали за границу. Но флот был восстановлен к 1941 г. После войны флот продолжал расти и развиваться. В конце 80-х годов XX столетия Военно-морской флот СССР насчитывал 1380 боевых кораблей, 1142 боевых самолета и более 450 тыс. личного состава. По многим параметрам он был мощнее флота США (с. 44). Ныне в составе флота России 142 тыс. человек и 246 кораблей (с. 45). В последние годы руководство страны принимает меры по возрождению могущества флота.

С.Н. Базанов в статье «Создание советских вооруженных сил: Реорганизация старой армии или строительство новой?» пишет, что один из первых декретов советской власти – о мире – являлся по

существо первым актом слома старой армии: СНК, учитывая сложившуюся обстановку, 10 ноября принял декрет «О постепенном сокращении численности армии», где тогда находилось около 9 млн человек, из которых 7 млн были фронтовиками (с. 99). Одновременно предпринимались шаги к заключению перемирия с противником. Для того чтобы замедлить развал армии, а главное – хотя бы до заключения мира удержать ее на фронте, Советское правительство решило провести ее демократизацию. Однако демократизация не способствовала оздоровлению войск, а ослабила их и даже способствовала активному пополнению белогвардейских формирований офицерскими кадрами.

Красная гвардия, ставшая зачатком новых вооруженных сил, была слабо обученной в военном отношении и малочисленной (к началу 1918 г. насчитывала 150 тыс. человек) и не могла защитить Советскую республику. Первоначально Рабоче-крестьянская Красная армия и Рабоче-крестьянский Красный флот создавались на добровольческих началах.

В течение марта, после заключения Брестского мира, когда были демобилизованы остатки старой армии, в Красную армию записалось около 70 тыс. добровольцев-фронтовиков, составивших ее ядро. Вступали в ее ряды красногвардейцы и рабочая молодежь, в основном из крупных промышленных центров. И уже на 1 апреля 1918 г. Красная армия насчитывала более 150 тыс. человек, а к лету – 450 тыс. На первых порах она не имела установленных штатов, формы одежды, однотипного вооружения; управление войсками осуществляли выборные командиры и различные коллегиальные органы; уровень боевой подготовки красноармейцев и немалой части командиров был невысок (с. 105).

Между тем начавшаяся Гражданская война потребовала не только значительно увеличить численность вооруженных сил Советского государства, но и повысить их боеспособность. 10 июля 1918 г. 5-й Всероссийский съезд Советов принял постановление «Об организации Красной Армии», тем самым оформив законодательно принятое 29 мая постановление ВЦИК о переходе к комплектованию армии и флота на основе всеобщей воинской обязанности. Все эти меры вскоре дали результат: к концу октября Красная армия насчитывала уже свыше 700 тыс. человек, были созданы регулярные части и соединения – 42 стрелковые и три ка-

валерийские дивизии, сведенные в 13 армий. В дальнейшем ее численность неуклонно увеличивалась и к концу Гражданской войны превысила 5 млн бойцов и командиров (с. 105).

В статье «Красная Армия в воспоминаниях русских монархистов, участвовавших в Белом движении на Юге России» В.В. Шаповалов, анализируя отношение монархистов – очевидцев Гражданской войны к Красной армии, заключает, что, во-первых, оно не было однородным, а, во-вторых, менялось в ходе войны. С укреплением боевой мощи Красной армии отношение к ней и ее личному составу эволюционировало от презрительно-непримиримого к уважительному. Некоторые белогвардейцы отмечали и определенное морально-психологическое превосходство красноармейцев, а также их военно-организационную мощь. Среди преимуществ Красной армии отмечалась классовая и национальная политика, которая смогла расположить к себе представителей разных классов и этнических групп. Военные успехи Красной армии, а также в целом достижения государственного строительства большевиков, при всем радикализме их действий, вызывали среди части монархистов и скрытые симпатии, приводящие к восприятию Красной Армии если не как наследницы, то как новой формы существования российской армии, призванной очертить границы новой России (с. 128).

Г.Н. Змиевский в статье «Брестский мир и рождение Красной армии» отмечает, что для немцев в 1917 г. был исключительно выгоден мир с Россией, чтобы сосредоточить все силы на Западном фронте. Возникшая «патовая ситуация», разорвать которую немцы могли только за счет переброски сил с Восточного фронта, других возможностей не предоставляла. 19 ноября (3 декабря) начались переговоры в Брест-Литовске. Они носили драматический характер и не раз прерывались. По вопросу о мирном договоре шли ожесточенные споры в руководстве советского государства в связи с планом Троцкого «ни мира, ни войны» и позицией «левых коммунистов», обрушившихся на Ленина, призывавшего немедленно заключить мир с Германией. Особенно неистовствовал Радек, который на заседании ЦИК объявил Ленина предателем: «Если бы в Петрограде нашлось пятьсот мужественных людей, мы бы посадили Вас в тюрьму!» Ленин спокойно ответил: «Действительно, некоторые могут оказаться в тюрьме; но если Вы тщательно взвесите

все возможности, то увидите, что гораздо более вероятно, что в тюрьме окажетесь Вы, а не я» (с. 148).

17 февраля в кабинете Ленина собралось экстренное заседание ЦК. Предложение Ленина о немедленном подписании мира на немецких условиях не прошло. Весь день 17 февраля и ночь с 17 на 18 февраля отчаянные споры не утихали. Ленин снова и снова предлагал телеграфировать в Берлин о возобновлении мирных переговоров. Предложение отклонялось снова и снова. Новое голосование – за два часа до начала немецкого наступления – снова отклонило предложение Ленина. Ровно в 12 часов фронт от Ревеля до устья Дуная окутался дымом тяжелых орудий, цепи солдат в стальных шлемах поднялись из окопов и пошли на приступ русских укреплений.

Вечером 18 февраля, когда немецкое наступление из угрозы стало фактом, снова собрался ЦК. Это было уже четвертое заседание за сутки. Ленин говорил: «Мы должны подписать мир, хотя бы немцы предъявили нам еще более тяжелые условия, чем раньше... Мы должны пойти на это во имя спасения революции!» Снова вспыхнули споры. Но на этот раз голосование дало перевес ленинскому предложению: согласиться с мирными предложениями, выдвинутыми Центральными державами в Бресте. Радиотелеграмма была отправлена в ночь на 19 февраля. Одновременно в Питере шла мобилизация сил против наступающих немецких войск.

Когда передовые части немцев стали натекать на плотный огонь новосформированных пролетарских отрядов, а из Петрограда последовал поток донесений о всеобщей рабочей мобилизации – многие сотни тысяч человек, – занятие северной русской столицы показалось генералу Гофману совершенно безнадежным делом. Он отдал приказ об остановке наступления на Петроград. Мирный договор был подписан 3 марта. Его условия были исключительно тяжелыми для Советской России. Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мир.

Д.И. Рублев в статье «Анархисты и Красная армия» пишет, что являясь участниками единого революционного фронта, свергнувшего Временное правительство и установившего власть Советов на территории России, анархисты принимали активное участие в военном строительстве, сыграв значительную роль как в становлении Красной армии, так и в ходе боевых действий в годы Граж-

данской войны. При этом часть из них действовала как сила, альтернативная РКП (б) и проводимому ею курсу на создание регулярной Красной армии. Вместе с тем многие деятели анархистского движения интегрировались в РККА и РККФ, включившись в слой военных деятелей молодого Советского государства (с. 184).

В сборнике помещены также следующие статьи: В.П. Рыбалкин «Основоположники марксизма-ленинизма об армии социалистического государства»; Л.И. Ольштынский «Ленин и Красная армия»; С.С. Войтиков «Высший военный совет. Проблемы изучения»; Н.Ф. Бугай «Красная армия: На фронтах сражений и в строительстве нового государства»; Г.А. Куренков «Красная армия и проблемы защиты военной тайны (1918–1922 гг.)»; Б.У. Серазетдинов «Участие Красной армии в восстановлении народного хозяйства на Урале в период и после Гражданской войны (1918–1922 гг.)»; А.К. Акылакунова, Н.Е. Коршунова «Вклад менделеевцев в победу Красной армии в годы Гражданской войны».

В.М. Шевырин

2018.05.004. НЕЙБУРГЕР М. БОЛГАРСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХЕ, 1917–1923.

NEUBURGER M. The Bulgarian factor in Russia's revolutionary era, 1917–23 // J. of contemporary history. – [L.]; [Beverly Hills, Calif.], 2017. – Vol. 52 (4). – P. 874–891.

Ключевые слова: Балканы; Болгария; болгарские и российские левые; российская революция 1917 г.; Гражданская война; балканский фактор в революции 1917 г.

Мэри Нейбургер, профессор Техасского ун-та (Институт исторических исследований, Остин) рассматривает роль и значение болгарских левых сил в русской революции 1917 г. и в последующий период, прежде всего, «особые отношения» болгарских и российских левых и конкретные пути и способы, по которым происходил обмен людьми, идеями, материалами, причем как по суше, так и по Черному морю. Связи, вклад и преданность болгарских левых русскому (и глобальному) революционному проекту были значительными и во многом превышали в пропорциональном отношении как размер, так и международное значение Болгарии; поэтому ав-

тор предлагает рассматривать болгарский фактор шире, как «балканский».

Вплоть до недавнего времени русская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война объяснялись и понимались прежде всего как русские события, хотя и с явным интернациональным измерением. Разумеется, во многих исследованиях отводилось место иностранному, т.е. коммунистическому вмешательству. Спустя 100 лет после 1917 г. новые исследователи продолжают уточнять картину эпохи, уделяя внимание в том числе субъективному пониманию революции в национальных коммунистических партиях, взаимодействию национальных и интернациональных факторов. В равной мере определенному пересмотру подвергается серьезный вопрос: всегда ли левые силы находились под влиянием Москвы?

Немногие выдающиеся болгарские марксисты хорошо известны своим вкладом в русскую революционную эпоху – Димитр Благоев, Георгий Димитров, Кристиан Раковский. Но гораздо менее известны многие участники болгарского социалистического движения, оставившие мемуары, которые пылятся на полках государственных архивов. «Внимательное чтение этих мемуаров, – отмечает автор, – своего рода окно, показывающее, что болгары воспринимали революцию через “свои очки”, отталкиваясь от собственных индивидуальных и коллективных интересов. Прочитанные в тандеме с мемуарами лиц известных, такие истории проливают свет на роль болгарского или, точнее, балканского фактора в деле упрочения и распространения власти большевиков» (с. 876).

В 1917 г. в Петрограде находилась лишь небольшая горстка болгар, но такая видная фигура как К. Раковский, и менее известный В. Геров поддерживали связь с Советской Россией с южного фланга, участвуя в Гражданской войне на стороне красных. Когда Украина стала основным полем борьбы за выживание революционного государства, соседняя Болгария обрела важную вспомогательную роль, там происходил обмен информацией между красными и белыми, Востоком и Западом. Коммунисты организовали постоянное курсирование кораблей, в первую очередь через Варну и Одессу, которые перевозили людей, товары, пропагандистскую литературу между Россией (и позднее Советским Союзом) и Болгарией. Через эту транспортную сеть болгарские коммунисты полу-

чали оружие для своего неудачного восстания в 1923 г., которое стало попыткой показать достижимость идеи глобальной революции. В последующие годы Советский Союз стал базой для болгарских коммунистов, причем многие из них играли видную роль в стремлении Советов совершить всемирную революцию и победить фашизм в Европе. С самого начала болгарские коммунисты принимали активное участие в деятельности Коминтерна – органа по распространению революции. Это продолжалось в 1930-е годы и усилилось в начале 1940-х при Георгии Димитрове.

Автор связывает притягательность марксизма и большевизма для болгарских социалистов с их особыми отношениями с Россией и российскими левыми силами. Их корни восходят к XIX в., когда часть болгарской новой коммерческой элиты стала посылать свое потомство для обучения за границу, в том числе в царскую Россию. Болгарская, и, шире, балканская молодежь соприкасалась с политическим радикализмом именно в России: ее привлекал не столько социализм, сколько аграрный популизм Герцена, анархизм Бакунина. В 1856–1878 гг. примерно 500 болгар получали образование в Петербурге, тогда как многие болгарские эмигранты осели в Новороссии, особенно в Одессе. Их колонии особенно упрочились в этом регионе после Русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. Здесь, как и в Сербии и в Румынии, они создавали революционные кружки и устанавливали отношения с другими революционерами, националистами и социалистами.

Левая мысль развивалась на почве особой ситуации на Балканах в XIX в. При Османском правлении главной целью болгарских революционеров было национальное освобождение, что сопровождалось неустанной критикой политики великих держав. Когда балканские государства получили автономию и независимость (Болгария в 1878 и в 1908 гг. соответственно), неудовлетворенность новыми границами вызвала к жизни националистические программы. «Только вопрос бедности и отсталости, так называемый “крестьянский вопрос”, соперничал по важности с проблемой, как перекроить границы с учетом сложной этнорелигиозной мозаики. Как и в России, решение предлагал марксизм. Балканскую отсталость и нерешенность национальных проблем можно было свалить на великие державы и их прислужников – местную буржуазию, а конечное решение связывалось с революцией» (с. 878).

Однако балканские социалисты выдвигали другое решение. Понятие Балканской (или Дунайской) федерации долгое время являлось частью революционного проекта о региональном сотрудничестве и постосманском будущем. С 1870-х годов балканские социалисты – такие как видный сербский социалист Светозар Маркович и отец-основатель болгарского марксизма Димитр Благоев – рассматривали федеральную модель как средство политического решения балканских этнонационалистических проблем.

Важно отметить, что болгарские левые силы участвовали в организации не только балканской, но и более широкой, европейской, в том числе российской марксистской традиции. Д. Благоев создал первую марксистскую организацию в России, сотрудничавшую с Плехановым («Освобождение труда») и заложившую основы русской социал-демократической партии. Изгнанный из России, он создал в Болгарии Рабочую социал-демократическую партию в 1891 г. К. Раковский участвовал в кружках русских марксистов-эмигрантов в Швейцарии вместе с Плехановым, Засулич и Аксельродом. Эти ранние социалисты поддерживали не только революционный, но и эволюционный подход к политическим переменам. Болгарские социал-демократы, как и российские, раскололись на две ветви: болгарские «тесняки» вместе с Благоевым равнялись на русских большевиков, «широкие» были связаны с меньшевиками. К этой ветви, которую историки именуют «европейской», принадлежал Раковский.

Симпатии Раковского были адресованы не царской России и «царю-освободителю», а российскому народу, интересы которого представляли левые силы. Вместе с тем интернационализм Раковского, по словам автора, был своего рода «мультинациональным», продуктом его многонационального балканского происхождения. Его семья принадлежала к османской торговой элите, и он сам тесно общался с рядом социальных и этнических групп на обоих берегах Дуная (с. 880).

Балканские войны (1912–1913) и Первая мировая война имели катастрофические последствия для болгарского и русского фронтов, способствуя радикализации политических настроений. Победа большевиков в Петрограде в 1917 г. вдохновила «тесняков» Благоева, ряды которых быстро росли в конце войны. Горстка болгар непосредственно участвовала в событиях февраля и октября

1917 г. Мемуары одного из них, Василя Герова, ярко рисуют его отношение к октябрьскому перевороту как воплощению надежд его отца, участника битвы на Шипке в Русско-турецкой войне. Он цитирует письмо отца от 1915 г.: «Помни и до конца дней своих не забывай, что находишься в братской стране, народ которой проливал свою кровь за наше освобождение от турецкого ига. Мы в долгу перед ними. Я думаю также о международном положении и о грядущих событиях, в которых ты должен принять участие на стороне наших русских братьев» (цит. по: с. 881). «Для Герова, как и для Раковского и многих других, наилучшим образом исполнить свой политический долг перед Россией означало оказать помощь в освобождения их русских братьев не только от русского царизма, но и от западного империализма. Для сторонников большевиков это означало участие во всеобщей революции в Петрограде и за его пределами, во вновь созданных революционных советах» (с. 882). Первой организованной группой зарубежных социалистов в Петрограде стал болгарский комитет под руководством В. Герова, тепло принятый Лениным, что казалось живым доказательством глобальной природы революции, ее «интернационального» характера. Ту же роль играл Коминтерн (III Интернационал), одним из членов-основателей которого на его первом конгрессе в марте 1919 г. стал Раковский, представлявший Федерацию Балканских коммунистических партий, Болгарскую и Румынскую партии. Генсек Болгарской компартии Васил Коларов и Георгий Димитров постоянно курсировали между Варной и Одессой по «нелегальному каналу», ставшему одной из артерий революционного обмена партийцами, оружием и печатными революционными материалами между Болгарией и Советской Россией (с. 882).

Волнения на Балканах, казалось, подтверждали представление большевиков о том, что русская революция станет искрой для разгорания революции мировой. Д. Благов и его «тесняки» стремились придать стихийным волнениям координированный характер. В декабре 1917 г. около 10 тыс. болгарских рабочих заполнили улицы Софии, призывая к миру и революции. Партийные ячейки среди солдат распространяли огромное количество брошюр, призывов, газет; тираж газеты «Работническо дело» вырос с 2 тыс. до 11,5 тыс. Толпы женщин, поощряемые «тесняками», громили мага-

зины и продовольственные склады. По словам Благоева, «империалистическая война» превращалась в «войну социальную».

В 1919 г. «тесняки», переименованные в Болгарскую коммунистическую партию (БКП), заняли на парламентских выборах второе место после Болгарского земледельческого национального союза (БЗНС) А. Стамболийского. Режим Стамболийского боролся с забастовками, используя армию, войска союзников и собственную «оранжевую гвардию».

В этот период Южная Россия и Украина стали ареной наиболее ожесточенной борьбы между революционными и контрреволюционными силами, как внутренними, так и внешними. Но то, что происходило в ближнем зарубежье, включая Балканы, было тесно связано с успехами и провалами Гражданской войны и советского проекта в целом. Болгары (и Болгария) играли важную и в значительной мере непризнанную роль в гражданской войне на территории Украины. К. Раковский, которого Ленин вызвал в Москву в начале 1918 г., стал ключевой фигурой в этом отношении. После Октябрьской революции он присоединился к партии большевиков, его интеллектуальные и политические таланты получили здесь широкое признание. Ленин назначил Раковского главой Совета народных комиссаров на Украине в 1919–1923 гг., фактически сделав его главной фигурой всего раздираемого войной региона. Нейтральность и гибкость Раковского оказались важными качествами на Украине, где этническое разнообразие напоминало балканскую мозаику, которую он хорошо понимал. Раковский боролся с «буржуазным украинским национализмом», но при этом переносил свои идеи создания Балканской федерации на многонациональную Украину. Кроме того, эта территория стала основной базой Белой армии, получавшей поддержку Антанты со стороны Черного моря. Поэтому, считает автор, как болгарскому, так и черноморскому факторам, которые редко рассматривались историками, необходимо уделить должное внимание при попытке распутать сложные политические нити этого периода.

Автор, опираясь на мемуары некоторых членов БКП, подробно описывает масштабы деятельности «нелегального черноморского канала» между Варной и Одессой. В 1922 г. было даже решено купить большое американское судно, которое назвали «Иван Вазов» – имя болгарского писателя, автора знаменитого романа

«Под игом». В 1922 г. судно доставило продукты в голодающий Севастополь и продолжало совершать рейсы Варна – Одесса с оружием, продовольствием и литературой. Тем же путем прибывали волонтеры, желавшие играть активную роль в защите первого пролетарского государства и отдать «болгарский долг русскому народу» (с. 885).

Но не только левые совершали регулярные черноморские рейсы в то время. Фактически около 30 тыс. солдат Белой армии Врангеля в сопровождении белых офицеров осели в Болгарии – премьер-министр Стамболийский решил таким образом примириться с Антантой. Болгария превратилась в своего рода базу контрреволюционной деятельности против русских и болгарских коммунистов. При поддержке и одобрении Стамболийского белые силы нередко использовались при подавлении стачек и других видов активности левых в стране. Однако поддерживаемые Антантой планы перенаправить белых на Украину не удалось. Тем временем отношения военных со Стамболийским обострились, что привело к его убийству 23 июня 1923 г. Пришедший к власти кабинет А. Цанкова предпринял шаги по вытеснению из политической жизни страны БЗНС и БКП. При этом он широко использовал репрессии, особенно после так называемого Сентябрьского восстания 1923 г.

Полагая, что государственный переворот привел к кризису власти, ЦК БКП (т. с.) в начале августа 1923 г. утвердил курс на вооруженное восстание с целью установления власти рабоче-крестьянского правительства. Полиция, для которой эти планы не были секретом, в качестве превентивной меры 12 сентября 1923 г. арестовала около 2 тыс. коммунистов. Не дожидаясь утверждения Центральным комитетом даты восстания, за которое высказалось большинство, член ЦК БКП В. Коларов разослал специальные инструкции партийным организациям, призвав их выступить 22 сентября.

По стране прокатилась волна мятежей и выступлений с призывом создать «республику рабочих и крестьян», однако вооруженные силы нового премьер-министра А. Цанкова подавили протесты. К 29 сентября практически не осталось ни одного очага сопротивления. Руководство в составе В. Коларова, Г. Димитрова и Г. Генова спаслось, перейдя болгаро-сербскую границу. Число по-

гибших составило, по данным компартии, около 5 тыс. человек. На основании принятого в начале 1924 г. Закона о защите государства БКП и другие учрежденные ею организации были запрещены.

БКП, сохранявшая нейтралитет, подверглась суровой критике со стороны Коминтерна и смене руководства. Во главе партии встал Георгий Димитров, сменивший престарелого Благоева. «Восстание 1923 г. фактически потерпело поражение, но оно доказало болгарскую лояльность Москве и Коминтерну. Оно также стало важной частью нарратива БКП о правительственных репрессиях и коммунистических жертвах, об изгнании и о наступающей борьбе против фашизма. 1923 г. стал последней надеждой Болгарии стать частью глобальной революции, которая должна была последовать за русской революцией 1917 г.» (с. 888).

Репрессии в стране усиливались, и большая часть руководства БКП нашла прибежище в СССР, причем, оказавшееся достаточно опасным для них. Однако в целом БКП лишь частично пострадала от жестких сталинских чисток зарубежных компартий благодаря влиянию Димитрова, ставшего крупной и влиятельной фигурой левых сил межвоенного периода. Он состоял в Коминтерне с его основания, руководил его западноевропейским бюро в Берлине в 1922–1933 гг. В 1933 г. нацисты обвинили его в поджоге рейхстага, причем этот инцидент использовался как предлог для введения авторитарного правления. На суде в Лейпциге Димитров отверг ложные обвинения, что принесло ему славу и признание не только левых сил. По возвращении в СССР он был включен в ближайший круг Сталина. Это дало ему возможность лично выступать в защиту 800 арестованных членов БКП и многих спасти. Тем не менее более 500 членов партии были казнены или умерли в ГУЛАГе. Став главой Коминтерна в критические 1934–1943 гг., Димитров играл важную роль в политике «народного фронта против фашизма». При этом он отнюдь не был простым рупором Сталина и Коминтерна, как ранее считали западные историки. В работах последних лет отмечается, что он обладал значительной автономией в формулировании своей позиции, используя свой опыт на Балканах. Димитров много работал над созданием союзов с националистически ориентированными революционными организациями на Балканах, с тем чтобы использовать их «революционный потенциал».

«Болгарский фактор в русской революции 1917 г., – пишет в заключение автор, – заслуживает серьезного пересмотра как нечто большее, нежели примечание к истории этих поистине интернациональных событий. Болгарские левые силы имели долгую историю включенности в российский и европейский марксизм, влиятельных (даже критически настроенных) мыслителей и политических лидеров как до, так и после 1917 г. “Особые отношения” между Болгарией и Россией были подкреплены событиями этого года, которые болгары прочли, осмыслили и использовали со своим собственным значением. Болгарский “долг” царской России за “освобождение” был нередко понимаем как долг “спасти русский народ”. В свою очередь советская Россия была принята как воплощение надежд на мировую революцию, как проект, в котором Болгария играла ключевую роль – на Украине и за ее пределами. Это в конечном счете помогло болгарским левым силам занять выдающееся положение в международном коммунистическом движении и внедрить коммунизм внутри самой Болгарии» (с. 891).

Т.М. Фадеева

2018.05.005. МИНЦ М.М. Рец. на кн.: КОКОУЛИН В.Г. БЕЛАЯ СИБИРЬ: БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП (НОЯБРЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 г.). – Новосибирск: [б. и.], 2017. – 527 с.

Ключевые слова: Гражданская война в России; внутривнутриполитическая борьба в Сибири; история белых правительств; А.В. Колчак.

Расхожий стереотип о том, что историю пишут победители, довольно сложно соотносится с действительностью, однако советская историография Гражданской войны в России соответствовала ему в полной мере. Это проявилось не только в доминировании определенных идеологических установок (оно было характерно для всей советской исторической науки), но и в том, что предметом исследования являлись прежде всего такие вопросы, как политика советского правительства, экономическое положение на территориях, подконтрольных большевикам, действия Красной армии и т.д. Процессы, протекавшие по другую сторону фронта, при этом в основном оставались в тени; исключение составляли действия крас-

ных партизан. В постсоветский период интерес историков к Гражданской войне в целом заметно снизился, так что еще в начале 2000-х годов многие специалисты характеризовали ее как «забытый» период советской истории, несмотря на то что опыт Гражданской войны оказал существенное, если не определяющее, влияние на последующую эволюцию большевистского режима.

В последние годы этот пробел начинает заполняться, в том числе появилась и литература по истории белых правительств. Новым шагом в данном направлении стала книга В.Г. Кокоулина, посвященная внутриполитической борьбе в Сибири в период диктатуры А.В. Колчака. Автор книги – д-р ист. наук, профессор Новосибирского государственного университета, профессор Академии военных наук, преподаватель Новосибирского высшего военного командного училища. Область его научных интересов включает в себя историю политических партий, а также историю революций и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. В своей работе он анализирует программные установки различных политических группировок, их взаимоотношения между собой, расхождения между декларациями и реальными политическими решениями. Актуальность избранной темы В.Г. Кокоулин обосновывает тем обстоятельством, что главной причиной краха колчаковской диктатуры был именно политический фактор, обусловивший в том числе и военные неудачи белых армий.

В концептуальном отношении книга по сути является продолжением советской историографии, но на новой фактологической основе. Свой собственный методологический подход автор определяет как «социально-классовый»; образцом по-настоящему объективного анализа во введении к книге названы советские работы 1920-х годов, когда идеологический диктат еще не был таким жестким, как в последующие десятилетия. Вместе с тем Кокоулин оговаривается, что изучение субъективного восприятия происходящих событий их современниками в работе историка не менее важно, чем анализ объективных обстоятельств, так как последние влияют на поведение конкретных исторических акторов лишь опосредованно.

Источниковая база исследования отличается многообразием и включает в себя делопроизводственную документацию, партийную публицистику и источники личного происхождения. Автором про-

анализированы в общей сложности 77 архивных фондов, в основном в региональных архивах Алтайского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Новосибирской, Томской, Омской областей и Республики Башкортостан, из центральных архивов используются материалы ГАРФ, РГАСПИ, РГВА.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Главы соответствуют трем основным этапам истории колчаковской диктатуры: формирование нового правительства (ноябрь 1918 – февраль 1919 г.), кризис режима (март – июнь 1919 г.) и его крушение (июль – декабрь). В тексте приводятся многочисленные и довольно пространственные цитаты из источников, позволяющие читателю напрямую ознакомиться с мнением современников о происходящих событиях.

Придя к власти в результате государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г., Колчак сумел достаточно быстро установить контроль над всей территорией, ранее подчинявшейся Уфимской директории, несмотря на сопротивление членов Комуча и других сторонников «демократической контрреволюции». Из крупных политических партий наиболее последовательную поддержку ему оказали кадеты; на этом основании автор характеризует их как правящую партию, а сам режим Колчака – как «кадетско-монархический», хотя и оговаривается, что за отсутствием каких-либо представительных органов реальная власть перешла к военно-бюрократической верхушке, провозглашавшей себя вне политики и стремившейся по возможности дистанцироваться от политических партий и межпартийной борьбы. Эсеры, составлявшие до этого основную базу «демократической контрреволюции», в новых условиях вынуждены были уйти в оппозицию. Позиция меньшевиков была более сложной, в отдельных вопросах они были готовы к компромиссам с колчаковской администрацией. Такой расклад политических сил, в частности, серьезно затруднил взаимодействие последней с земскими органами, где по-прежнему преобладали социалистические партии.

Общий политический курс Колчака в целом сохранил преемственность по отношению к периоду Комуча и Директории. При этом новый верховный правитель гораздо охотнее, чем его предшественники, прибегал к репрессиям, что привело только к дальнейшему росту недовольства; в сельских районах стало формироваться партизанское движение. Предубеждения против национальных

движений не позволили правительству Колчака достигнуть соглашения с башкирскими и киргизскими националистами, которые в результате вступили в переговоры с Советской Россией.

Описанные тенденции получили дальнейшее развитие весной и в начале лета 1919 г., когда после первых успешных операций против Красной армии наступление колчаковских войск застопорилось. Объективно это было связано с неоднородностью вооруженных сил белой Сибири, состоявших из остатков Народной армии Комуча, чехословацкого корпуса, казаков, национальных формирований и новых частей, созданных уже после прихода Колчака к власти, а главное – с тем, что основную массу солдат составляли крестьяне, в большинстве своем не питавшие симпатий к новому верховному правителю. Переломить ситуацию могла только серьезная аграрная реформа, однако разработка проекта такой реформы началась с большим опозданием и так и не была доведена до конца, поскольку сам Колчак по-прежнему считал своей главной задачей военную победу над большевизмом. На политической арене в марте – июне 1919 г. продолжали доминировать кадеты. Меншевики и эсеры, оставаясь в оппозиции, постепенно склонялись к сотрудничеству с большевиками, поскольку диктатуру Колчака многие из них воспринимали как реакционно-буржуазный режим и считали его более опасным врагом по сравнению с Советской Россией, которая по крайней мере декларировала курс на построение социализма.

Во второй половине 1919 г. войска советского Восточного фронта перешли в наступление, 14 ноября был занят Омск, 13 декабря – Новониколаевск, 20 декабря – Томск. Партизанское движение к декабрю охватило практически весь тыл белой Сибири, за исключением полосы вдоль Транссиба, которую контролировали войска чехословацкого корпуса. Автор отмечает, что партизаны и их командиры придерживались самых разных политических взглядов, однако население в целом все больше склонялось к поддержке большевиков.

На этом фоне обострились противоречия не только между колчаковской администрацией и социалистической оппозицией, но и внутри самой администрации, отдельные представители которой выступали за реформу правительства, подчинение военных властей в тылу гражданским учреждениям и установление общественного

контроля над исполнительной властью путем создания представительного органа власти с законодательными или хотя бы законосовещательными полномочиями. Наибольшую лояльность правительству сохраняли кадеты, по-прежнему настаивавшие на сохранении военной диктатуры вплоть до победы над большевизмом. В конце октября – начале ноября в Иркутске в результате переговоров между меньшевиками, эсерами и другими близкими к ним группировками был сформирован Политический центр с целью свержения диктатуры Колчака, прекращения войны с Советской Россией и создания в Сибири независимого демократического государства с социалистическим правительством. В конце декабря 1919 г. в городе вспыхнуло восстание, завершившееся 5 января переходом власти к Политцентру.

Как отмечает автор, эти события по сути были очередной попыткой социалистов реализовать свои идеи «третьего пути» между большевизмом и правым крылом Белого движения, но теперь уже лишь в границах Сибири. Между тем реальный расклад социально-политических сил в регионе в описываемый период практически полностью исключал такой сценарий, поскольку прежние лозунги о демократии, созыве Учредительного собрания и т.д. были непонятны и чужды значительной части населения. Меньше чем через месяц после восстания в Иркутске был установлен советский режим.

Рецензируемая работа, таким образом, носит в целом скорее описательный характер, однако объем фактического материала, собранного автором и впервые введенного в научный оборот, довольно значителен. Книга Кокоулина представляет собой существенный вклад в изучение проигравшей стороны в Гражданской войне и послужит хорошей отправной точкой для дальнейших изысканий в данной области.

М.М. Минц

ДРЕВНИЙ МИР

2018.05.006. МЕДОВИЧЕВ А.Е. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СПАРТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. (Обзор).

Ключевые слова: классическая история Спарты; спартанская исключительность; экономика Спарты; государство и обще-

ство в классической Спарте; Спарта как пример древнегреческого полиса; зарубежная историография.

На протяжении всего XX столетия абсолютно преобладающим в исторической науке был взгляд на классическую Спарту как на крайне специфический, даже уникальный, греческий полис, институты и обычаи которого очень сильно отличались от тех, которые существовали на всем пространстве греческого мира. Ключевым аспектом спартанской исключительности, согласно этому взгляду, было беспрецедентное доминирование спартанского государства над обществом, жесткое регулирование им повседневной жизни спартанских граждан, не имеющая аналогов дисциплина, которой все они были подчинены и которая, таким образом, являлась центральным элементом спартанского *modus vivendi*. Такой подход остается преобладающим и в начале XXI в.

Тем не менее взгляд, приписывающий Спарте черты исключительности, претерпел существенные изменения в течение второй половины прошлого столетия. 50 лет назад классическая Спарта обычно изображалась как консервативное общество, оставшееся в стороне от тех социально-политических перемен, которые произошли в других греческих городах-государствах. В ней, как предполагалось, сохранились древние институты, сопоставимые с теми, которые наблюдаются в так называемых «примитивных» современных племенных обществах, таких как зулусы или масаи. Немногие современные историки сегодня поддерживают такую позицию. Стало очевидно, что институты классической Спарты являются таким же продуктом изменений и процесса адаптации, как и институты других греческих полисов. В особенности идея о «революции VI в.» в Спарте, результатом которой явилась радикальная трансформация ранних обычаев и практик, стала новой ортодоксией, прежде всего, среди англоязычных историков (см.: 1, с. 30).

Под вопросом в последние десятилетия оказались многие аспекты предполагаемой спартанской исключительности. Вплоть до 1980-х годов стандартным было представление о том, что земельная собственность в Спарте носила общественный характер: полис контролировал комплекс равных по площади наделов (клеров), которые принадлежали спартанским гражданам на правах пожизненного держания. Теперь, напротив, многие ученые полагают, что в

Спарте функционировала, по существу, обычная греческая система частного землевладения. Граждане являлись собственниками наделов различного размера, которые они обычно передавали наследникам по принципу долевого наследования, но могли также вполне законно подарить или завещать другим гражданам. Утверждается также, что если илоты как сообщество являлись объектом государственного контроля, то индивидуально илоты и их семьи, по существу, были частной собственностью конкретных господ-спартиатов.

Не столь экзотичной видится теперь и система спартанского воспитания, некоторые черты которой обнаруживают фундаментальное сходство с воспитательными системами других полисов. Новые исследования ставят под сомнение тот, казавшийся ранее очевидным, факт, что главным или даже абсолютно доминирующим ее аспектом была систематическая военная тренировка. Это, в свою очередь, обусловлено ростом понимания того, что Спарта, несмотря на свою военную эффективность, не была только военным сообществом, элитарной корпорацией воинов-профессионалов, что воинские ценности отнюдь не подавляли другие, более приватные аспекты гражданской жизни.

В целом представление о классической Спарте как об исключительном греческом полисе в настоящее время выглядит весьма спорным. При этом список вопросов, находящихся в центре дискуссий, достаточно обширен. В данном обзоре представлены работы ряда ведущих зарубежных ученых, посвященные анализу таких прочно ассоциируемых со Спартой явлений, как доминирование государства над обществом, аскетизм образа жизни спартиатов и экономический эгалитаризм.

Вопрос о том, является ли классическая Спарта примером исключительного доминирования государства над обществом, рассматривается в работе профессора Ноттингемского университета Стивена Ходкинсона, одного из ведущих специалистов по истории Спарты. Как отмечает автор, одной из главных причин остроты дискуссий по поводу характера общества классической Спарты и степени соответствия ее институтов и практик тем, которые существовали во всем греческом мире, является характер источниковой базы. Несмотря на рост объема археологических данных и эпиграфических материалов, основная информация о политических и социально-экономических институтах Спарты происходит из литера-

турных текстов. Сомнения в ее надежности обусловлены таким хорошо известным феноменом, как «спартанский мираж», – имеющий очень небольшое отношение к реальности образ Спарты, создававшийся начиная с V в. до н.э. и далее представителями различных политических группировок других полисов (главным образом, Афин) для подкрепления своих политических или философских взглядов на собственное общество. Таким образом, спартанская система известна только в мифической форме, и как идеальная, по существу, конструкция, сильно затрудняет возможность проследить становление и развитие реальной спартанской *politeia*.

Тенденция рассматривать Спарту как необычное общество получила значительный импульс благодаря двум факторам, генетически связанным с культурой демократических Афин. Один из них обусловлен поисками альтернативной модели полиса представителями афинского высшего класса, встревоженными эксцессами демократии, а также эрозией своей власти и привилегий. Другой – с интенсификацией исследований в области теории общества, которая получила развитие в рамках учения софистов и которому покровительствовали члены элиты. Эти факторы стимулировали появление серии трактатов о формах полиса, в которых Спарта прочно заняла центральное место в качестве наиболее яркой анти-модели афинской демократической системы. Только в последние годы понимание этого обстоятельства стало систематически учитываться при историческом анализе спартанского общества (1, с. 32–35).

Вопрос об исключительности Спарты как крайне специфической модели полиса, пишет С. Ходкинсон, тесно связан с более фундаментальным вопросом о природе древнегреческого полиса вообще. С XIX в. наиболее распространенным было его понимание как политической общины, которая определяла все аспекты человеческого бытия, или, иными словами, как такое образование, в котором «государство», в смысле устанавливающая правила власть, регулирует и контролирует всю частную деятельность своих граждан. Однако во второй половине XX в. ряд ученых выступил сторонниками иного подхода, согласно которому греческий полис представлял собой своеобразный сплав государства и общества, т.е. был единой недифференцированной системой.

Обе указанные интерпретации имели в виду греческий полис вообще. Впрочем, вскоре широкое признание среди антиковедов получила концепция датского историка М. Хансена, по мнению которого такой «сплав» имел место именно в Спарте, где государство пронизывало общество сверху до низу и распространяло свое всепоглощающее влияние на граждан посредством системы общественного воспитания, общественного регулирования браков и семейных отношений, системы обязательных совместных трапез для всех взрослых граждан и жесткого пресечения любых отклонений от установленного стиля жизни. Однако под определение полиса как «сплава государства и общества» никак не подпадали демократические Афины, в которых публичная и частная сферы четко разграничивались, и гражданин, выполняющий предписания законов, в остальном мог жить так, как ему хочется. Ситуация в других полисах, доказывал М. Хансен, была ближе к афинскому разделению государства и общества, чем к их слиянию, как в классической Спарте (1, с. 35–36).

В целом, отмечает С. Ходкинсон, нет оснований сомневаться в том, что влияние государства в Спарте на повседневную жизнь граждан было более сильным, чем в подавляющем большинстве других полисов. Однако, с его точки зрения, это объясняется не тем, что спартанские общественные институты в классический период были радикально иными, чем в других греческих городах-государствах, а скорее тем, что это были трансформированные версии институтов, общих для большинства полисов, включая саму Спарту до «революции VI столетия». Так *syssitia*, например, представляли собой трансформированный вариант традиционных греческих аристократических *symposia*, участие в которых было распространено в Спарте на весь гражданский коллектив и поставлено в формальную взаимосвязь с членством в общине – «корпорации» воинов-гоплитов. Лакедемонская армия была лишь более систематизированной версией обычной греческой полисной армии гоплитского типа, которая в походах действовала скорее как сообщество граждан-воинов, чем воинов-профессионалов, принципиально отличающихся уровнем своей подготовки от граждан других полисов. Спартанская государственная система воспитания включала элементы, свойственные частной системе, практиковавшейся во многих полисах. Хотя государство предусматривало обязательный

порядок жизни для всех спартиатов, признавалось и легитимное существование частной сферы вне государственного контроля. Вопреки распространенным представлениям, спартанские семьи имели значительные возможности, часто более широкие, чем у граждан других полисов, самим определять повседневную жизнедеятельность своих домохозяйств. Государство не пыталось вникать в детали частной жизни своих граждан, и это особенно бросается в глаза на фоне той системы тотального контроля, которую Платон в «Законах» считал желательной в своем воображаемом полисе (1, с. 39–44).

Таким образом, заключает С. Ходкинсон, вместо доминирования тоталитарного государства ключевой чертой спартанского полиса было, скорее, активное участие каждого члена гражданского коллектива в делах общины. Именно это широкое участие придавало Спарте «всеохватывающую атмосферу», очень часто ошибочно интерпретируемую современными историками как тотальный контроль. «Единодушие (*homonoia*), которой славились спартанцы, отнюдь не была гнетущим массовым конформизмом, навязываемым государством, но коммунальной и партисипативной (хотя также и конкурентной) социальностью, реализуемой в рамках ассоциаций разного масштаба и характера» (1, с. 45). Помимо общеполисных мероприятий – политических (народные собрания) или религиозных (разного рода празднества) – повседневная жизнь граждан проходила в рамках обеденных сообществ (*syssitia*) в мирное время и военных подразделений (*enōmotia*) во время походов, а также прочих формальных и неформальных *koinōniai* (по терминологии Аристотеля). Эти объединения пользовались разной степенью самоуправления и предоставляли более состоятельным их участникам значительные возможности использовать свое влияние в публичной сфере, оставаясь при этом частными лицами. Неудивительно, что в изменившихся политических и социальных условиях второй половины IV – первой половины III в. до н.э. в Спарте наблюдалась эрозия публичной сферы и утрата государством контроля над частной деятельностью ведущих граждан. Одним из признаков этого процесса было длительное пребывание многих из них вдали от Спарты и действия в собственных интересах в качестве предводителей наемников. Другим индикатором можно считать трансформацию *syssitia* из обязательных совместных и весьма про-

стых в плане меню обедов для всех граждан в добровольные и уже чисто аристократические *symposia*, отличающиеся роскошью стола, экзотическими продуктами и винами. В результате к середине III в. до н.э. Спарта превратилась в крайне социально стратифицированный полис, в котором сотня наиболее богатых спартиатов оказались настолько свободными от любых стеснений со стороны государства, что разрушили сам экономический базис образа жизни рядовых граждан, а вместе с ним и основы могущества Спарты (1, с. 51).

Плутарх верил, что законодатель Ликург, деятельность которого античная традиция относит ко времени не позднее начала VIII в. до н.э., установил радикальное экономическое равенство посредством передела земли, запрета обращения в Спарте золотых и серебряных денег, введения обязательных для всех граждан общественных трапез и жестких ограничений на демонстрацию богатства. В его представлении, как и за более чем 500 лет до него, в представлении Аристофана, спартанцы являлись олицетворением простоты и аскетичности образа жизни. Совершенно иначе изображал спартанцев в IV в. до н.э. Платон, который видел в них людей алчных, владельцев обширных поместий, бесчисленных рабов и сокровищ.

Современные историки далеко продвинулись в исследовании противоречивости сведений античной традиции по данному предмету. Теперь широкое признание получило представление о том, что имущественное равенство никогда не существовало ни в архаической, ни в классической Спарте, а ограничения на публичные проявления богатства, хотя и действительно значительные, не доходили до аскетизма и не были столь древними, как полагал Плутарх.

Тем не менее, несмотря на определенное единство взглядов в целом, отсутствует согласие относительно деталей режима собственности в Спарте, а также времени возникновения и характера культуры аскетизма. Изучению этих сюжетов посвящены рассматриваемые далее две работы профессора древней истории Лондонского университета (Великобритания) Х. ван Вееса.

Первые свидетельства крайне неравного распределения земельной собственности в Спарте, пишет автор, относятся ко второй половине VII в. до н.э., когда, согласно спартанскому поэту Тир-

тею, уже выдвигались требования передела земли. Однако спартанцы решили проблему иным путем, предприняв завоевание соседней Мессении. И хотя, как полагает исследователь, раздел захваченных земель, скорее всего, был произведен пропорционально достоинству и статусу участников войны, т.е. подобно тому как делилась военная добыча между героями Гомера, даже бедные граждане стали относительно обеспеченными людьми. Впрочем, отмечает Х. ван Веес, даже если бы изначальное распределение земли было абсолютно равным, это равенство наделов не могло продержаться долго при системе долевого наследования. Как показывают расчеты, уже через два поколения 50% граждан располагали бы не более 0,75 или даже меньше первоначальной доли, тогда как 25% имели бы 1,2 или больше (3, с. 204).

Писатели классического периода – Фукидид, Ксенофонт, Аристотель – все признавали факт существования как богатых, так и бедных спартиатов. Так, Аристотель видел в имущественном неравенстве главный дефект реформ Ликурга, особенно подчеркивая тот факт, что оно является главной причиной катастрофического падения демографического потенциала Спарты.

Тезис о том, что Ликург разделил спартанскую территорию поровну между всеми гражданами, по мнению автора, впервые был сформулирован в 243 г. до н.э. сторонниками царей-реформаторов Агиса IV и Клеомена III. Они стремились доказать противникам реформ, что передел земли, главной целью которого было восстановление численности гражданского коллектива, не является революционным актом, но лишь возвратом к «подлинной» Ликурговой системе. Однако сам факт, что такая интерпретация деятельности Ликурга получила признание у позднейших античных писателей, с точки зрения автора, возможно, свидетельствует о существовании каких-то предпосылок для возникновения представлений об изначальном равенстве земельных наделов спартиатов.

Явным признаком серьезных изменений в режиме собственности, по мнению Х. ван Вееса, можно считать прекращение процесса сокращения численности граждан после 371 г. до н.э., когда (после поражения в битве при Левктрах и понесенных в ней больших потерь) она стабилизировалась на уровне 700 человек и оставалась неизменной вплоть до середины III в. до н.э. Примечательно, что за предшествующее столетие число спартиатов уменьшилось

почти на 80% (с 5880 до 1100). Таким образом, пишет автор, есть основания полагать, что спартанское правительство решило проблему демографического кризиса после Левктр путем создания для каждого из оставшихся в наличии граждан неделимых и неотчуждаемых одинаковых по размерам индивидуальных наделов (клеров), достаточно больших, чтобы их держатели никогда не могли бы оказаться в опасности утратить свой гражданский статус. Тот факт, что эти наделы фигурируют в источниках как «древние клеры», фактически являясь недавним нововведением, объясняется, с точки зрения исследователя, тем, что их создание рассматривалось отнюдь не как возврат к системе Ликурга, но к той, которая возникла в эпоху самых первых дорийских поселений на территории Спарты (3, с. 207).

В числе 700 граждан выделялась сотня богатых спартиатов, которые помимо клеров владели также обширными землями на правах полной частной собственности. Раздел именно этих частных земель, составлявших примерно три четверти земельного фонда Спарты, являлся, как считает автор, целью царей-реформаторов (3, с. 208).

Не выдерживает критики и приписываемый Ликургу запрет на обращение в Спарте золотой и серебряной монеты, который, согласно Плутарху, сделал невозможным для спартанцев участие во внешней торговле и приобретение предметов роскоши. Возникновению этой легенды, пишет автор, во многом способствовал тот факт, что Спарта действительно никогда не чеканила собственную серебряную монету, впрочем, как и большинство других полисов. Железные деньги самой Спарты в силу своей низкой стоимости могли использоваться только на внутреннем рынке в скромных по масштабу транзакциях и не были пригодны в качестве средства накопления богатства. Однако параллельно с ними использовалась иностранная валюта, о чем имеются недвусмысленные свидетельства источников, повествующих о событиях V в. до н.э.

Таким образом, в плане денежного хозяйства Спарта не слишком сильно отличалась от большинства греческих государств. Примечательно в этом плане не столько то, что она «чеканила» только железные деньги, а то, что она вообще делала это, вместо того чтобы полностью пользоваться иностранной валютой подобно другим полисам (3, с. 210–211).

Введение железных денег, полагает Х. ван Веес, несомненно, должно было стимулировать развитие внутренней мелкооптовой и розничной торговли, которая, скорее всего, имела существенное значение для спартиатов-землевладельцев. Запрет лично выступать в роли торговца вряд ли мог служить серьезным препятствием для реализации продукции своих поместий на рынке через посредников. При этом исключение из числа граждан лиц, сделавших труд ремесленника или занятие торговлей источником своего существования, стало нормой, как считает автор, только во второй половине VI в. до н.э., когда наиболее фундаментальной основой «равенства» спартиатов сделалась принадлежность их всех к классу лично не занятым никаким трудом земельных собственников (3, с. 213).

Известно, что многие особенно состоятельные спартиаты владели четверками лошадей для участия в состязаниях колесниц. В греческом мире это всегда считалось высшим проявлением богатства, и в V в. до н.э. спартанцы доминировали в данном виде спорта на играх в Олимпии. Впрочем, пишет автор, возможно, что это доминирование отражает не только исключительный уровень богатства, но также и отсутствие других возможностей его публично продемонстрировать (3, с. 215).

Исчезновение импортных престижных предметов в Спарте античные писатели связывали с мерами, принятыми Ликургом против роскоши. В археологических материалах сокращение их ввоза фиксируется только с начала VI в. до н.э. При этом, однако, растет число высокохудожественных изделий, произведенных в самой Лаконии, что свидетельствует о наличии спроса на них. Ситуация коренным образом меняется лишь после 525 г. до н.э., когда прекращается производство лаконской расписной керамики и никакая импортная посуда (аттическая или иная) не занимает ее место. Концентрация ключевых изменений в самом конце VI в. до н.э. позволяет, по мнению автора, рассматривать возникновение классической спартанской «культуры аскетизма» скорее как результат реформ, проведенных именно в это время, чем как итог постепенного развития. Столь поздняя (по сравнению с традиционной) дата реформ имеет значение для понимания подлинных их целей.

Ученые, которые датируют проведенные «Ликургом» преобразования, включая учреждение общественных трапез, временем около 650–600 гг. до н.э., рассматривают их как меры, осуществ-

ленные исключительно в военных целях. Главная задача состояла в том, чтобы подготовить граждан к войне, навязав им военный стиль жизни, и укрепить единство, предоставив равный статус всем гоплитам. Соответственно, Вторая Мессенская война, с точки зрения сторонников этой концепции, выглядит наиболее подходящим претендентом на роль катализатора перемен. Те историки, которые датируют возникновение культуры аскетизма серединой VI в. до н.э., также связывают это явление с процессом милитаризации спартанского общества, но рассматривают его как следствие войн Спарты против полисов Аркадии и Аргоса, а также необходимости консолидировать свою гегемонию над Пелопоннесом.

Однако, если, как полагает Х. ван Веес, реформы были проведены еще позднее, в период царствования Клеомена I (ок. 520–490 гг. до н.э.), их мотивом вряд ли могла быть военная необходимость. Главная цель «Ликурговой» системы, с его точки зрения, отражена как раз в том, как спартанские граждане называли сами себя – *homoioi*, «равные». Они, таким образом, определяли себя не путем сравнения с другими, утверждая, например, свое превосходство в качестве *aristoi*, или подчеркивая свою свободу от труда в качестве *eleutheroi*, или свои особые военные достоинства в качестве *hoplitai* или *machimoi*, но акцентировали именно свое равенство друг другу (3, с. 227).

Склонные к идеализации спартанских порядков античные писатели слишком переоценивали успехи реформ в деле сокращения экономического неравенства, как на то указывали критики «Ликурговой» системы и как это видно из реальных исторических фактов. Приобретение в результате завоевания новых земель и рабочей силы в Мессении около 600 г. до н.э. лишь на время сделало менее острой проблему неравенства и действительно позволило создать исключительно большой по численности класс свободных от труда землевладельцев. Однако, когда около 550 г. до н.э. завоевания прекратились, напряженность, по-видимому, снова стала расти. Одним из симптомов нового социального кризиса и, одновременно, вариантом его разрешения, явилась попытка вывести колонии на побережье Ливии и на Сицилию в 515–510 гг. до н.э., впрочем, закончившаяся провалом. Другим, и более успешным вариантом, явилось ограничение возможностей для публичной де-

монстрации богатства, устранение внешних проявлений реального неравенства путем формирования эгалитарной культуры аскетизма.

В целом, отмечает Х. ван Веес, сходные проблемы и сходные варианты их решения наблюдались в данный период по всему греческому миру. Самые ранние меры против роскоши около 600 г. до н.э. находят параллели в Афинах и других полисах, а сокращение видимых ее проявлений в материальной культуре фиксируется около 500 г. до н.э. Таким образом, заключает автор, спартанский аскетизм находился в русле общегреческой тенденции, хотя и приобрел в силу некоторых специфических обстоятельств более экстремальный характер (3, с. 227).

В русле этой тенденции Х. ван Веес рассматривает и создание около 515–500 гг. до н.э. классической системы общественных трапез, особое значение которых, как доказывает исследователь, определялось именно тем, что они являлись едва ли не главным, системообразующим, элементом эгалитарной культуры Спарты и спартанского образа жизни (4, с. 236). Их интеграция в армейскую структуру на первый взгляд свидетельствует о военных целях учреждения данного института. Однако хотя сисситии, несомненно, способствовали повышению эффективности спартанской армии, это было, скорее, «побочным продуктом», чем главной целью. Во-первых, по численности и составу группы сотрапезников не совпадали с базовыми подразделениями фаланги, и для формирования пригодного для выполнения боевых задач отряда было необходимо объединение в нем нескольких таких групп. Во-вторых, весьма значительный размер взносов, вносимых частными лицами из собственных ресурсов в качестве неперемennого условия своего гражданского статуса, предсказуемо означал неуклонное снижение численности граждан-воинов, которого можно было бы избежать, если бы финансирование совместных трапез осуществлялось из государственных фондов по критской модели. Таким образом, полагает автор, очевидно, что реформаторы руководствовались иными, чем военная эффективность, соображениями (4, с. 255).

Относительная аскетичность общественных трапез, пишет Х. ван Веес, вносила свой вклад в общую культуру аскетизма, призванную снижать социальную напряженность путем устранения главных мотивов накопления богатства и ограничения возможностей его демонстративного потребления. Вместе с тем требование

поставлять продукты и вино для общего стола, произведенные на собственной земле, ограничивало членство в сисситиях собственниками значительных наделов, и, следовательно, равенство в этих ассоциациях было равенством представителей «праздного класса», уровень жизни которых оставался достаточно высоким. Кроме того, присутствие за одним столом богатых и «бедных» спартиатов способствовало стиранию социальных различий и установлению личных связей между ними (4, с. 256).

Если общественные трапезы были учреждены в указанное время и по обозначенным выше мотивам, то, как отмечает автор, становится очевидным, насколько «Ликурговы» реформы были близки тем явлениям и процессам, которые происходили в остальной Греции. Так, по его мнению, реформы Клисфена в Афинах в 508 г. до н.э. имели в виду достижение очень похожих целей, хотя и иными средствами. Общей задачей было сокращение неравенства и вражды среди граждан, главным образом, путем разрушения традиционных связей и «смешения» людей различного локального и социального происхождения в новых, искусственно созданных административных единицах и общественных ассоциациях. Необходимость контролировать многочисленное зависимое население и пелопоннесских союзников, несомненно, стимулировала стремление к гармонизации отношений внутри гражданского коллектива Спарты. Однако тот факт, что и Афины в это же время предпринимали аналогичные меры, отнюдь не сталкиваясь с внешними вызовами, показывает, что внутренние проблемы, неравенство и конфликты среди граждан являлись главным мотивом реформ (4, с. 257).

Сходный комплекс проблем рассматривается в статье профессоров Стэнфордского университета (США) Дж. Обера и Б. Уэйнгеста (2). Причины длительной стабильности социального порядка архаической и классической Спарты авторы видят в приверженности спартанского общества принципу пропорциональности, который, с их точки зрения, лежал в основе «Ликурговой» системы. Этот принцип предполагал, что каждый член правящей элиты должен получать долю ренты пропорционально его способности применять насилие. В Спарте пропорциональность в системе ее военной организации базировалась на гоплитской фаланге – военном строе, который делал каждого действующего в его составе

члена гражданского коллектива подлинно равным любому другому его представителю в плане военной эффективности. Равенство потенциала насилия каждого из них было результатом самой природы фаланговой тактики и подготовки, которой она требовала от индивида. Соответственно, как отмечают авторы, принцип пропорциональности требовал и равного распределения ренты между всеми членами этой обширной социальной группы гражданской элиты, именующими себя «равными».

В действительности среди спартиатов существовало значительное экономическое неравенство. Однако пропорциональность как бы сохранялась благодаря искусственно созданному режиму аскетизма, который ограничивал (публичное) потребление каждого спартиата уровнем, примерно соответствующим уровню потребления минимально обеспеченных членов «общины равных». Инструментом ограничений служило обязательное ежедневное участие в обеденных ассоциациях (*syssitia* / *phiditia*), персональные взносы в которые и, соответственно, потребление, были стандартизированы. Членство в одной из таких ассоциаций являлось неременным условием сохранения гражданского статуса. Строгие законообразные нормы ограничивали демонстрацию частного богатства и по другим направлениям, прежде всего в том, что касалось одежды и домостроительства.

Таким образом, спартанцы должны были выглядеть равными, несмотря на их фактическое неравенство. Впрочем, как полагают авторы, эта иллюзия равенства не могла слишком сильно диссонировать с реальностью, поскольку рента с населения завоеванных земель, в которой каждый спартиат имел свою долю, могла присваиваться им только при условии высокой степени кооперации граждан в применении насилия. Организованное насилие санкционировалось ежегодным объявлением войны илотам Спартанским государством, которая велась посредством актов террора (*krypteia*) (2, с. 5).

Возникновение описанной системы, т.е. формирование «большой элиты», охватывающей весь гражданский коллектив, а также режима демонстративного равенства и аскетизма, авторы относят к концу VII или началу VI в. до н.э. К этому моменту социальная напряженность внутри Спарты достигла высшей точки. И хотя античные источники не слишком информативны, они все же

показывают, что сложившаяся ситуация привела спартанский правящий класс к пониманию перспективы утраты контроля над недавно завоеванной Мессенией. Единственным вариантом выхода из кризиса стало радикальное расширение рядов гражданской элиты, традиционно ассоциируемое в позднейших источниках с законодателем Ликургом (2, с. 7).

В результате старая элита сохранила свои обширные владения в Лаконии, но превратилась в подгруппу внутри новой, более широкой военной элиты – большой группы граждан, получивших наделы в Мессении. Таким образом, хотя размеры наделов, количество илотов и объемы рент у представителей старой и новой элиты могли существенно различаться, они были, по крайней мере, достаточны, чтобы каждый спартиат мог оставаться свободным от необходимости участвовать в какой-либо из форм производительного труда, что позволяло ему сконцентрировать усилия на развитии качеств профессионального воина (2, с. 10).

Поскольку в классическую эпоху ассоциация сотрапезников в военное время выступала в роли низшего подразделения фаланги, происхождение института сисситий Дж. Обер и Б. Уэйнгест связывают с эпохой военных кампаний против Мессении. И в дальнейшем Спарта, оставшаяся на положении военного лагеря на захваченной территории в окружении враждебного населения, сохраняла эту систему. Спартиаты должны были питаться публично, по подразделениям, а не в частном пространстве вместе с семьями. Тем самым нивелировались различия между богатыми и бедными, что, в свою очередь, усиливало сплоченность базовых структурных единиц и общества в целом. Однако лица, утратившие способность вносить установленные взносы, исключались из состава подразделения и, соответственно, – из привилегированной категории гомеев. Они переходили в разряд гипомейонов, «опустившихся», что означало утрату гражданского статуса. Определяющую роль в развитии этого процесса играла система долевого наследования и брачная практика, стимулировавшие концентрацию земельной собственности в руках все более ограниченного числа полноправных граждан. Результатом стал описанный Аристотелем феномен олигантропии, «малоллюдства» – сокращение численности гражданской элиты до уровня, который не мог обеспечить ее коллективную

безопасность, и, соответственно, коллапс Спарты в качестве одного из ведущих государств греческого мира (2, с. 16).

В целом, заключают авторы, Спарта никогда не была подлинным обществом равных. Центральным противоречием Ликурговой системы был разрыв между официально декларируемым приоритетом общественных интересов и реальностью постоянного внимания спартиатов как индивидов к своим частным интересам. Главным общественным интересом была безопасность, а это, в свою очередь, означало, что пропорциональность должна была поддерживаться среди как можно более многочисленного контингента граждан. Однако удаление из его рядов бедняков означало увеличение доли ренты остальных членов общины. Таким образом, пропорциональность сохранялась, но уровень безопасности постепенно снижался по мере снижения численности гражданского коллектива. Ликургова система основывалась на компромиссе между богатыми и бедными, экономической базой которого была рента с земель Мессении. Однако все институты этой системы были ориентированы на поддержку богатых, представители которых занимали руководящие посты эфоров и геронтов. Опираясь на существующий конституционный порядок, правящая элита могла успешно пресекать все попытки менее состоятельных граждан ее изменить.

Список литературы

1. Hodkinson S. Sparta: An Exceptional Domination of State over Society? // A Companion to Sparta / Ed. by Powell A. – N.J.: Wiley Blackwell, 2018. – Vol. 1. – P. 29–57.
2. Ober J., Weingast B.R. The Sparta Game: Violence, Proportionality, Austerity, Collapse // Ancient Greek and Roman History: eJournal [Электронный ресурс]. – 2016. – Dec. 18. – P. 1–19. – Mode of access: <https://ssrn.com/abstract=2886679> (Accessed 03.09.2018).
3. Wees H. van. Luxury, Austerity and Equality in Sparta // A Companion to Sparta / Ed. by Powell A. – N.J.: Wiley Blackwell, 2018. – Vol. 1. – P. 202–235.
4. Wees H. van. The Common Messes // A Companion to Sparta / Ed. by Powell A. – N.J.: Wiley Blackwell, 2018. – Vol. 1. – P. 236–268.

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

2018.05.007. ЩЕГЛОВ А.Д. РЕФОРМАЦИЯ В ШВЕЦИИ: СОБЫТИЯ, ДЕЯТЕЛИ, ДОКУМЕНТЫ. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 384 с.

Ключевые слова: Швеция, 1520–1530-е годы; реформация в Швеции; Вестеросский риксдаг 1527 г.; О. Петри.

Доктор ист. наук А.Д. Щеглов (Институт истории и политики) исследует ранний этап Реформации в Швеции (1520–1530-е годы). Особое внимание уделяется ключевому событию шведской реформации – Вестеросскому риксдагу 1527 г., главным итогом которого было постановление о секуляризации церковных земель. Большое место в монографии занимает изучение жизненного пути и трудов духовного лидера шведских реформаторов – Олауса Петри. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения и приложения, где представлены документы Вестеросского риксдага.

Во введении изложена историография вопроса и дается характеристика источников – архивных материалов из рукописных собраний Упсалы и Стокгольма (Швеция), а также из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В первой главе рассматривается состояние шведского общества к началу 1520-х годов, когда Швеция окончательно вышла из неравноправной для нее Кальмарской унии с Данией и добилась полной независимости. К этому времени, как отмечает автор, в стране сложились предпосылки для формирования централизованного государства с сильной королевской властью, которому соответствовала национальная церковь, независимая от римского папы.

В 1520-х годах в Швеции готовилась «королевская Реформация», король Густав Ваза уже в этот период проводил политику, во многом основанную на учении Лютера, сотрудничал с реформаторами Олаусом Петри и Лаврентиусом Андреэ, которые создали и опубликовали богословскую и религиозно-просветительскую литературу на шведском языке. Уже в первой половине 1520-х годов в Швеции шли процессы, которые имели место несколько ранее в ряде регионов Центральной и Северной Европы и которые принято называть реформационными. В этот период церковь утрачивает свои привилегии.

С точки зрения автора, в истории шведской Реформации достаточно четко выделяется ее ранний этап: 1520–1530-е годы, этап переходный, во многом связанный со Средневековьем. На этом этапе борьба вокруг реформационных идей в Швеции часто рассматривалась как продолжение борьбы за «свободу церкви», т.е. оценивалась в средневековых категориях. А.Д. Щеглов полемизирует со шведским католическим историком М. Ньюманом, который не считает рассматриваемый период ранним этапом Реформации. Согласно М. Ньюману, лютеранская Реформация была проведена сверху в 1540-х годах, а до этого преобразование проводила католическая церковь, что не затрагивало религиозной доктрины лютеран. Согласно же выводам А.Д. Щеглова, в 1520-е годы имели место как подготовка реформационных преобразований со стороны короля, так и спонтанное распространение реформационных идей, о чем свидетельствует корреспонденция епископа Ханса Браска, противника реформационного вероучения (с. 58).

Вторая глава посвящена Вестеросскому риксдагу, его подготовке, составу, ходу и анализу итоговой резолюции – Вестеросского рессенса. Рассмотрена современная полемика в историографии по поводу данного события: можно ли считать Вестеросский риксдаг «реформационным», либо же его решения носили экономический и политический характер, а постановления о новшествах в области религии приняты не были. Автор оценивает Вестеросский риксдаг как реформационный. Этот риксдаг «был тесно связан с борьбой вокруг реформационных идей, король и его сторонники-реформаторы непосредственно перед собранием не скрывали своих симпатий к учению Лютера и намерений осуществить преобразования, руководствуясь новыми установками, хотя на риксдаге отдали предпочтение двусмысленным формулировкам в том, что касается веры» (с. 87).

Вестеросский риксдаг 1527 г. фактически знаменовал собой начало Реформации. На это, по мнению автора, указывает и тот факт, что король, добившись от сословий формального согласия на редукцию церковных доходов и имущества, изменив общественное и правовое положение церкви без санкции духовенства, одновременно провел резолюцию о вере, создавшую условия для распространения лютеранских идей в Швеции (с. 88–89). Король и его союзники «поставили вопрос о ненужности и вреде привилегий

духовенства, о бесполезности богослужений в том виде, в каком их совершала католическая церковь, и о вреде многих церковных обычаев» (с. 89).

Третья глава посвящена исследованию одного из наиболее дискуссионных памятников – текстов Вестеросских ордонансов, являвшихся конкретными указами для практической реализации резолюций риксдага. По сравнению с рецессом, ордонансы значительно расширяли полномочия короля: он получал право взимать в свою пользу штрафы, ранее собиравшиеся епископами, в отдельных случаях назначать приходских священников, санкционировать пожалования церковных бенефициев, без обсуждения с епископами определять сумму взимаемого с них налога. Автор сравнивает различные редакции ордонансов: латинскую версию из библиотеки Упсальского университета, текст на шведском языке из Ватиканского архива, обнаруженный автором в библиотеке Упсальского университета текст XVII в., сохранившийся в двух списках, а также версию, изложенную в Линчёпингской рукописи. Последняя содержит статьи о разрыве шведской церкви с папским престолом, а также параграфы о секуляризации церковных земель и о налогообложении церкви. Все это дало возможность автору создать собственную концепцию истории создания ордонансов.

В четвертой главе рассматриваются документы, разъясняющие постановления Вестеросского риксдага: открытое письмо риксдага жителям страны (документ сохранился в нескольких списках, имеющих разночтения), комментарий первого шведского архиепископа из числа реформаторов Лаврентиуса Петри (брата Олауса Петри). Сравнение обоих документов приводит автора к выводу о том, что в освещении решений Вестеросского риксдага прослеживается определенная тенденция, которая находит свое отражение в открытом письме риксдага: «Члены государственного совета стремились успокоить народ, убедить простых людей, что в Швеции не вводится новая вера» (с. 134). В комментариях Лаврентиуса Петри четко выражены идеи Реформации, что убеждает автора в том, что «шведские реформаторы рассматривали решения Вестеросского риксдага как правовую основу реформ, основанных на лютеранском учении» (там же).

В пятой главе показано, как решения риксдага воплощались в жизнь, каковы были конкретные шаги шведских реформаторов в

богословской, церковно-институциональной и административной сферах. Автор отмечает, что секуляризация церковных поместий началась еще до Вестеросского риксдага, в 1520-е годы. Однако после риксдага масштаб секуляризации значительно вырос. Формально Вестеросские постановления о секуляризации действовали лишь в отношении дворян, тем не менее бюргеры, а в некоторых случаях даже бонды активно участвовали в отчуждении церковной недвижимости (с. 149). В целом, однако, как подчеркивает А.Д. Щеглов, реформационная активность бюргеров в Швеции была ниже, чем во многих городах Германии и Швейцарии. «Бюргерская Реформация» имела отдельные проявления, в основном в Стокгольме. Но тем не менее «бюргерство и здесь выступало в качестве социальной базы “королевской Реформации”, проявляло интерес к ее материальным результатам» (с. 150).

Шестая глава посвящена «Восстанию вестьетских господ» весной 1529 г., мощному народному движению, охватившему значительную территорию южных областей Швеции, и его освещению в хронике Педера Сварта, а также в других источниках. Восстание явилось реакцией на Вестеросский риксдаг и на реализацию его постановлений. В главе также приведена дискуссия относительно характера восстания: было ли это выступление группы высшего дворянства и духовенства, не нашедшее отклика у широких народных масс (шведский историк А.Г. Альквист), или же это был народный бунт, крайне опасный для короля (шведские историки Л.А. Нурборг и С. Чёллерстрём). На основе исследованных документов автор приходит к выводу о том, что в восстании 1529 г., наряду с мятежом элиты, присутствовал ярко выраженный элемент народного бунта, хотя и использованный оппозиционерами-аристократами в своих интересах. На начальной стадии восстания сформировался альянс повстанцев: вестьетское фрельсе (светское фрельсе – военно-служилое сословие, церковное фрельсе – духовенство. – *Реф.*), йенчепингские бюргеры, нижнешведские бонды. Повстанцы обвиняли короля в нарушении присяги, притеснениях духовенства, налоговых злоупотреблениях.

Седьмая глава посвящена Олаусу Петри и его богословско-политическим трудам. На основе их изучения автор показал, что Олаус Петри являлся, прежде всего, последователем Лютера. «Шведская хроника», историческое сочинение Олауса Петри, ис-

следуется в восьмой главе. Автор проанализировал все четыре списка «Хроники», хранящиеся в Санкт-Петербурге. Отмечается, что в «Хронике» идеи Реформации не играют первостепенной роли, присутствуют лишь в небольшом объеме. «Историк Олаус Петри предстает несколько иным автором, чем реформатор Олаус Петри, т.е. более нейтральным и толерантным, широким, почти абстрагировавшимся от конфессиональной полемики» (с. 287).

И.Е. Эман

ИСТОРИЯ РОССИИ, СССР И ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

2018.05.008. АВЕРЬЯНОВ К.А. ЗАГАДКА ЗАВЕЩАНИЯ ИВАНА КАЛИТЫ. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГАЛИЧА, УГЛИЧА И БЕЛООЗЕРА К МОСКОВСКОМУ КНЯЖЕСТВУ В XIV в. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с. – (Новейшие исследования по истории России).

Ключевые слова: Московское княжество, XIV в.; присоединение Галича, Углича и Белоозера к Московскому княжеству; «купли» Ивана Калиты.

Монография д-ра ист. наук К.А. Аверьянова (ИРИ РАН), написанная на основе доступных источников и обширной литературы, посвящена проблеме так называемых «купель» Ивана Калиты, в результате которых к Московскому княжеству были присоединены северные земли с центрами в Галиче, Угличе и Белоозере. Великий князь Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. троекратно именуется эти города «куплями деда своего». Дедом Дмитрия Донского был князь Иван Данилович Калита, но в сохранившихся до наших дней его духовных грамотах нет и намека на то, что Калита владел вышеуказанными городами. Данная проблема является белым пятном в истории Русского государства. Вопрос о том, что имел в виду Дмитрий Донской, называя Галич, Углич и Белоозеро «куплями деда своего», интересует историков со времен Н.М. Карамзина. Автор задается целью прояснить этот вопрос.

Книга состоит из предисловия, четырех глав («Мещера», «Галич», «Белоозеро», «Углич»), заключения, примечаний, географического указателя и именного указателя. В начале своего исследования К.А. Аверьянов рассматривает историографию указанной

проблемы. Так, Н.М. Карамзин предполагал, что Галич, Углич и Белоозеро были приобретены Калитой незадолго до его кончины, и поэтому «они просто не попали в составленное несколькими годами раньше завещание московского князя» (с. 8). С.М. Соловьев обратил внимание на то, что русские летописи XIV в. упоминают самостоятельных галичских и белозерских князей, значит, Калита мог оставить местным князьям владительные права, которых они были лишены при Дмитрии Донском. С этим мнением был согласен В.О. Ключевский. А В.И. Сергеевич предположил, что, купив указанные города, Калита «оставил свои купли за князьми-продавцами, обязав их службой себе и детям» (цит. по: с. 10). С.Ф. Платонов указал на многозначность слова «купля» – этим термином можно было обозначать не только приобретение чего-либо путем торга, но и форму добровольного присоединения удельного владетеля с его владениями к Москве. М.К. Любавский выдвинул гипотезу о том, что Калита вырубил Галицкого, Углического и Белозерского князей, внося за них ордынские недоимки, а взамен они должны были поступиться своей самостоятельностью.

В 1930-е годы Е.Ф. Шмурло констатировал, что историки со времен Н.М. Карамзина так и не смогли решить загадку «купель Ивана Калиты». Новый подход к решению данной проблемы попытался найти А.И. Копанев, впервые поставивший вопрос о том, владел ли в действительности Калита своими «куплями». Л.В. Черепнин допускал существование, помимо двух духовных грамот Калиты, третьего проекта грамоты, в котором говорилось о «куплях» Галича, Белоозера и Углича. По его мнению, третий проект не был утвержден в Орде из-за того, что местные князья выступили с претензиями. В.А. Водов исследовал завещание Дмитрия Донского с юридической точки зрения и выявил, что рассматриваемые города указаны не среди собственно московских владений, а после статьи о наследовании Владимирского великого княжения. Более того, «купли деда» упоминаются там, где обычно перечисляются приобретения самого завещателя. А В.А. Кучкин подразумевал под «куплей» покупку Калитой ханского ярлыка на мелкие княжества. А.А. Горский разделял это мнение и добавлял, что в данном случае речь идет также о покупке у местных князей части их прав на собственные владения. Подводя итоги, К.А. Аверьянов констатирует, что «проблема эта до сих пор не решена», а в каждой из высказан-

ных историками идей «можно найти внешне неприметный изъян, который опровергается имеющимися источниками» (с. 24).

Нерешенность рассматриваемого вопроса отчасти связана со скудостью источников. Грамот, по которым московские князья получили Галич, Белоозеро и Углич, до нас не дошло, что можно объяснить как естественной утратой документов, так и их целенаправленным уничтожением. Но существуют более поздние аналогичные источники, которые позволяют судить о содержании подобных грамот. В целях выяснения проблемы «купель Ивана Калиты» автор использует следующий метод: сравнивает с ними другие «купли», сведений о которых сохранилось больше. Так, крупной «куплей» Дмитрия Донского, охватывающей значительную территорию, является Мещера. Историки долго вели споры о времени «купли» Мещеры и о продавце. А причиной этого стало игнорирование исследователями истории Мещерского края московско-серпуховского докончания 1401–1402 гг., заключенного между великим князем Василием I и серпуховским князем Владимиром Андреевичем. В этой грамоте содержатся сведения о том, что до Дмитрия Донского Мещерой владел князь Дмитрий Константинович Суздальский, у которого она и была приобретена. В то же время Дмитрий Донской «забывает» включить ее в свое завещание. Автор объясняет этот парадокс так: Мещера принадлежала не самому князю, а его жене Евдокии, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского (с. 37). Сохранилось свидетельство о том, что жена Дмитрия Донского пожертвовала во Владимирский Рождественский монастырь ряд владений, среди которых было село Баскаково. Однако в духовной грамоте ее мужа упоминание о нем отсутствует. Значит, село Баскаково входило в приданое Евдокии, а приданое юридически представляло собой ее собственность и не должно было присутствовать в завещании Дмитрия Донского. Особый статус земель, отдававшихся в приданое, закреплялся рядными договорами между родственниками невесты и женихом. Брак Евдокии и князя Дмитрия был заключен в 1366 г., «следовательно, этим годом мы должны датировать приобретение этого края (Мещеры. – *Реф.*) Дмитрием Донским» (с. 39).

Далее автор показывает, что Галич, Белоозеро и Углич являлись землями, полученными в приданое московскими князьями за своими женами. Предшествующие историки ошиблись в том, что в

завещании 1389 г. речь шла только об Иване Калите. Аверьянов же отметил, что братья Калиты Афанасий и Юрий также приходились Дмитрию Донскому дедами, поэтому в завещании он имел в виду сразу трех своих дедов. Галич был приданным второй супруги Ивана Калиты Ульяны. Он впервые упоминается в дошедшем до нас в плохом состоянии dokonчании 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Из этого документа следует, что Галич перешел под власть Москвы значительно раньше 1372 г. Его «купил» Иван Калита у своего тестя Федора Давыдовича Галичского, и это приобретение являлось приданным. При этом московский князь распоряжался только половиной Галичского княжения, другой половиной владели местные князья. По мнению В.А. Кучкина, в 1357 г. самостоятельного Галичского княжества уже не существовало (с. 54). Однако известно, что Федор Галичский умер в 1335 г., а Иван Калита женился при его жизни, следовательно, приобретение Галича Москвой можно отнести к первой трети XIV в.

Белоозеро получил в качестве приданого брат Калиты – князь Афанасий Данилович, женившийся на дочери князя Василия Глебовича Белозерского Анне. Автор выяснил, что, по летописным данным, к 1378 г. Белоозеро было уже достаточно старым владением московских князей и «было присоединено к Москве не при Дмитрии Донском, а значительно раньше» (с. 108). Тем не менее московский князь владел не всеми землями Белозерского княжества. Часть из них оставалась в распоряжении местных князей. Автор относит приобретение половины этого княжества к первой трети XIV в.

Углич перешел во владение князя Юрия Даниловича Московского в результате брака с княжной из ростовского княжеского дома, имя которой не дошло до наших дней. Известно лишь, что ее отцом был князь Константин Борисович Ростовский. Данные об Угличе крайне скудны и относятся к тому времени, когда он уже был московским владением. Так, в летописи под 1386 г. сообщается об участии углической рати в новгородском походе Дмитрия Донского. Прояснить вопрос о присоединении Углича к Москве помогают местные углические летописи, которые относят начало московского влияния в Угличе к 40-м годам XIV в. Автор склоняется к утверждению о том, что «начало московского проникнове-

ния в Углич действительно следует относить ко временам Ивана Калиты» (с. 187). Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в 30-е годы XIV в. в углическом Рождественском монастыре принял иночество уроженец Москвы Павел Обнорский, ставший позднее учеником Сергия Радонежского.

К.А. Аверьянов отвечает на один из основных вопросов исследования: почему Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. именует приобретения дедов не приданым, а «куплями»? В словарях русского языка XI–XVII вв. присутствует выражение «брачная купля», т.е. в древнерусском языке слово «купля» могло использоваться в значении «брачный договор». Более того, в источниках с XV в. термин «купля» начинает заменяться словом «приданое», которое дошло до наших дней (с. 227).

Главные доказательства авторского вывода по поводу «купель Ивана Калиты» содержат Ермолинская летопись и летописные своды 1497 и 1518 гг. В них по отношению к Галичу и Белоозеру употребляется выражение «опришнее княжение». А термином «опришнина» в XIV в. назывались владения, выделявшиеся в полную собственность княгиням-вдовам. Другими словами, летописец «подчеркивал, что эти владения достались московским князьям за их супругами и сохраняли свой особый статус земель, полученных в приданое, еще долгое время», – заключает К.А. Аверьянов (с. 236).

О.В. Бабенко

2018.05.009. ЗЕМЦОВ В.Н. НАПОЛЕОН В РОССИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ И ОККУПАЦИИ. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 431 с. – (Эпоха 1812 года).

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Литва, Москва и Урал при Наполеоне; социокультурные аспекты Отечественной войны 1812 г.

В монографии д-ра ист. наук, профессора В.Н. Земцова на основе широкого круга отечественных и зарубежных источников показаны особенности межкультурных контактов в эпоху Отечественной войны 1812 г. В центре внимания автора три региона Российской империи – Литва (явившая пример ситуации в западных губерниях), Москва (демонстрировавшая вариант развития собы-

тий в центре великорусских территорий) и Урал (глубинный регион империи, только косвенно затронутый событиями войны). Книга состоит из введения, трех глав («Литва при Наполеоне»; «Москва при Наполеоне»; «Военнопленные армии Наполеона в русском плену: Опыт Урала») и заключения. Снабжена именным указателем.

Во введении автор пишет, что война все чаще начинает восприниматься не только как результат и факт политического действия, но как явление скорее культурное и социокультурное, реально отличающееся от производственной, экономической и политической сфер. Это обстоятельство заставляет по-иному смотреть и на войны прошлого, концентрировать внимание не на военных действиях как таковых и даже не на политической и дипломатической сторонах военного конфликта, но на человеке в условиях войны и в целом – на социокультурной стороне войны.

Наполеон и высшее командование армии имели все возможности, для того чтобы накануне открытия военных действий достаточно точно представлять географию, историю, экономическую, социальную и иные стороны жизни России. Это не исключает того, что, во-первых, многие реалии, с которыми французам и их союзникам пришлось столкнуться в России, не могли быть адекватно соотнесены с традиционным набором понятий человека эпохи западноевропейского Просвещения. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадебка», «помещик», «крепостной», «мужик» и т.д. Во-вторых, не всегда ясно, как именно имевшейся информацией о России Наполеон и его окружение реально воспользовались. В-третьих, российские реалии оценивались Наполеоном исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения России из европейского политического и даже цивилизационного пространства. Более того, борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», – сказал Наполеон известному деятелю Первой империи Ж. Фуше перед походом в Россию. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, – говорил он на острове Св. Елены. – Начало было популярным, дело было европейским» (с. 11).

По всей видимости, Наполеон планировал скоротечную войну, исход которой должен был быть решен на территории западных

губерний Российской империи. Это предопределило тот факт, что особое внимание политическое и военное руководство Франции обратило именно на западные, «национальные», регионы потенциального противника. Однако степень антироссийских настроений в этих регионах Наполеон и его окружение явно переоценивали. К этому добавились и иные факторы, негативно повлиявшие на реализацию целей и задач армии вторжения. В западных губерниях польско-литовская знать была всерьез обеспокоена (эта обеспокоенность, не проявлявшаяся явно, все же определенно ощущалась) возможностью введения «гражданских свобод», что могло вынести на поверхность и крестьянский вопрос, чего местная элита боялась более всего. Есть основания полагать, что опасения подобного рода стали одной из главных причин перемены в настроениях основной части польско-литовской знати в пользу возвращения под российский скипетр. В то же время призывы наполеоновской администрации к сохранению в западных регионах прежнего социального порядка привели к тому, что все происходившее, сопряженное с реквизициями, мародерством и другими тяготами войны, литовское крестьянство быстро стало воспринимать как трагедию. В конечном итоге межкультурная гармония между чинами Великой армии и местным населением оказалась невозможной. Приход Наполеона в Литву постепенно все более и более воспринимался как оккупация (с. 61).

К началу вторжения в Москву столица обезлюдела. К началу 1812 г. в первопрестольной, по данным полиции, было 270 184 жителя (с. 78). В Москве во время оккупации оставалось, как полагает автор, не менее 10 тыс. жителей. Раненых и больных солдат в ней оказалось больше – от 10 до 15 тыс. человек (с. 79). В условиях поспешного отступления, расстройств тыловых служб, пренебрежения ряда чинов своими обязанностями большую часть нетранспортабельных раненых пришлось оставить в Москве фактически на произвол судьбы. Немалая доля вины за это лежит на московском главнокомандующем Ф.В. Ростопчине. Его действия были во многом обусловлены и стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между подошедшими к Москве солдатами Европы и теми, кто оставался в первопрестольной. Российские власти пошли на крайние меры для разжигания антинаполеоновских настроений.

Эти меры были призваны не допустить контактов между оккупантами и местными жителями.

Грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, и соединенные с ним грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. То обстоятельство, что одновременно со вступлением Великой армии в Москву в ней начался пожар, «не просто наложило отпечаток на ход дальнейших событий, но и стало главным фактором, предопределившим характер взаимоотношений между солдатами армии Наполеона и оставшимися в городе жителями» (с. 100–101).

Вопреки уверениям Наполеона, некоторых мемуаристов и зарубежных историков в том, что «наполеоновские солдаты только грабили, но не поджигали дома», это было не так. Наполеоновские мародеры, как и русские, полагали, что грабить добро гораздо сподручнее, когда дом загорится. О поджогах такого рода писали многие: надзиратель Воспитательного дома И.А. Тутолмин, смотритель Павловской больницы в Москве П. Носков, отставной генерал-майор С.И. Мосолов и др. (с. 122–123).

В пламени московского пожара нашли свою смерть многие оставленные в городе русские раненые. Погибли или были угнаны в плен по меньшей мере 8 тыс. человек (с. 272). Всюду шел разнузданный грабеж, активное участие в котором принимали как наполеоновские солдаты, так и московские люмпены, сбежавшие уголовники и брошенные на произвол судьбы раненые русские солдаты.

Именно на эти дни – 3 (15), 4 (16) и 5 (17) сентября – приходится большинство свидетельств о насилиях оккупантов над женщинами. Ожесточенность, с которой была встречена Великая армия, и крах надежд на мирные переговоры вызвали ответную реакцию, выразившуюся в официальном санкционировании разграбления города. Только по прошествии нескольких дней ситуация стала меняться. Диалог между оккупантами и жителями возобновился. Наряду с чисто прагматическими целями, предопределившими действия оккупационных властей (стремление вступить в переговоры с Александром I, снять с себя ответственность за пожар, обеспечить себя продовольствием и другими ресурсами), важную роль в их поступках играли и чисто гуманистические факторы, связанные с человеческим сопереживанием. Что же касается москви-

чей, то большинство из них было озабочено в первую очередь проблемой выживания и сохранения, если это было еще возможно, хоть какого-то имущества. Впрочем, среди них нашлось и немало таких, кто в этих обстоятельствах ухватился за удобную возможность обогатиться. В «классический период» оккупации (т.е. после окончания большого пожара) диалог между оккупационными властями и местным населением в более или менее конструктивном формате стал происходить в первую очередь при условии социокультурной близости его участников, а именно между носителями элементов общеевропейской культуры. Немалую роль в преодолении межнациональных и ситуационных барьеров играл языковой фактор. При нахождении возможности языковой коммуникации (а это происходило чаще всего между представителями социально продвинутых групп) начинался достаточно конструктивный обмен смыслами, и наоборот: социокультурный, а значит, и языковой разрыв между участниками коммуникативных практик приводил к невозможности конструктивного диалога и росту взаимной отчужденности и неприязни.

Бесконтрольный грабёж Москвы Наполеону удалось остановить только к началу октября. Число убитых французами «поджигателей», истинных или мнимых, составило не менее 500 человек (с. 201).

Великий московский пожар кардинально ограничил возможности установления контактов солдат оккупационной армии с не покинувшими первопрестольную ее жителями. «Наполеон не мог не осознавать политического и морально-психологического воздействия произошедшего события. Именно поэтому он столь судорожно стал оправдываться перед Петербургом и Европой, рассуждать об отмене крепостного права, оказывать помощь московским погорельцам, а затем создавать московский муниципалитет» (с. 204).

Результативность действий муниципалитета и полиции, с точки зрения интервентов, оказалась чрезвычайно низкой. В подавляющем большинстве случаев эти органы власти действовали не в интересах армии Наполеона, но в интересах своих соотечественников. Причина заключалась не только в пассивности членов муниципалитета и чинов полиции, но и в том, что французское командова-

ние изначально отнеслось к возможностям каких-либо социальных перемен в великорусских губерниях России с большим опасением.

В октябре Наполеон уже готовился покинуть Москву. Из Кремля должны были быть вывезены все вещи, которые, по мнению Наполеона, представляли какую-либо ценность, не только материальную, но и – для русского человека – символическую (с. 337). Некоторую ясность в подсчеты объемов золота и серебра, награбленного Наполеоном в церквях Московского Кремля, может внести документ, хранящийся в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции. Из текста документа следует, что к 4 октября переплавленных и распиленных предметов набралось 19 тыс. 10,5 русских унций (567 кг 653,53 гр.) золота и 200 тыс. русских фунтов (82 тыс. кг) серебра (с. 317).

Когда армия тронулась из Москвы, она являла собой картину уже значительно разложившегося военного организма. Согласно приказам, часть войск и обозов начали движение вечером 18 октября или ночью. «Выступление Наполеона из Москвы, – очень точно писал, основываясь на множестве воспоминаний, А.Н. Попов, – представляло давно невиданное в истории Европы зрелище. Оно напоминало Европе движения варваров, разрушивших Римскую империю; а русским – нашествие татар» (с. 339).

20 октября отряд Мортье начал приводить в исполнение приказ Наполеона, касавшийся не только подготовки к взрыву самого Кремля, но и ряда иных объектов. Эти взрывы осуществили голландец капитан гвардейской конной артиллерии Ф.Ш. Лист, поляк капитан Ф. Косс и француз шеф батальона 2-го полка морской артиллерии Оттон. Для этого потребовалось примерно 180 тыс. фунтов пороха (с. 356–357).

Помимо этого, французы попытались подорвать колокольню Ивана Великого, которая, однако, устояла, хотя и дала трещину; примыкавшие к ней звонницы превратились в груды камня. Кремлевский дворец и Грановитую палату не подрывали, но они были подожжены. К рассвету 23 октября Кремлевский дворец уже догорал. Кроме того, имелись большие обрушения кремлевской стены между Спасской и Беклемишевской башнями. Но отступавшая армия Наполеона нанесла русской святыне – Московскому Кремлю – ущерб значительно меньше того, который предрекал французский император, в том числе и из-за сильного дождя.

Первые военнопленные из армии Наполеона появились на Урале в 1807 г. Это сразу же, еще до массового притока военнопленных в Пермскую и Вятскую губернии, создало значительные проблемы для местных властей в плане их размещения и содержания. В период 1812–1814 гг. в трех уральских губерниях оказалось не менее 8 тыс. военнопленных (не считая проходивших через Уральский край партий военнопленных поляков), что вызвало серьезные трудности для тех регионов, где они были размещены. Попытки центральных и местных властей воспользоваться трудом военнопленных, чтобы покрыть часть издержек на их содержание и восполнить нехватку рабочей силы, в целом себя не оправдали. Военнопленные, как правило, были не готовы принять условия труда и оплаты, принятые в крае, а местная администрация и заводчики – проявить более характерное для западноевропейской практики отношение к рабочей силе. Вследствие этого труд военнопленных на уральских заводах практически не использовался (исключение составили винокуренные предприятия Вятской губернии). Эпизодическое привлечение части военнопленных к «градским работам» не могло дать какого-либо заметного эффекта для хозяйственного развития Уральского края. Характер взаимоотношений военнопленных и местного населения в целом был напряженный. Несмотря на единичные примеры гуманного и даже доброжелательного отношения к наполеоновским офицерам, местное население явно тяготилось пребыванием в крае военнопленных и не скрывало неприязненного отношения к «незванным гостям». Вопрос о точном количестве оставшихся на Урале и принявших российское подданство военнопленных армии Наполеона продолжает оставаться дискуссионным. Тем не менее можно утверждать, что число оставшихся в трех уральских губерниях бывших военнопленных не могло превышать одной сотни человек (с. 407).

Несмотря на кратковременность пребывания на Урале военнопленных солдат Наполеона и непростой характер взаимоотношений с местным населением, сам факт их жизни здесь стал важным культурным явлением в истории региона. Это породило и продолжает порождать многочисленные легенды, связывающие солдат армии Наполеона с теми или иными сторонами жизни Уральского края. Пребывание в 1812–1814 гг. французских солдат

на Урале нашло отражение в культурно-исторической памяти и за рубежом, прежде всего во Франции.

В.М. Шевырин

2018.05.010. АБАКУМОВ О.Ю. ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ НА СТРАЖЕ НРАВСТВЕННОСТИ И БЛАГОЧИНИЯ. ЖАНДАРМЫ В БОРЬБЕ СО ВЗЯТКАМИ И ПОРОКОМ. 1826–1866 гг. – М.: Центрполиграф, 2017. – 198 с. – Библиог.: с. 170–181. – (Новейшие исследования по истории России; Вып. 6).

Ключевые слова: Российская империя, XIX в.; Третье отделение полиции; Третье отделение как надзирающая структура; поддержание общественного порядка; борьба со взяточничеством.

В книге канд. ист. наук О.Ю. Абакумова (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС) рассматривается разнообразная и многоплановая деятельность Третьего отделения полиции по поддержанию общественного порядка в стране, морали и нравственности среди населения. Автор не уделяет внимания борьбе жандармов с политическим вольнодумством, протестным, революционным движением, терроризмом.

Исследование основано на широком круге архивных материалов (ГАРФ, РГИА, ОР РГБ), воспоминаниях, записках, переписке; привлекаются научные работы. О. Абакумов приводит обширные цитаты из официальных донесений, писем и других источников, вводя в научный оборот архивные материалы. Частое и подробное цитирование помогает воссоздать характер работы Третьего отделения, детали и подробности повседневной жизни разных слоев населения.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было организовано в 1826 г. Сфера его компетенции была предельно широка: «Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции» (цит. по: с. 2). Жандармы занимались разной работой: от сбора сведений и наблюдения за общественным порядком до обеспечения высылки подозрительных лиц, от надзора за иностранцами до сбора статистики обо всех происшествиях, попадавших в полицейскую отчетность. По данным за 1857 г., жандармы должны были следить за «злоупотреблениями и

неприличными действиями служащих лиц», «противозаконными действиями частных лиц»; бороться с сектантами и раскольниками, фальшивомонетчиками, контрабандистами; заниматься уголовными делами (грабежом, разбоем, похищением казенных сумм, убийствами, самоубийствами, дуэлями), «крестьянским вопросом» и проч. (с. 2–4).

Отделение возглавляли главноуправляющие: граф А.Х. Бенкендорф (1826–1844), граф А.Ф. Орлов (1844–1856), князь В.А. Долгорукий (1856–1866) и др. В 1866 г. в штате состояло 34 чиновника, занятых в основном перепиской бумаг. При А.Х. Бенкендорфе были сформированы территориальные органы политической полиции. Страна была поделена на семь округов во главе с жандармскими генералами, в губерниях располагались небольшие команды, возглавляемые жандармскими штаб-офицерами. В Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве были расквартированы жандармские дивизионы. По данным на 1863 г., общая численность жандармов по стране насчитывала 4978 человек (с. 3–4). Для императора составлялись ежегодные отчеты с аналитическими обобщениями о политической ситуации, революционной борьбе, криминальных происшествий, настроениях в обществе.

В первой главе «Третье отделение и надзор за обществом» автор пишет, что при учреждении Третьего отделения император Николай I ставил перед жандармами благие задачи: «заботиться о бедных и сирых», «предотвращать семейные неурядицы», «обеспечивать тишину, порядок, подчинение старшим и благочиние» и т.п. (с. 4). Как показывают «Записки» и сохранившаяся переписка А.Х. Бенкендорфа с великим князем Константином Павловичем, шеф жандармов лично занимался кадровой политикой и просил у великого князя помочь ему подыскать подходящие кандидатуры.

Отношение общества к новой надзирающей структуре было разным. В источниках можно найти и положительные и отрицательные оценки. Офицер, сменивший флотский мундир на жандармский, Э.И. Стогов, отмечал именно моральный аспект нового служения: «Я – Жандарм, т.е. нравственный полицеймейстер... Ф.Ф. Вигель писал о корпусе жандармов: “Весь этот обсервационный корпус был сформирован к концу года, как ни трудно было сначала склонить несколько порядочных людей войти в него. Голубой мундир, ото всех других военных своим цветом отличный

как бы одеждою доносчиков, производил отвращение даже в тех, кои решались его надевать”» (цит. по: с. 9–10). Шеф жандармов считал, что против них настроены высшие чиновники, а простые люди относятся вполне благожелательно, ведь именно они тяготятся произволом со стороны вышестоящих. Он писал: «В обществе не обращают внимания на то, что в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты» (цит. по: с. 10).

Как показывают ежегодные отчеты отделения, большое внимание уделялось жандармами «крестьянскому вопросу». О.Ю. Абакумов приводит многочисленные документальные свидетельства о расследованиях и наказаниях помещиков и управляющих за жестокое обращение с крестьянами, за растление и насилие над крестьянками и т.п.

В последние годы крепостничества Третье отделение пыталось выявлять и доводить до законного решения случаи жестокости, жандармские офицеры проверяли анонимные доносы, циркулировавшие слухи о фактах насилия и угнетения крестьян, пытались контролировать розыскные действия и следить за судебными процессами, но победить системное зло было невозможно, его можно было сдерживать, пишет историк.

Наряду с этим жандармы следили за умонастроениями в обществе, особенно в среде молодежи. Полицейские проверяли работу питейных заведений (трактиров, кабаков и т.п.), а также собирали информацию среди посетителей, что позволяло фиксировать настроения разных слоев населения.

Как показывают архивные документы, тайная полиция активно собирала разного рода разговоры и жалобы, даже слухи и толки о разных городских хозяйственных проблемах, чтобы выяснить недовольство жителей состоянием дел в городе, недостатками городского управления.

Вторая глава посвящена борьбе Третьего отделения со взяточничеством. Шеф жандармов эмоционально высказался в отчете, предназначенном императору: «Чиновники... Это сословие, пожалуй, является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди. Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущно-

сти, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы» (цит. по: с. 50).

Историк приводит многочисленные цитаты и выдержки о коррупции в разных ведомствах и среди чиновников разных уровней. С момента основания отделения жандармы боролись со взяточничеством и произволом чиновников, но заметных результатов это не принесло: «В отчете Третьего отделения за 1831 г. откровенно признавалось: “Принятые в начале царствования государя императора строжайшие меры к прекращению лихоимства никакой видимой пользы не произвели; лихоимцы сделались лишь осторожнее, но число их не уменьшилось”» (цит. по: с. 58).

Третья глава посвящена надзору за семейной жизнью граждан страны. Согласно законодательству, жандармы имели право вмешиваться в частную жизнь граждан в целях государственной и общественной безопасности. Политическая полиция активно собирала и обрабатывала разного рода информацию: фиксировались факты, собирались слухи, донесения, доносы, анонимные письма и т.п. Как показывают делопроизводственные материалы, в поле зрения тайной полиции попадали самые разные случаи: от настоящего домашнего насилия, угрожающего жизни, до супружеских измен.

В годы реформирования правовой системы Российского государства руководство Третьим отделением указывало на назревшую необходимость изменения семейного законодательства. Вместе с тем надзор за семейной жизнью оно оставляло за собой. После реорганизации Третьего отделения министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов оставил в производстве дела, касающиеся семейного насилия. Своё решение он объяснил следующим образом: «Такие дела возникают особенно часто “в низшем классе населения, где власть мужа представляется еще в самой грубой форме”» (цит. по: с. 91).

Следующая глава «Герой-любовник Н.Н. Телепнев и его жертвы» посвящена неудачному авантюристу и прожектеру и его любовным похождениям, закончившимся трагически. Автор, основываясь на архивных полицейских документах, показывает удивительную судьбу необычного «маленького», «лишнего» человека в период царствования Николая I и Александра II.

«Развлечения горожан: От благопристойности до порока» – в этой главе описывается надзор тайной полиции за развлечениями горожан и работой увеселительных заведений. В 40–60-е годы XIX в. публичное поведение населения регламентировалось достаточно обширной правовой базой. Были и специальные указы и положения, определяющие работу питейных заведений и трактиров. Жандармы и агенты обязательно посещали многолюдные места: парки, городские и загородные традиционные места для прогулок, маскарады, танцевальные классы, клубы, кафешантаны и т.п. Ведь там активно обменивались разной информацией, сплетнями и слухами, обсуждались реальные и мнимые происшествия, разные темы, в том числе и политические, что давало возможность оценить настроения в обществе. Агенты следили за поведением граждан в общественных местах, их манерами, одеждой и даже прическами, обращая особое внимание на отклонения от общепринятых норм.

В шестой главе «Высшая полиция: Наблюдение за общественной нравственностью и здоровьем» описывается совместная деятельность тайной полиции с Министерством внутренних дел по регламентации и надзору за деятельностью легальных публичных домов, борьба с теневым рынком сексуальных услуг.

Заключительная седьмая глава посвящена такой специфической деятельности Третьего отделения, как цензура литературы и театральных представлений. Автор отмечает, что цензурой ведали хорошо образованные люди: Е.И. Ольдекоп окончил Московский университет со степенью кандидата, хорошо знал несколько иностранных языков. Иногда он писал отзыв о пьесе на языке оригинала. Другие чиновники и цензоры также были хорошо образованными людьми, с университетским образованием.

Цензоры четко понимали роль театра в идеологическом обеспечении стабильности и порядка, пишет Абакумов. Причиной запрета могли стать «безнравственное или неблагопристойное направление, изображение в невыгодном свете целых сословий, не исключая и высшего, неуместное суждение о политических и других важных современных вопросах и, наконец, изобличение злоупотреблений крепостного права» (цит. по: с. 157–158). По документам за 1862 г., цензурная экспедиция не имела четко сформулированных инструкций или других нормативных актов, цензоры руководствовались общими правилами Цензурного устава и самостоятельно

соотносили его требования с политической и общественной ситуацией в стране. Распоряжения начальства, в свою очередь основанные на высочайших повелениях, создавали волонтаристскую систему, без труда преодолевавшую нормы и ограничения Цензурного устава 1828 г., пишет О. Абакумов.

В заключение автор пишет, что неудача в работе Третьего отделения кроется в системной ошибке – ставка была сделана на субъективный, а не институциональный механизм контроля: «Идиллическую картину охраны спокойствия сословий и благосостояния государства через повсеместную назидательную опеку чиновников с чистой совестью и непоколебимой нравственностью воплотить в жизнь не удалось» (с. 170).

Ю.В. Дунаева

2018.05.011. БОЛЬШАКОВА О.В. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ЕВРАЗИЙСКАЯ ПАРАДИГМА. (Обзор).

Ключевые слова: Россия в эпоху раннего Нового времени; «имперские исследования» в историографии России; концепт «Евразия» в историографии России.

Одним из влиятельнейших направлений в историографии России является изучение ее как многонациональной империи в рамках так называемых «имперских исследований» (imperial studies). Это направление возникло вскоре после распада СССР, который привлек внимание исследователей к проблеме империй как одной из форм существования государства, и с тех пор активно развивалось как в нашей стране, так и за рубежом. На сегодняшний день можно говорить о международной по своему характеру историографии России как империи, языком научной коммуникации в которой является в основном английский.

Исследования империй внесли существенные коррективы в представления историков: «русоцентристский» взгляд на Россию, господствовавший долгое время в историографии, сменился «имперским», что в первую очередь означало смещение фокуса внимания с центра к периферии – окраинам обширной империи. В этом контексте особое значение приобрел концепт «Евразия», который выступил в качестве важнейшего аналитического инструмента в

изучении истории формирования и существования России как империи. Множественные значения «геокультурного концепта Евразия», возникшего в период реконфигурации мира после распада СССР и включившего в себя все (или почти все) бывшее советское пространство, рассматривает в своей монографии Сергей Глебов (1). С одной стороны, пишет автор, термин «Евразия» использовался в разнообразных проектах экономической и политической интеграции этого пространства; именем Евразии оперировало и радикальное неонацистское движение в России, широко представленное в свое время в СМИ. С другой стороны, за рубежом происходил «ребрендинг» прежних «русских и советских исследований», программ, центров, с тем чтобы отойти от руссоцентристских нарративов, выявить связи и взаимопересечения, что позволило бы преодолеть как географические, так и дисциплинарные границы и подчеркнуть глобальный контекст исторических процессов (1, с. 1).

В зарубежной русистике концепт «Евразия» довольно быстро вошел в научный оборот, и особенно плодотворным оказалось его применение в исследованиях России периода раннего Нового времени. Одним из примеров использования «евразийской парадигмы» служит фундаментальная монография профессора Нэнси Шилдс Коллманн, посвященная становлению Российской империи в эпоху, границы которой она определяет в пределах 1450–1801 гг. (2). Тот факт, что в качестве конечной вехи автор берет начало царствования Александра I, навеивает ассоциации с традиционной историографией, в которой периодизация истории России опиралась на смену правителей. Однако наивно-политический подход ни в коей мере не свойствен работе Коллманн. Автор принадлежит к так называемой Гарвардской школе историков-русистов, ассоциирующейся с именем Эдварда Кинана. Своему учителю Коллманн и посвятила книгу, отметив в предисловии, что именно он учил ее видеть историю России в евразийском, имперском контексте, не замыкаясь в узких границах национального государства и обращая внимание на культурное и национальное разнообразие империи. Большую роль в ее нынешнем «евразийском» взгляде на историю России сыграло участие в семинаре «Империи Евразии», действующем в Стэнфордском университете. Коллманн нашла там дополнительное подтверждение идее, что Россия является одной из империй Евразии (2, с. VII–VIII).

Автор использует широкий сравнительный подход, считая Российскую империю одной из типичных континентальных империй раннего Нового времени, наряду с Османской, Габсбургской, Сефевидской, Могольской и империей Цин, которые возникли на обломках империи Чингисхана и опирались на ее наследие. Начиная с XV в. все эти империи постепенно охватывали своим контролем огромную евразийскую Степь (процесс установления контроля над территориями Степи Коллманн считает поворотным в истории континента). Евразийские империи, пишет она, были сходны по своей структуре, и на всем пространстве от Венгрии до Китая наблюдались общие стратегии управления и типичная имперская идеология. По мнению Коллманн, крайне полезной для анализа в данном случае является модель «империи различий», согласно которой управление исходит из центра, однако не вторгается в такие сферы, как язык, этничность и религия подданных, обитающих на присоединяемых территориях¹. Сохраненные в неприкосновенности, они служат своего рода «якорями» империи, поддерживая социальную стабильность (2, с. 2).

По словам автора, Российская империя, по территории которой проходил соединяющий Запад и Восток Великий шелковый путь (с его ответвлениями, соединяющими Север и Юг), в географическом отношении находилась на пересечении «геологической и исторической триады»: северных лесов, Степи и «цивилизованных» южных регионов Средиземноморья и его периферии. Большую роль в соединении богатых ресурсами северных территорий с Югом и Востоком играли речные пути, и именно на торговом пути в Византию, на берегах Днепра и возникло в IX в. государство Русь с центром в Киеве. Затем, «в типичной для средневековых государственных образований манере», оно распалось на множество княжеств – в немалой степени в связи с изменением торговых маршрутов. Возвысившееся к XV в. Московское княжество контролировало пути на Верхней Волге и стало региональной державой (2, с. 2–3).

В некоторой степени, пишет автор, столь скорое возвышение России (тогдашней Московии) обозначило начало новой стадии имперского строительства в Евразии. Начиная с XV в. крупные

¹ См.: Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: Power and the politics of difference*. – Princeton: Princeton univ. press, 2010.

континентальные империи благодаря развитию коммуникаций, формированию бюрократии и усовершенствованию армии стали в состоянии устанавливать более прочную власть на степной периферии. И в итоге в течение XV–XVIII вв. оседлые аграрные империи постепенно овладели Степью (2, с. 3).

Империи, замечает Коллманн, возникают в результате установления контроля центра над территориями; однако удерживает эти территории гибкая политика, включающая в себя принуждение, кооптацию и общую для всех подданных идеологию. Центральное место в этом спектре политических инструментов занимают разнообразные формы мобилизации, применяемые правителями, и приспособление к ним подданных. И поскольку у империй раннего Нового времени было недостаточно человеческих ресурсов для осуществления контроля только посредством насилия, они применяли другие стратегии для утверждения своей легитимности и осуществления управления (2, с. 3).

Ключевым для создания имперской легитимности, пишет Коллманн, являлось заявление об этой легитимности: империи «возвещали» о своей власти, претендуя на гораздо больше того, что они могли реально осуществить. Имперские центры выдвигали наднациональную идеологию, обычно ассоциирующуюся с господствующей религией элиты. Кроме того, правящая династия описывалась как героическая и харизматичная, способная защитить страну от врагов, а своих подданных – от несправедливости. В евразийской традиции, пишет Коллманн, центральными атрибутами имперских правителей являлись «правосудие и милость» (2, с. 3–4).

Помимо идеологии другим ключевым элементом поддержания имперской власти было установление контроля над территориями посредством институтов, предназначенных для сбора налогов, отправления правосудия, защиты от внешних врагов. В то же время империя, по словам Коллманн, избегала слишком сильной интеграции: создавая вертикальные связи между центральной властью и местными элитами и общинами, она держала их в относительной изоляции друг от друга. С разными народностями и сообществами заключались «сепаратные сделки», касавшиеся объема налогов и воинских повинностей, форм местного управления и прав местной элиты. В случае России это очевидно, если перечислить такие группы, как донские и украинские казаки, сибирские

оленоводы, степные кочевники и балтийские немцы (юнкеры). Все они могли лично обратиться к царю через посредство его чиновников, однако горизонтальные связи между этими группами отсутствовали. Для поддержания стабильности от правящей династии требовалась гибкость, что подразумевало постоянный пересмотр условий, на которых та или иная группа существовала в рамках империи, в зависимости от изменяющихся обстоятельств.

Для осуществления этой гибкой политики применялись соответствующие инструменты, и Коллманн указывает, что Россия раннего Нового времени заимствовала модели управления из разных источников, сочетая элементы монгольских институтов и форм политики с фундаментальным культурным, политическим, правовым, идеологическим и символическим наследием и практиками Византии и других православных государств (2, с. 4).

Затрагивая проблему так называемого «исконного российского экспансионизма», Коллманн отвергает апелляции времен холодной войны к византийскому наследию, «азиатскому деспотизму» или же мессианизму теории «Москва – Третий Рим» как полностью несостоятельные. Действительно, пишет она, Россия расширялась чрезвычайно быстро, «установив свою власть над всей Сибирью в XVII в., продвинувшись на Дальний Восток и Аляску в XVIII, одновременно отвоевав у Османской империи побережье Черного моря и захватив (совместно с двумя европейскими партнерами) суверенное Польско-Литовское государство» (2, с. 5). Однако следует учитывать то обстоятельство, пишет она, что в период, когда Москва строила свое государство путем активной экспансии, тем же самым занимались и ее соседи: Османская, Могольская и Сефевидская империи, европейские колониальные империи. Собственно говоря, эпоха Великих географических открытий в англоязычной традиции так и называется: «эпоха экспансии». И Коллманн права, замечая, что государства всегда расширяются, когда ресурсы это позволяют. В период раннего Нового времени Россия и ее соседи расширялись чрезвычайно активно в поисках все новых богатств и ресурсов для государственного строительства: это является одной из сущностных характеристик эпохи как в Европе, так и в Евразии в целом.

Для морских колониальных империй Европы экспансия обосновывалась сначала религиозными аргументами, в XVII в. к

ним прибавился меркантилизм, а в XVIII в. – комбинация *Realpolitik* и национальных и расовых дискурсов. В России завоевание также облекалось в разные риторические одежды: возвращение исконных земель, борьба с исламом (XVI в.), достижение статуса великой державы на международной арене (XVIII в.). Однако за каждым конкретным завоеванием и присоединением все-таки, как справедливо отмечает Коллманн, стояли реальные экономические и политические цели (там же).

Таким образом, вся аргументация книги построена на представлении о вписанности России в общий контекст империостроительства в Евразии эпохи раннего Нового времени, что требует постоянно учитывать и геополитические обстоятельства. Постоянно подчеркивая свою приверженность модели «империи различий», автор обращает особое внимание на разнообразие населявших Российскую империю народов и отмечает, что источником мощи и стабильности России как империи являлось сбалансированное сочетание сильной центральной власти и политики *laissez-faire* на местном уровне (2, с. 6). Коллманн использует гибкий подход, рассматривая не столько «управление подданными», сколько взаимодействие между управляющими и управляемыми, постоянное приспособление политических практик к изменяющимся условиям. При этом она подчеркивает, что именно наличие сильного центра, контролирующего множество радикально различающихся территорий, и делало Россию того времени великой державой.

Книга имеет довольно сложную структуру. Помимо введения, в котором обрисовываются теоретические рамки исследования и формулируются его цели, имеется «Пролог», где кратко характеризуется событийная канва, включая внешнеполитический контекст. В первой части книги (главы 1–5) рассматривается географический аспект «собирания империи», вплоть до разделов Польши в XVIII в. Вторая и третья части (главы 6–12 и 13–21) построены по хронологическому принципу и посвящены соответственно XVII и XVIII вв. Однако, в отличие от традиционного взгляда на революционное влияние Петра I, автор подчеркивает преемственность, а не разрывы, характеризующие правление императора. В то же время она обращает внимание на особый динамизм XVIII в., который отличал его от предшествующего: демографический рост, экономический бум, наконец, идеи Просвещения, пред-

ложившие новые дискурсы и модели управления, а также кардинально изменившие культуру и образ жизни. «Заключение» посвящено имперскому воображению: в нем дается образ империи, сформировавшийся к 1801 г. в представлениях правящей элиты и литераторов. Эта структура призвана, по замыслу автора, отвечать поставленной ею задаче: проследить процесс формирования обширной империи, показав не только деяния правителей, но и уделив значительное внимание их многочисленным разноязыким подданным, с тем чтобы понять, что же делало империю целостной в социальном и политическом отношении (2, с. 1).

Симптоматично, что приступая к рассмотрению истории России XVII в., автор обращается сначала к идеологии империи, призванной утвердить ее легитимность. Хотя термин «идеология», замечает Коллманн, вряд ли применим к обществам раннего Нового времени, почти поголовно неграмотным. Скорее, в данном случае речь должна идти о тех образах, в которых находила воплощение идея государства, и здесь главными источниками наряду с литературными становятся визуальные, в том числе архитектура. Большую роль играют ритуалы и присущий им символизм, призванные утвердить позитивный образ идеального правителя, элиты, да и самого общества и внушать чувство уважения, благоговения, причастности, способствуя таким образом социальной сплоченности (2, с. 129).

Анализируя этот материал, автор приходит к следующим выводам.

Во-первых, образы, воплотившиеся в искусстве, ритуале и архитектуре, несли в себе информацию о политической практике, а не институтах, адресуясь прежде всего к взаимоотношениям правителя с народом и элитой. Власть правителя представлялась неограниченной в теории, как власть отца семейства, но смягченной, урезанной на практике. Как и отец в семье, правитель должен был быть строгим, но справедливым, милостивым и добрым христианином. Он подавал пример благочестия и вел свой народ к спасению. «Политика» отправлялась на личном уровне, а не институциональном: «Литургия, церемонии и совет удерживали правителя на верном пути, а политическую систему – в равновесии», – пишет автор (2, с. 154).

Во-вторых, присущая этой идеологии гибкость делала ее пригодной для всех подданных, независимо от их этнической и классовой принадлежности. Правитель обеспечивал правосудие, порядок и благословение свыше своему царству и народу. Все социальные группы могли претендовать на защиту и благоволение самодержца, но «права» каждой группы определялись в зависимости от региона проживания, этничности и класса. Это была идеология патримониального благочестивого правителя.

В-третьих, хотя политическая реальность и была суровой, этот гармоничный идеал в чем-то совпадал с ней и в какой-то степени формировал ее. В целом политическая система Московии, основанная на родстве и связях, с ее личным характером верховной власти, была очень стабильной. Семьи элиты были хорошо обеспечены и, получая землю, крепостных, дары, наконец, статус, не нуждались в юридических или институциональных гарантиях своих прав (во всяком случае, замечает Коллманн, в их словаре отсутствовали подобные термины). На практике убийство правителя было табуировано, поскольку несло в себе угрозу кровопролитной династической борьбы.

Что касается «деспотизма» – старого клише, получившего вторую жизнь в годы холодной войны, автор постоянно развенчивает его, утверждая, что власть московских государей отнюдь не была неограниченной. Взамен гарантий прав элиты на сопротивление существовали другие рычаги: ожидания подданных, что царь будет благочестив, справедлив и милостив к своим подданным. Оправдывая эти ожидания, русские цари редко вели себя деспотически; исключением был Иван Грозный. Коллманн замечает, что покоившаяся на подобных ограничениях легитимность правителя была свойственна и другим евразийским империям раннего Нового времени и подчеркивает, что она отнюдь не запрещала московским государям использовать силу, когда это требовалось (2, с. 154–155).

Затем от «абстрактной власти воображения» автор переходит к исследованию конкретной власти «кнута, армии и бюрократии», рассматривая такие ее инструменты, как ограничение мобильности населения (прежде всего крепостничество), уголовное право и уголовный суд, картографирование территории, фискальная политика, включавшая в себя меры по созданию промышленности и поддержке торговли. Модернизовавшаяся по европейскому образцу

российская экономика носила колониальный характер, о чем свидетельствовало преобладание в ее экспорте сырья, пишет автор, однако происходило наращивание материальных благ, которое расширяло возможности России конкурировать на глобальном рынке и в мире геополитики (2, с. 204).

Три главы посвящены социальной истории XVII в., в них последовательно рассматриваются элита, крестьянство и другие податные сословия, городское население. В завершение автор анализирует особенности и вариации православия в России этого периода, касаясь в том числе политики христианизации. Она отмечает гибкость и толерантность этой по преимуществу «практической политики», которая помогала сохранять стабильность империи.

Переходя к рассмотрению XVIII в., Коллманн обращается к существенным изменениям, произошедшим в идеологии империи, которая в этот период получила исключительно определенное, недвусмысленное воплощение и в литературных произведениях (одах, панегириках, пьесах), и в философско-политических, религиозных сочинениях, и в архитектуре. В системе имперской образности нашел отражение поворот к европейской культуре и возник новый идеал правителя-деятеля, который должен служить общему благу и вести за собой элиту. В петровское время служение государству заключалось в завоеваниях и реформах; позднее, с внедрением меркантилизма, больший вес получило поощрение торговли и промышленности, привлечения в страну иностранных поселенцев и пр. Во второй половине века, когда немецкий камерализм был дополнен идеями французского Просвещения, формируется гармоничный образ империи как божественного творения. При этом императоры и императрицы XVIII в. в чем-то сохраняли и московские черты. Они правили самодержавно, «приветствуя совет, выращая элиту, устанавливая закон, но никогда не уступая власть, никогда не даруя конституционных институций или прав», — пишет автор (2, с. 292–293). Что касалось практики самодержавия, империя оставалась государством, управляемым посредством личной власти.

Затем автор рассматривает военные и административные реформы, инициированные Петром I и продолженные Екатериной II и затем Павлом. Однако несмотря на серьезные успехи в создании современной армии и флота, а также бюрократической системы администрации, к концу XVIII в. Российская империя по-прежнему

характеризовалась серьезными региональными различиями в том, что касалось административной структуры, права и институтов управления (2, с. 314).

Особое внимание Коллманн уделяет изменениям в налогообложении, в том числе фискальной политике Екатерины II, в царствование которой государственные расходы существенно превзошли доходы. Рассматривается развитие промышленности, как государственной, так и частной, а также внутренней и внешней торговли. Довольно много места уделяется инфраструктуре и инструментам для усиления контроля над территориями, в частности почтовой и паспортной системам. Не обходит своим вниманием Коллманн и систему правосудия, претерпевшую ряд серьезных изменений, но при этом сохранившую целый ряд московских черт. Обращаясь к социальной истории XVIII в., она подчеркивает исключительное разнообразие российского общества, как с точки зрения юридической, так и в том, что касалось образа жизни. Этот век, пишет она, был свидетелем социальной мобильности и динамизма, серьезных социальных изменений. Россия в этот период представляла собой общество в процессе становления, когда закладывались основы системы, сложившейся позднее, в следующем веке. Те же множественность и разнообразие были характерны и для религиозной сферы, когда в результате завоеваний и присоединений выросло количество конфессий в империи, а удельный вес православных подданных существенно сократился.

Авторское повествование основано главным образом на имеющейся литературе, прежде всего англоязычной. Учитываются в ней и работы ряда российских авторов, так или иначе интегрированных в зарубежную историографию. Таким образом, Коллманн опирается на итоги исследований своих коллег и дает уже известную картину общего процветания Российской империи, двинувшейся по европейскому пути. Итоги она подводит в «Заключении», также используя выводы и наблюдения современных исследователей.

Затрагивая проблему имперской и русской идентичности, которая выходит на повестку дня в XVIII в., Коллманн отмечает, что, в отличие от Европы и несмотря на колоссальное расширение империи в XVI–XVIII вв., в России не получил развития дискурс русскости как противоположности иностранному Другому и ее нерусским подданным. В Московский период отсутствовала какая-либо

идеология превосходства русских или их серьезного отличия от других этнических групп. Для московских государей разнообразие их земель являлось доказательством их могущества (2, с. 450–451). И хотя при Петре I, запустившем процесс европеизации, возникает рефлексия по поводу русскости и отношения России как к Западу, так и к населяющим империю народам, важным моментом являлся тот факт, что эти народы не считали «варварскими». Взятый Россией на вооружение проект цивилизаторской миссии, типичный для империй того периода, не принижал другие народы, он был «интегративным, а не иерархичным», пишет автор, добавляя: это была не «русификация», а «Просвещение» с большой буквы. Она не отрицает, что под влиянием «камералистских импульсов» в первой половине века проводились достаточно жестокие кампании насильственного обращения в христианство, однако подчеркивает, что к концу века российское «имперское» мышление стало (сознательно) более инклюзивным (2, с. 451).

Начатое при Петре I этнографическое изучение населяющих империю народов активизировалось при Екатерине II, которая буквально прославляла невероятное разнообразие народов, природы и ее богатств в подвластной ей огромной империи, пишет Коллманн. К 1801 г. и у императоров, и у элиты России наблюдалось, по ее словам, «космополитическое ощущение идентичности», основанное не на противопоставлении русских «нецивилизованным» подданным, а на признании единства населяющих империю народов. Автор акцентирует «воображаемый» характер этих представлений, обеспечивавших единство империи, которое на практике поддерживалось политикой принуждения и кооптации.

Необходимо отметить, что «евразийский» компонент фактически исчезает из повествования о XVIII в., да и из выводов тоже. Главную роль, по-видимому, здесь сыграло влияние литературы, на которую опирается Коллманн, будучи все же специалистом по Московской Руси. А используемая ею литература по-прежнему, традиционно трактует этот период как «европейский» век, ставя во главу угла европеизацию Российской империи.

«Евразийская парадигма» присутствует и в исследовании Чарльза Стейнведела (профессора Северо-Восточного Иллинойского университета), посвященном отдельному региону, который вошел в состав империи на самом раннем этапе ее строительства, –

Башкирии (3). Свою монографию автор назвал «Нити империи», имея в виду связи, существующие между центром и периферийными территориями, и в качестве главного инструмента, «привязывающего» населяющие эти территории народы к имперскому ядру, он выделяет преданность (лояльность) – термин, не слишком часто встречающийся, по его словам, когда речь идет об империях, которые обычно ассоциируются с насилием и отсутствием демократии (3, с. 4–5).

Ограничив территориальный охват своего исследования, Ч. Стейнвелл расширил хронологию, рассмотрев весь период существования Российской империи, которая, как склонны теперь считать зарубежные русисты, сформировалась задолго до того, как получила свое название. Скорее, имперский статус был лишь закреплён Петром I, который фактически ввел свою державу в европейский мир. Сосредоточившись на одном регионе, автор получил таким образом возможность более глубокого исследования реалий и ментальных конструкций, проследив их изменение во времени. В центре его внимания – категории сословия, вероисповедания и национальности, игравшие большую роль в управлении Башкирией.

На протяжении всего периода 1552–1917 гг., пишет он, задача имперских чиновников в отношении Башкирии (как и других территорий империи) оставалась по сути одной и той же: культивировать лояльность подданных, что обеспечивало бы стабильность власти. Однако «нити», создававшие ткань империи, с течением времени изменяли свою природу. До 1730 г. – один из важных хронологических разделов в истории региона, по мнению автора – нити были слабыми и касались очень узкой прослойки, в основном православных и русскоговорящих, а также представителей местной элиты. Тем не менее этого было достаточно для решения весьма ограниченных в то время задач империи, пишет Ч. Стейнвелл. Именно к этому периоду он применяет «евразийскую парадигму», считая Россию одной из «степных» империй, обладавших общими сущностными чертами:

Затем наступает новая эпоха, которая характеризовалась постепенным усвоением «европейских» идей, культуры и образа жизни. Ее особенности и изменения во времени отражены в названиях глав: «Абсолютизм и империя, 1730–1775», «Империя разума, 1773–1855», «Империя участия, 1855–1881», «Империя и нация,

1881–1904». Однако кризис 1905–1907 гг. побуждает автора вновь обратиться к евразийскому компоненту и посмотреть на Российскую империю в широком сравнительном контексте, отойдя от европоцентристского угла зрения. (Следует отметить, что сравнения с другими империями постоянно встречаются на страницах книги, однако особое внимание автор обращает на две континентальные империи, также находившиеся на периферии Европы, – Османскую и монархию Габсбургов, и прежде всего в силу тесного их взаимодействия с Россией).

Таким образом, в исследовании Стейнведела выделяется некий «европейский» период в истории России, когда, собственно, и создавались «нити империи», являющиеся предметом его изучения. Для середины XVIII в. основным инструментом в их формировании являлось насилие, затем, при Екатерине, внимание властей обращается на дворянство: наряду с привлечением в Башкирию русских помещиков восстанавливается утраченный местными мусульманами дворянский статус, происходит официальное признание мусульманского духовенства. Местная элита, как предполагалось, должна была служить посредником между центральной властью и низшими сословиями. Эти усилия увенчались успехом, и после Пугачевщины восстания в регионе почти сходят на нет вплоть до революции 1905 г. Именно тогда, в эпоху возникновения массовой политики и распространения идей о культурно гомогенном национальном государстве, была поставлена под вопрос способность нерусских и неправославных элит быть лояльными императору, с одной стороны, и поддерживать лояльность широких масс – с другой, пишет автор (3, с. 4).

Однако для империи как таковой ключевым является не гомогенность, а разнообразие и различия – этнические и религиозные прежде всего, однако и сословные также. Автор исследует два типа сословного статуса в Башкирии, характерные и для империи в целом: дворянский и «национальный», в данном случае – башкирский.

Дворянство, пишет он, делало представителей местной элиты членами статусной группы с соответствующими обязательствами и вводило их в культурный мир правящей династии, который стал в екатерининскую эпоху по существу европейским. Дарование дворянского статуса, замечает автор, являлось особенно важным для

региона с преобладанием мусульманского населения. «Башкиры» также являлись сословием, а не народностью; данный статус указывал на определенные привилегии и обязательства, отличавшие башкир от других сословий, например крестьян или купечества, так же как и от татар, проживавших западнее и не имевших статуса особой группы, или от «инородцев» Сибири на востоке. Свои права башкиры получили при Иване Грозном, в том числе право на землю, и должны были защищать степной фронт империи (3, с. 6–7).

Сословная иерархия была поставлена под вопрос в пореформенную эпоху, когда начинается процесс постепенного превращения подданных империи в граждан. Опыт Башкирии, по мнению автора, значительно усложняет картину отношений государства с нерусским / неправославным населением, традиционно рисовавшуюся историками как целенаправленный стадиальный процесс, ведущий к полной ассимиляции. Таковой не просматривается в башкирских реалиях, пишет Ч. Стейнвелд. Стратегии и цели инкорпорации менялись на протяжении всего исследуемого периода; менялся и уровень насилия. Автор полагает, что правительство стремилось не столько ликвидировать различия, сколько систематизировать их, отразив в законодательстве. Так что вместо ассимиляции имела место аккультурация (3, с. 7–8).

Географическое положение Башкирии на границе Европы и Азии побуждает автора характеризовать этот регион как место, где русское православие встречалось с мусульманством, славянское – с тюркским, современность с древностью, и Азия с Европой (3, с. 10). Разнообразие обширного региона, сопоставимого, по его словам, с территорией штата Калифорния или, например, Швеции, выражалось как в географическом отношении, так и в пестроте племенного состава. Он останавливается на общей характеристике населения, в котором наряду с башкирами присутствовали татары (и их различные группы), финно-угорские народности (мари, удмурты, чуваша), русские. Отмечает автор и отсутствие традиции независимой государственности у башкир, которые всегда платили кому-то дань.

Завоевание Башкирии, пишет автор, означало возникновение новой евразийской «степной империи», в которой для управления кочевым и оседлым населением создавались разные системы администрации. Контраст демонстрируется в книге на примере Казани,

завоеванной Иваном Грозным со всей жестокостью того времени. Собственно, с завоевания Казани историки и ведут отсчет начала Российской империи.

В литературе нет единого мнения о том, насколько «добровольно» вошла Башкирия в состав России. Однако согласно башкирским хроникам, на которые ссылается автор, в тот момент у Башкирии, зажатой между Ногайской ордой и Казанским ханством, не было особого выбора. Башкирская элита вынужденно сделала его в пользу более сильной Москвы, получив обещание сохранить их веру и обычаи в обмен на ясак, который прежде платился Казани. Принеся клятву «Белому бею», башкирские племена получили грамоты, подтверждающие их права на землю (3, с. 17–18).

По мнению Ч. Стейнведела, история присоединения Башкирии к России не является парадигмальным примером, она скорее отражает гибкую и многообразную природу экспансии Москвы, в которой «при всем ее упорстве отсутствовали система и последовательность» (3, с. 19). Башкирия вошла в Российскую империю совершенно при других обстоятельствах, нежели Казань, что в данном случае демонстрировало другую сторону империостроительства Москвы. Как пишет автор, к востоку от Казани в российском империализме отсутствовали такие вещи, как сильная церковь, не получили широкого распространения помещичье землевладение и владение крепостными (3, с. 37). Центр «встроился» в модели, регулировавшие политическую жизнь в Степи. Вплоть до XVIII в. российское государство незначительно вторгалось в жизнь башкирских подданных, не более чем его предшественники – Ногайская орда, Казанское и Сибирское ханства. Не происходило ни массовых крещений, ни закрепощения крестьян; дань – главная забота московских государей – не была слишком тягостной.

Случай Башкирии, пишет автор, демонстрирует отсутствие в Московии «идеологии крестового похода» (*crusading ideology*), что, как отмечают и другие историки, отличало православие от католического Запада. Здесь применялись совсем иные стратегии управления, направленные прежде всего на защиту рубежей строящейся империи, крайне уязвимой на юго-востоке. Именно поэтому московские государи старались привлечь башкир на свою сторону, а не вступать с ними в конфронтацию. Язык официальной документа-

ции того времени – это язык переговоров, свидетельствующий о страхе потерять контроль, замечает Ч. Стейнвелл.

В широком контексте московской экспансии XVI–XVII вв. случай Башкирии, по его мнению, ближе всего к донским казакам, которых также следовало привлечь на свою сторону в соперничестве с соседями. Однако Запорожская Сечь пользовалась куда большими привилегиями, поскольку противостояние со странами, расположенными западнее, было острее. Кроме того, в тех присоединенных землях, где социальная структура была более схожей с московской, цари даровали населению права и привилегии фактически те же, что и в метрополии (в частности, в Смоленске и Казани).

В целом же подход к Башкирии больше напоминал евразийские, нежели европейские модели. К востоку от Казани Москва, как и ее тогдашние соперники Османская империя и империя Цин, предпочитала принять «политическую, социальную и культурную экологию Степи», поскольку в ее задачи входило осуществлять контроль и вести торговлю на обширных территориях, населенных людьми иной веры и иного образа жизни. Как отмечают специалисты по истории империй, у Китая, России и Турции было много общего в том, как они расширялись в Евразии: они «прагматически смешивали многие традиции и были толерантны в религиозном отношении». Московские чиновники, в частности, опирались на монгольское наследие. До начала XVIII в. ключевым аспектом такого прагматизма всех трех империй являлась практика создания правовых и административных различий между оседлым ядром империи и кочевническим или полукочевническим степным фронтиром. Россия, таким образом, следовала панъевразийской модели, делает вывод автор (3, с. 41).

В то же время он предостерегает от слишком идеалистических трактовок отношений Москвы с башкирами, которые и до 1730 г. были далеки от гармонии. Степь – это всегда насилие, это набеги, взятие пленных и захват имущества. На протяжении всего первоначального периода достаточно часто происходили восстания. Даже самые скромные попытки московского правительства изменить что-либо в системе управления вызывали враждебность и заставляли его отступать. По словам автора, у башкир существовало вполне определенное понимание того, какими должны быть взаимоотношения с царем и его чиновниками, и когда оно наруша-

лось, следовал мятеж. Как правило, он завершался переговорами и подтверждением коллективного землевладения в Башкирии, размеров налогообложения и других прав и обязанностей. Башкирские восстания 1662–1664, 1681–1684 и 1704–1711 гг. были обусловлены тремя факторами – постепенным захватом башкирских земель, финансовым кризисом в связи с денежной реформой и появлением на юге калмыков в 1630 г., которым Москва, затеявшая борьбу с Крымским ханством, начала отдавать предпочтение в их спорах с башкирами. Были и другие причины – попытки христианизации, а в 1704 г. – повышение налогов Петром (3, с. 26–27).

И тем не менее тот факт, что уже в XVII в. башкиры участвовали в войнах на таких отдаленных территориях, как Польша и Османская империя, заставляет предположить, что все же сотрудничество, а не конфронтация характеризовало в этот период отношения России и Башкирии.

Ситуация начала меняться в XVIII в., когда правительство постепенно стало вводить новые условия инкорпорации башкир в империю, основанные на понятиях имперской власти в римской традиции. Вначале были сохранены нетронутыми религия и привилегии элиты, а некоторые – как, например, наследственное владение землей и введение тарханного статуса – даже расширены. Однако после неудач со строительством Оренбурга, призванного стать форпостом в Азии, центральная власть обратилась к иной стратегии, стремясь утвердить принципы петровского абсолютизма.

Ясак заменяется подушной податью, земля, принадлежавшая башкирам, передается помещикам, строящимся крепостям, заводам. В итоге Башкирия, и в том числе ее элита, утратила многие привилегии и мало что получила взамен. Племенная структура в условиях усилившегося имперского давления разрушалась. Единственное, что было сохранено – это толерантность в отношении религии, в отличие от районов, расположенных западнее, где проводились массовые обращения мусульман. Реализация в Башкирии «цивилизаторской миссии», основанной на идеях европейского Просвещения, была, по мнению автора, невозможна. А поскольку основную массу чиновников составляли военные, нет ничего удивительного в том, что в стиле местного управления превалировало применение силы. Башкиры отвечали на это силой и заслужили репутацию «диких и мятежных».

Период 1730–1775 гг. был поистине кровавым, поскольку имело место не только «повседневное насилие империи», но и два крупных военных столкновения. Как считает автор, причиной того, что Башкирия в середине XVIII в. являлась «точкой возгорания», заключается в том, что «географически и в социальном отношении она находилась между двумя полюсами российского империализма». Имеется в виду, что в обширном спектре окраин империи Башкирия занимала промежуточное положение между Западом и Востоком (Сибирью), что обуславливало достаточно двойственную политику. Многие исследователи отмечали, что там, где имперские чиновники могли понимать местную элиту (дворянство, например), они стремились к кооптации – т.е. сделать ее частью российского дворянства, с соответствующими привилегиями, которые давала служба царю. Чем дальше на восток, в частности в Сибирь, где подобного рода элита отсутствовала, тем чаще местное население просто обращалось в данников, не имеющих особых привилегий (3, с. 75).

В Башкирии царская империя, по словам Стейнведела, «бросалась из одной крайности в другую»: сначала использовалась фактически ордынская модель управления, затем начали предприниматься попытки установить абсолютную власть и ликвидировать то, что было приемлемо для местного населения. Отсюда – регулярное применение силы. И только после подавления пугачевского восстания имперский режим на самом высшем уровне – начиная с самой Екатерины – начинает обращать внимание на Башкирию и создавать новый базис для имперской власти.

По мнению автора, проведение четкого разграничения между Востоком и Западом в понимании политики, возникшее в годы правления Петра, означало переориентацию с евразийских моделей на европейские. Россия, таким образом, в интерпретации Стейнведела, становится европейской, а не евразийской империей. Исходя из этого тезиса автор и рассматривает историю Башкирии в составе России вплоть до революции 1905–1907 гг. В этот период категории сословия и вероисповедания обретают новые значения, так же как и понятия лояльности и национальности, которые активно политизируются, но, главное, перестают совпадать с традиционной сословной иерархией и конфессиональной принадлежностью. «Лояльные патриоты» и «подозрительные революционеры» могли

принадлежать к любой социальной группе, включая дворянство, рабочий класс, земство и даже местную администрацию. Выборы в Государственную думу продемонстрировали в полной мере раздробленность и разобщенность населения империи (3, с. 183–184).

Рассматривая ход и итоги революции в регионе, Стейнвелд вновь обращается к евразийской парадигме. «Существует большое искушение», пишет он, представить события 1905–1907 гг. в Уфимской губернии как часть цепи революций, прокатившихся по Евразии: Декабрьской революции 1905 г. в Иране, младотурецкой революции 1908 г. в Османской империи, революции 1911 г. в Китае. Действительно, продолжает он, все четыре революции произошли в ходе военных либо политических неудач в странах с лингвистически и конфессионально иным населением, нежели в Европе, и имели одну цель: установление конституции. Тем не менее Стейнвелд указывает на отличия российского варианта, где и армия, и духовенство, и бюрократия сохранили лояльность императору Николаю II, которому путем уступок удалось удержать власть. Ни башкиры, ни другие мусульманские народы в регионе не принимали активного участия в революции, и это для автора еще один аргумент в пользу того, что события 1905–1907 гг. в Башкирии никак нельзя причислить к ряду «евразийских революций» (3, с. 203–204).

Таким образом, и для Коллманн, и для Стейнвелда применение «евразийской парадигмы» к изучению истории Российской империи является релевантным только тогда, когда речь идет об эпохе раннего Нового времени, когда шло освоение Степи империями Евразии. Затем, после вхождения России в европейскую ойкумену в XVIII в., ее история рассматривается этими авторами в иной системе координат, и основным инструментом анализа становятся концепции вестернизации и конституционализма.

Список литературы

1. Glebov S. From empire to Eurasia: Politics, scholarship and ideology in Russian Eurasianism, 1920 s–1930 s. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 2017. – VIII, 237 p.
2. Kollmann N. Sh. The Russian empire, 1450–1801. – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – XIV, 497 p.

3. Steinwedel Ch. Threads of empire: Loyalty and tsarist authority in Bashkiria, 1552–1917. – Bloomington: Indiana univ. press, 2016. – XIV, 381 p.

2018.05.012. КОРЖИХИНА Т.П. ИЗ НЕЛЕГАЛОВ В КОММЕРСАНТЫ: ОЧЕРК О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.П. НОГИНА / Подгот. к печати Простоволосовой Л.Н., Шаповаловой Л.Д.; предисл., вступ. ст., коммент. Шаповаловой Л.Д., Сенина А.С. – М.: РГГУ, 2018. – 164 с.

Ключевые слова: первое советское правительство; В.П. Ногин; нарком торговли и промышленности.

Книга посвящена жизни и деятельности народного комиссара торговли и промышленности в первом составе советского правительства В.П. Ногина (1878–1924). Предлагаемая работа написана д-ром ист. наук Т.П. Коржихиной (1932–1994) и подготовлена к публикации коллегами и учениками Т.П. Коржихиной – д-ром ист. наук, профессором А.С. Сениным и канд. ист. наук Л.Д. Шаповаловой. Текст печатается в авторской редакции. В книгу вошли также вступительная статья о жизни и научном творчестве Т.П. Коржихиной, профессора кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ, и хронологический указатель ее трудов.

Виктор Павлович Ногин прожил 46 лет, но его жизньместила множество событий: 50 мест заключений, семь ссылок, беги, эмиграцию, напряженные будни подпольщика и вершины власти – членство в правительстве России, споры с Лениным, уход из Совнаркома, тихую «опалу», работу в кооперации и торговые переговоры в Англии и США – крупнейшего в мире покупателя хлопка с крупнейшими в мире бизнесменами – продавцами хлопка.

Это была судьба, в какой-то мере типичная для своего времени и в то же время очень индивидуальная. Трагичная тем, что жизнь человека оборвалась рано, не дав ему возможности увидеть плоды своего замысла. Особенная тем, что, будучи включен в кровавую драму начала века, он ничем не запятнал себя. Сегодня жизнь этого человека интересна еще и тем, что в нэповские времена он стал предпринимателем в самом широком смысле этого слова – бизнесменом, нэпманом, организатором, зачинателем восстановления русской текстильной промышленности, коммерсантом-профессионалом. Умным коммерсантом, создавшим один из лучших в на-

чале 1920-х годов синдикатов – Всероссийский текстильный синдикат. Он был прирожденный организатор и везде, где бы он ни работал, он тащил на себе громадный воз организации, будь то кооперация или текстильная промышленность. Из ссылки и тюрем он вынес сдержанность долголетнего пленника, молчаливость перед слишком громкими словами. Свойство таких людей – оставаться в тени, неумение и нежелание делать политическую карьеру, добиваться личной популярности и власти, что было так характерно для многих лидеров большевиков, таких как Троцкий или Зиновьев, Луначарский или Каменев.

Вместе с тем всю жизнь В.П. Ногина сопровождали некоторые загадки. Одну из них обозначил в своих неопубликованных воспоминаниях о Ногине «рядовой партии» А.К. Пайкес, который с удивлением и недоумением закончил их словами: «Владимир Ильич почему-то недооценивал его...» (с. 18). А почему недооценивал? Не мог простить ему выход из состава Совнаркома через десять дней после революции? Но ведь другим – Каменеву, Зиновьеву, Рыкову – простил. Или виной тому слишком самостоятельные суждения Ногина по ряду вопросов, его трезво рассудительные возражения Ленину, и задолго до революции – по вопросу о профсоюзах, и на VI съезде партии летом 1917 г. – о курсе на вооруженное восстание, и, конечно, в те несколько первых дней после революции, когда решался вопрос о характере власти – однопартийное или многопартийное правительство из представителей всех социалистических партий? Теперь трудно ответить на этот вопрос.

В.П. Ногин родился в Москве 2 февраля 1878 г. в семье приказчика мануфактурной фирмы и белошвейки. В 1892 г. окончил городское училище в г. Калязине Тверской губернии. 15-летним мальчиком поступил в контору Богородско-Глуховской мануфактуры, затем перешел в красильню, где и проработал три года. С 1896 г., переехав в Петербург, стал работать подмастерьем в красильне на фабрике Паля за Невской заставой. После года работы на фабрике Ногин стал принимать активное участие в организации забастовок.

К моменту своего первого ареста Ногин был уже членом петербургской группы «Рабочее знамя», бывшей в то время наиболее левым крылом социал-демократии, отрицательно относившейся к «экономизму». В июле 1901 г. Ногин приезжает в Москву уже в

качестве агента «Искры». Позже становится агентом Оргкомитета по созыву II съезда РСДРП. В декабре 1903 г. возглавляет Московский комитет партии.

Среди части большевиков было распространено отрицательное отношение к профсоюзам. Считалось, что работать в профсоюзах могут лишь оппортунисты. Однако ситуация быстро менялась. Вопрос об отношении к профсоюзам и другим беспартийным рабочим организациям, ставший особенно актуальным после поражения революции 1905 г., был поставлен в повестку дня V съезда РСДРП (май-июнь 1907 г.). Съезд отверг теорию нейтральности профсоюзов и принял решение усилить работу по созданию профсоюзов и социал-демократической пропаганде в них. Эту точку зрения активно отстаивал Ногин.

А через месяц на Третьей конференции РСДРП в г. Котка (Финляндия) вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов обсуждался уже более детально. Доклады делали Гриневич и Ногин. Первый был за нейтральное отношение к профсоюзам, относясь к ним как к оппортунистам. Его точку зрения разделяли отчасти Ломов, Лядов, Шанцер, Вольский, Станиславский и др. Аргументация Ногина убедила многих большевиков, и эта конференция явилась поворотным пунктом в плане изменения точки зрения большевиков на профсоюзы. Ленин, до этого скептически относившийся к профсоюзам, в чем позднее сам признавался, теперь говорил о необходимости «тесной связи партии с профсоюзами и необходимости участия (и участия наиболее энергичного) в профессиональном и кооперативном рабочем движении» (с. 33). На V съезде партии Ногин был избран членом ЦК, а на январском в 1910 г. Пленуме ЦК в Париже – членом Русского бюро ЦК РСДРП (6).

Его часто арестовывала полиция. Неоднократно провалы Ногина были подготовлены провокаторами Р. Малиновским, Л. Бельским, А. Серебряковой, Ю. Серовой и др. Срок его последней ссылки окончился 8 января 1914 г., и 8 июня с первым пароходом Ногин выехал из Якутска и сразу взялся за партийную работу (с. 46).

В феврале 1917 г. Ногин – один из инициаторов создания Московского совета рабочих депутатов. Он был избран членом Президиума, затем товарищем председателя, а с 17 сентября 1917 г. – Председателем Московского совета рабочих депутатов. Он участвует в Апрельской конференции партии, на которой избирается

членом ЦК партии. Ногин прошел все ступени партийной и революционной работы. Он был и ее организатором, и пропагандистом, и агентом, и литератором, неоднократно избирался членом ЦК партии.

В Москве вечером 27 февраля 1917 г. состоялось заседание работников Московского областного бюро и Московского городского комитетов РСДРП. На нем был оперативно составлен текст прокламации, намечены практические действия в поддержку петроградского пролетариата.

В апреле 1917 г. Ногин был в числе тех, кто считал, что поддержка курса на социалистическую революцию приведет партию к отрыву от масс. Исходным в их рассуждениях было убеждение, что программа-минимум должна быть полностью реализована «до социализма». Кроме того, Ногин не видел тех сил, на которые можно было бы опереться. На VI съезде партии Ногин выступал против временного снятия лозунга «Вся власть Советам».

На II Всероссийском съезде Советов Ногин был избран в состав первого советского правительства – Совета народных комиссаров – наркомом торговли и промышленности республики. Но новые страницы его биографии начались весьма драматически.

В революционные дни в Москве, несмотря на то что перевес сил был явно на стороне Московского военревкома, последний вступил в переговоры с полковником Рябцевым. И одним из инициаторов этих переговоров был Ногин. Он был убежден, что надо сделать все, чтобы свести к минимуму кровопролитие.

На II съезде, как теперь представляется, была допущена ошибка. В эйфории относительно легкой победы, что вполне можно понять, съездом был принят декрет, провозглашавший *социальную революцию*, т.е. объявлен непосредственный социалистический выбор. Не план постепенного завершения задач буржуазно-демократической революции и создания предпосылок цивилизованности для последующего перехода к будущему социализму, о котором неустанно писал и говорил Ленин от февраля до октября, а именно социалистический выбор, опираясь на который начали «вводить» социализм в обстановке совершенно не соответствовавшей этому. Эту ошибку Ленин увидит и сам признает лишь через четыре года (с. 61).

В Петроград Ногин попал в самый разгар «разногласий» по вопросу о взятии власти. Полагая, что только создание коалицион-

ного правительства с участием меньшевиков и эсеров сможет закрепить плоды победы Октября, Ногин вместе с группой видных большевиков вышел из состава Совета народных комиссаров и ЦК РСДРП. Через 10 дней после революции четверо членов правительства сложили с себя звание наркомов и вышли из состава СНК.

Он говорил тогда: «Дело не в соглашении, а в вопросе: как быть, если мы оттолкнем все другие партии? Социалисты-революционеры ушли из Совета после революции, меньшевики – также. Но это значит, что распадутся Советы... Условия голода создадут почву для Каледина... Мы, большевики, признали, что революция наша – не буржуазная. Но мы победили не одни, а вместе с крестьянством. Поэтому, то, что добыть удалось кровью рабочих и солдат – власть – должно быть общим их достоянием...» (с. 66).

Ногин, Рыков и др. выступали за более длительный, более демократический путь углубления буржуазно-демократической революции. Так возникла в большевистском руководстве оппозиция, выступавшая за создание «однородного социалистического правительства». Это было расхождение по вопросу и о содержании, и о способах осуществления власти (с. 68).

Он считал также, что большевикам «чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель», это дало бы, считал он, «и гражданскую, и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены» (с. 70). Ногин и его коллеги не верили в возможность удержать власть без привлечения других партий, отсюда, как писал Бухарин, и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК и СНК, «бегство с поля битвы» (с. 71). В одной из работ это именуется «забастовкой наркомов» (там же).

Ногин одним из первых вернулся к практической работе. В конце ноября 1917 г. он избирается на должность областного комиссара труда, а с апреля 1918 г. становится заместителем наркома труда РСФСР, затем почти год (с конца 1918 г. до конца 1919 г.) посвящает рабочей кооперации.

В марте 1920 г. Ногин в составе одной из первых советских делегаций, командированных на Запад, выехал в Англию. Это была первая правительственная делегация, которой поручалось установить торговые отношения со странами Запада, прерванные войной и экономической блокадой Антанты. Ногин был назначен заместителем главы делегации Л.Б. Красина. В Лондоне делегацией было

учреждено Всероссийское акционерное общество «Аркос», которое, не дожидаясь установления дипломатических отношений между двумя странами, начало торговый обмен.

В 1920–1921 гг. наряду с текстильной промышленностью, остававшейся главным его делом, Ногин занимается самыми разнообразными вопросами, одновременно участвуя во всевозможных комиссиях по разрешению самых разных проблем.

Летом 1921 г. на страну обрушилась невиданная по масштабам засуха в Поволжье. Она захватила территорию восьми губерний, в которых буквально выжгла все живое. По далеко не полным подсчетам, голодало свыше 20 млн человек. Более месяца (с 19 августа по 28 сентября) Ногин находился в поездке по голодающим районам, по реке Каме от Сарапула до Перми. Самое тяжелое впечатление у Ногина оставил советский и партийный аппарат: полная беспомощность и бездеятельность, особенно в низовом звене (волисполкомов) усугубляла и без того трудное положение. А кое-где вскрылись и бюрократизм, и волокита, и хищения, и кумовство, а то и нарушения законности («аресты по запискам без должного осуждения»).

«Народ измучили...» – записывает Ногин в своей тетради (с. 84). 23 сентября в Перми в губкоме партии на совещании хозяйственников Ногин делает доклад. Выступили и другие руководители края. Сложилось впечатление, что местные работники до этого момента не имели даже представления о размерах бедствия.

15 марта 1921 г. X съезд партии принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом». Ногин считал, что в этих условиях за ВСНХ надо сохранить только «контрольно-наблюдательные функции и решительно отмежевать его от всех операционных заданий» (с. 92). В октябре 1922 г. Ногин выступает со статьей «Долой перекупщиков». В ней он обнародовал результаты обследования, которое ВТС провел в сентябре 1922 г.

Если исходить из идеи, что нэп мог стать той экономической реформой, которая с неизбежностью потянула бы за собой и реформу политическую, то «Ногин был прав в оценке роли и места синдикатов. Это была не только полезная, но и объективно необходимая форма организации народного хозяйства» (с. 106).

Но этому не суждено было сбыться. Надвигалось время «социалистической индустриализации» с совершенно иными – адми-

нистративно-командными – методами хозяйствования, с централизацией «капитала» в масштабах страны, с жестким планом и бюджетом и т.п. Исчезли не только синдикаты и акционерные общества, но и товарные биржи и ярмарки, была задущена кооперация.

У Ногина было много планов и замыслов по развитию текстильной промышленности, которая при всех условиях оставалась его главным делом, но ему часто приходилось отвлекаться для решения других важных дел. Так, в 1921 г. он был избран в Центральную ревизионную комиссию партии (ЦРК). X съезд партии (март 1921 г.) избрал ЦРК в составе трех человек: председателем – В.П. Ногина, членами – Д.И. Курского и И.И. Скворцова-Степанова. Это назначение не было случайным.

Ногин принадлежал к той части старой партийной гвардии, для которой вопросы партийной чести всегда стояли очень высоко. На съездах партии он не раз выступал по организационным вопросам, обращая внимание на необходимость борьбы с бюрократизмом в партийном механизме, на необходимость гласного и открытого обсуждения недостатков в партийном строительстве. Именно через Секретариат и Оргбюро проходило самое большое число дел: в день там решалось от 70 до 100 вопросов, внимательно рассмотреть которые просто не было возможности, и на 90% Секретариат «штамповал» решения в том виде, как это предлагали отделы. Все очевиднее становилась угроза бюрократизации аппарата, что было свойственно всему аппарату ЦК партии.

Говоря об Агитационно-пропагандистском отделе ЦК, Ногин отметил, что в нем, равном по объему «среднему наркомату», так много бумаг, что они даже не записываются никак. На что Троцкий с местаотреагировал: «Бюрократизма нет». «Бюрократизма нет, но зато есть хаос», – ответил Ногин (с. 109).

Ногин собирался выступить с докладом о работе ЦРК и на XIII съезде партии, который открылся в пятницу 23 мая 1924 г. в 12 часов дня. Но на рассвете 22 мая в 5 часов 15 минут он скончался в Солдатёнковской (ныне – Боткинской) больнице от перитонита.

В.М. Шевырин

2018.05.013. ЛАНДИС Э. СУДЬБА СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ.

LANDIS E. The fate of the soviet countryside // Was revolution inevitable? Turning points of the russian revolution. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 218–243.

Ключевые слова: сельское хозяйство России; крестьянство и Первая мировая война; русская деревня в первые годы советской власти.

Статья профессора университета Оксфорд Брукс (Великобритания) Эрика Ландиса посвящена положению русской деревни в первые годы советской власти. Как отмечает автор, сельское хозяйство России находилось в глубоком кризисе еще до Февральской революции 1917 г. Постоянные призывы крестьянского населения на фронт во время мировой войны повлекли за собой катастрофическое сокращение рабочих рук в деревне, что, в свою очередь, привело к сильному падению сбора зерновых. Положение усугублялось неблагоприятными природными условиями, а также огромными проблемами с транспортировкой хлеба в города и отдаленные районы империи. Продовольственный вопрос особенно обострился зимой 1916–1917 гг., став «одним из факторов, приведших к падению самодержавия» (с. 218).

Однако смена политических элит в Петрограде не привела (и не могла привести) к быстрым переменам: война продолжалась, дефицит рабочих рук в деревне только усиливался. Революция вызвала волну переделов помещичьих земель, многочисленные конфликты крестьян с землевладельцами и открытые крестьянские бунты. Временное правительство с большим трудом подавляло наиболее крупные крестьянские выступления. Большую роль сыграла позиция самого Временного правительства, которое отложило решение земельного вопроса вплоть до созыва Учредительного собрания. Отсутствие решительных действий со стороны власти приводило к радикализации настроений крестьянства и к росту популярности в деревне крайне левых политических сил. В результате большевики, свергнув Временное правительство, получили в наследство многомиллионное крестьянство, уже отвыкшее к тому времени от постоянной опеки даже губернских центров, не говоря уже о Петрограде.

Постоянное ухудшение продовольственной ситуации в городах требовало решительных мер, и большевики видели выход только в одном: полный контроль над распределением зерна, вплоть до насильственного изъятия «излишков» у крестьян. При этом, отмечает Ландис, большевики поначалу следовали тому же курсу, что и их предшественники: планы по фиксации цен на зерно и проведению продразверсток вынашивало еще царское правительство. Временное правительство только ужесточало эти меры, однако не имело для их последовательного проведения в жизнь достаточно административного и репрессивного аппарата. Не было поначалу таких возможностей и у большевиков, но, в отличие от предшественников, они были готовы к самым решительным действиям.

Начало открытой фазы Гражданской войны стало в этом смысле катализатором и окончательно развязало руки новой власти. Надеясь, что классовый конфликт можно использовать для ускорения закупок зерна, советская власть публично пообещала, что часть скрытых «кулацких» излишков, выявленных в результате работы комитетов, будет перераспределена среди бедных.

Однако тем, кто работал за пределами кабинетов Наркомпрода, было ясно, что продразверстка не гарантировала бесперебойные поставки зерна (с. 227). Виновными изначально признавались сами крестьяне, не желавшие «делиться» урожаем с государством. Хотя чиновники заявляли, что основные потребности домохозяйств в хлебе будут соблюдаться (в соответствии с определенными нормами потребления), достижение целевых показателей разверстки всегда было в безусловном приоритете. В этом смысле наличие «врагов» и «вредителей» было жизненно необходимо: они позволяли объяснять все неудачи и недоразумения (там же).

Потеря работы и быстрый рост цен вынуждали многих рабочих возвращаться в деревни, чтобы вновь работать на земле, обеспечивая этим пропитание своей семьи. Результатом стала натурализация торговли, зерно практически исчезло с открытых рынков, большая часть товарного хлеба продавалась по завышенным, спекулятивным ценам. Однако главной проблемой Троцкий считал массовое нежелание крестьян «обрабатывать землю больше, чем это необходимо для их семей» (с. 229). Уже в годы Гражданской войны Троцкий признавал, что продовольственные запасы страны «практически истощены, и никакое усиление аппарата продразверстки не улучшит положение» (там же).

Однако за следующий год ситуация ощутимо изменилась. Массовые крестьянские выступления, «антоновщина» и восстание в Кронштадте продемонстрировали уязвимость положения большевиков. Ландис отмечает, что Тамбовское восстание было беспрецедентным по масштабам, но отнюдь не единственным (с. 236). Не меньшим было сопротивление в Сибири (Тюмень, Екатеринбург, Челябинск). Создать здесь такую же организацию, как в Тамбове, западносибирские повстанцы не сумели, прежде всего из-за большой территории и удаленности крупных населенных пунктов друг от друга. К повстанцам зачастую присоединялись крестьяне-партизаны, еще недавно помогавшие советской власти в борьбе против Колчака. Основной мишенью повстанцев были продотряды, которые в 1920–1921 гг. несли особенно большие потери.

Ситуация, таким образом, в любой момент могла выйти из-под контроля, и для успокоения страны уже было недостаточно исключительно военных мер. Осознание, что деревня истощена, пришло к большевистским лидерам не сразу, но зато очень вовремя: крупнейшие антибольшевистские выступления 1920–1921 гг. совпали по времени с окончательным разгромом основных противников в Гражданской войне. Таким образом, накануне съезда РКП (б) в марте 1921 г. большевистское руководство столкнулась с серьезными политическими вызовами, в основе которых стояли вызовы экономические, бывшие, по словам Ленина, серьезнее и опаснее, чем «все Деникины, Колчаки и Юденичи» (с. 240).

В заключение статьи Ландис задается вопросом: каким путем пошла бы советская история, если бы не восстания и массовые выступления 1920–1921 гг.? Автор допускает возможность более раннего начала нэпа, но полагает, что это не привело бы к более длительному его существованию. Нэп, с его причудливым смещением рынка и огосударствление «командных высот», с его культурным плюрализмом и «сомнительными нэпманами» плохо вписывался в зарождающуюся бюрократическую систему советского социализма. Главное же, что нэп как экономическая система был малопонятен советским руководителям, «у которых не было ни желания, ни опыта для управления смешанной экономикой» (с. 242).

Сталинский «великий поворот» был во многом отложенной реакцией партийных верхов на нэп, воспринимавшийся как отступление от революционных идеалов. Изначально рассматривая ры-

ночные отношения в деревне как особый вид преступной деятельности, большевистские лидеры приговорили не только нэп, но и в значительной степени советскую деревню к новым тяжелым испытаниям и коренной ломке экономического и социального уклада. Возможно, при более благоприятных условиях этот эксперимент по выстраиванию смешанной экономики был бы более успешным, заключает автор.

И.К. Богомолов

2018.05.014. КОММУНИЗМ И ГОЛОД: ГОЛОД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, НА УКРАИНЕ, В КАЗАХСТАНЕ И В КИТАЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ.

Communism and hunger: The Ukrainian, Chinese, Kazakh, and Soviet famines in comparative perspective / Ed. by Graziosi A., Sysyn F.E. – Edmonton (Toronto): Canadian inst. of ukrainian studies press: Univ. of Alberta: Univ. of Toronto press, 2016. – VIII, 158 p.: ill.

Ключевые слова: массовый голод в СССР, 1930-е годы; массовый голод в Китае, 1950–1960-е годы; сравнительный анализ.

Сборник статей под редакцией Андреа Грациози (Неаполитанский университет имени Фридриха II) и Франка Сисина (Канадский институт украинских исследований Альбертского университета) посвящен сравнительной истории случаев массового голода в сталинском СССР (1931–1933) и в маоистском Китае (1959–1961). Сборник подготовлен по материалам одноименной научной конференции, состоявшейся 26–27 сентября 2014 г. в Университете Торонто. Как отмечается в предисловии, история массового голода в социалистических странах изучена уже довольно подробно, однако ее сравнительный анализ находится пока лишь на начальной стадии. Организаторы конференции рассчитывали, что она поспособствует дальнейшему налаживанию диалога между специалистами в данной области. Сборник состоит из шести статей и сопровождается избранной библиографией по изучаемой проблематике.

Авторы первых трех статей сосредоточились на отдельных странах и регионах. Николя Верт (Институт современной истории при Национальном центре научных исследований, Франция) анализирует социально-экономическую, в том числе продовольственную, политику советского руководства в 1928–1933 гг., следствием

которой и стал массовый голод на Украине, в Казахстане и в нескольких регионах РСФСР (Кубань, Поволжье, Центрально-Черноземный регион). Общий дефицит продовольствия в стране возник еще в 1928 г. на фоне свертывания нэпа, однако главным толчком к массовому голоду стала коллективизация, сопровождавшаяся грабительским по своим масштабам изъятием сельскохозяйственной продукции по колхозам. Автор приходит к выводу о том, что основным мотивом Сталина и его окружения было стремление использовать ресурсы деревни на нужды индустриализации. Дополнительным мотивом являлось использование голода в качестве политического оружия: как на региональном уровне – против мнимой «националистической» угрозы на Украине либо с целью скорейшего насильственного преодоления «отсталости» населения в Казахстане, так и в масштабах всего Союза – против «неблагонадежной» части крестьянства, «саботирующей» социалистические преобразования в деревне. Неизбежная гибель людей при этом цинично рассматривалась как допустимая цена на пути к светлому будущему.

Статья Сары Кэмерон (Мэрилендский университет в Колледж-Парке) посвящена современной историографии голода в Казахстане. Вплоть до недавнего времени эта тема, особенно на Западе, привлекала лишь ограниченное внимание историков, несмотря на то что голод 1930–1933 гг. уничтожил четверть населения недавно образованной Казахской АССР, в том числе треть от общего числа казахов, сделав их меньшинством на собственной земле (общее число жертв оценивается в 1 млн 500 тыс. человек, в том числе 1 млн 300 тыс. казахов). Завершает статью краткий обзор возможных направлений дальнейших исследований в данной области.

В статье Чжоу Сюнь (Университет Эссекса) описывается голод 1958–1962 гг. в Китае. Автор успела в 2006–2011 гг. поработать в китайских партийных архивах, в том числе региональных, до того как они были снова закрыты для исследователей с очередной сменой политического руководства. Опубликованный ею в 2012 г. сборник «Великий голод в Китае, 1958–1962» (около 100 документов в английском переводе) представляет собой, таким образом, поистине уникальный исторический источник, поскольку в самой КНР история голода до сих пор замалчивается. В эти же годы Чжоу удалось собрать значительное количество интервью жителей различных провинций Китая, переживших голод (опубликованы в

2014 г.). В своей статье она дает краткий обзор тех дополнительных подробностей, которые можно узнать из этих материалов.

В следующих трех статьях проводится сравнительный анализ голода в СССР и в Китае. Французский Китаист Люсьен Бианко (Высшая школа социальных наук) и А. Грациози, как специалист по Советскому Союзу, в своих статьях прослеживают черты сходства и различия между двумя катастрофами. Они рассматривают такие факторы, как роль политических лидеров, отношения между центром и провинциями, позиция большевиков и маоистов по отношению к крестьянству, национальная принадлежность жертв и т.д.

Наконец, Никколо Пьянчола (Университет Линнань, Гонконг) проводит сравнительный анализ голода начала 1930-х годов в Казахстане и ситуации, сложившейся в 1958–1962 гг. в окраинных провинциях Китая, где также преобладало скотоводство. Автор рассматривает скотоводческие регионы Средней и Центральной Азии как единое пространство, транснациональная история которого еще ждет своего исследователя. Применительно к проблематике искусственного голода в XX столетии такие исследования, по мнению Н. Пьянчола, могут развиваться по двум направлениям: изучение экономических и социальных процессов в Центральной Евразии в общем контексте социально-политической истории СССР и Китая и исследование взаимосвязей и взаимного влияния между скотоводческими регионами этих государств (а также Монголией, которая также являлась скотоводческой страной и входила в сферу влияния Советского Союза).

М.М. Мини

2018.05.015. БЕРДИНСКИХ В.А., МЕНЬКОВСКИЙ В.И. ГУЛАГ: ИДЕОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА В XX в. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. – 132 с. – Библиогр.: с. 94–100.

Ключевые слова: СССР; ГУЛАГ; идеология и экономика лагерного труда; военно-промышленный характер лагерно-хозяйственной деятельности НКВД; количество жертв лагерного труда.

Мини-монография (термин, предложенный В.А. Бердинских) состоит из предисловия, введения, историографического очерка «ГУЛАГ как объект исследования классической англоязычной ис-

ториографии», очерка «Лагеря и советская экономика 1930-х годов», заключения «...плюс гулагизация всей страны», приложения. Все материалы переведены на английский язык.

В первом очерке В.А. Бердинских и В.И. Меньковский анализируют активно обсуждаемую ранее в американской историографии проблему: как и при помощи каких методов и источников подсчитать количество жертв сталинских репрессий.

Работа Д. Даллина и Б. Николаевского «Лагеря принудительного труда в Советском Союзе» (1947) стала первым серьезным исследованием на эту тему, считают авторы мини-монографии. Д. Даллин и Б. Николаевский использовали разные источники: первые опубликованные материалы, в которых приводились цифры о лагерях; сведения о подписках на газеты в места заключения; свидетельства иностранцев, посещавших СССР, польских заключенных из советских лагерей и т.п. На основе этих данных Д. Даллин и Б. Николаевский пришли к выводу о том, что количество заключенных насчитывало 5–6 млн.

В 1948 г. вышла работа Н. Тимашеффа, использовавшего другой метод подсчета: автор проанализировал количество людей, не принимавших участия в выборах в Советы. И получил, что в 1937 г. количество заключенных насчитывало порядка 2 млн.

В 1980-е годы дискуссия о размерах репрессий снова возникла на страницах американских исторических изданий. Новые методики оценок потерь, демографические публикации в советской прессе, обновление исторических исследовательских методик – все это подтолкнуло интерес историков. С. Росефелде, С. Уиткрофт, Р. Конквест – между этими авторами разразилась настоящая полемика на страницах журналов.

Р. Конквест критиковал некоторых ревизионистов, называя их «сектой» и «кликой», пишут авторы мини-монографии. Американский историк упрекал коллег в безоговорочном доверии советским официальным документам, а ведь данные в них могли быть фальсифицированы. Вместе с тем они не доверяют эмигрантам и перебежчикам, называя их свидетельства «анекдотическими» (с. 15). «В обновленном издании своей знаменитой работы “Большой террор” Р. Конквест назвал следующие цифры: к концу 1938 г. в лагерях находилось 7 млн человек, 1 млн человек были расстреляны и 2 млн умерли в лагерях» (там же).

Так называемая «архивная революция» 1980–1990-х годов позволила американским ученым расширить круг источников и уточнить данные. Однако и это не помогло сформулировать приблизительное количество жертв, с которым согласились бы большинство историков. В сборнике 1993 г. «Сталинский террор: Новые перспективы» А. Ноув писал об 11 млн, а С. Уиткрофт – о 4–5 млн смертей.

Следует признать, пишут В. Бердинских и В. Меньковский, что, несмотря на наличие архивных документальных свидетельств, точные цифры жертв сталинских репрессий до настоящего дня не названы. А оценки исследований простираются от «нескольких сотен тысяч» (Дж. Хаф) до более 60 млн жертв за годы Советской власти (Р. Руммель).

Авторы исследования отмечают, что выходили книги, в которых американские историки ставили под сомнение влияние террора на повседневную жизнь советского общества (с. 19). Например, книга Р. Терстона «Жизнь и террор в сталинской России, 1934–1941»¹ вызывала бурную реакцию среди американских историков. Одни называли ее «выдающимся образцом ревизионистского исследования» (там же). Другие историки критиковали автора за то, что «в его интерпретации советские люди предстали опасным большинством, которое само создало для себя катастрофу, а Сталин лишь со стороны наблюдал за этим процессом». Американский историк утверждал, что «массового страха перед репрессиями в 1930-е годы в Советском Союзе не было. Террор касался только отдельных представителей элиты и не представлял собой системы, направленной на все общество» (там же).

Подводя итоги историографического обзора, В. Бердинских и В. Меньковский отмечают, что вплоть до сегодняшнего дня многие вопросы в изучении истории репрессий и сталинского ГУЛАГа остаются остро дискуссионными, как для профессиональных отечественных и зарубежных историков, так и для российского общества.

Во втором очерке авторы кратко прослеживают взаимовлияние экономической системы, сложившейся в ГУЛАГе, и остальной

¹ Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia. 1934–1941. – New Haven: Yale University Press, 1996. – 325 p.

советской экономики. Историки сразу отмечают, что с начала 1930-х годов «рабочий фонд ГУЛАГа» (лагерники, ссыльные различных категорий, спецпереселенцы и т.п.) становится важнейшим фактором развития всей советской экономики. «За годы первых “сталинских” пятилеток в СССР были построены не только тысячи промышленных предприятий, но и сотни лагерей и колоний, которые органически вписывались в систему экстенсивного советского “народного хозяйства”, основанного на тотально-директивном планировании, внеэкономических методах принуждения к труду и уравнительном распределении общественного продукта: нищенском – для трудящихся “низов”, льготно-барском – для административно-номенклатурных “верхов”» (с. 32).

Пример строительства Беломорско-Балтийского канала в рекордные сроки – 2 года – показывает преимущества лагерной экономики и организации труда: «Быстрое сосредоточение в нужном месте значительных контингентов рабочей силы, возможность эксплуатации заключенных в любых условиях, не считаясь с потерями» (там же). Этот принцип был положен в основу «ГУЛАГовской экономики». Историки приводят слова генерала «инженерно-технической службы, начальника ГУЛЖДС НКВД-МВД СССР в 1940–1947 гг. Н. Френкеля: “Нам нужно забрать от узников все в первые три месяца, а потом они уже не нужны”» (цит. по: с. 33).

Далее авторы детально, с конкретными данными и цифрами, показывают, как расширялась лагерно-хозяйственная деятельность НКВД, приобретая планомерный, масштабный и четко выраженный военно-промышленный характер. Вплоть до того, что в предвоенные годы в стране был сформирован ряд лагерно-производственных комплексов, которые полноправно хозяйничали на территориях малоосвоенных регионов: Колыма, Чукотка, Печора, Ухта, Карелия (с. 37).

В. Бердинских и В. Меньковский пишут, что проблемы «целесообразности» и «эффективности» советской системы подневольного труда, ее роли в осуществлении социалистической индустриализации являются сегодня предметом острых и ожесточенных дискуссий в исторической науке. Несомненно, что с точки зрения морально-правовых критериев, принятых в цивилизованных обществах, сталинский террор и его производное – система подневольного труда – не могут быть оценены иначе как преступные.

Далее историки приводят данные о фальсификациях в экономических достижениях «экономики ГУЛАГа». Речь идет о многочисленных и повсеместных приписках, искажениях показателей и т.п. Если арестанты приписывали себе выполнение непосильных трудовых заданий, чтобы сохранить жизнь, то лагерная администрация скрывала хищения, невыполнение планов, незаконные выплаты и проч. Причем, как показывают авторы, в масштабах страны речь шла о многих миллионах рублей (с. 50–52).

Аморальный по сути и неэффективный по производительности лагерный труд негативно влиял на всю промышленность страны: «ГУЛАГ с его “дешевой рабочей силой” оказывал разлагающее воздействие и на те секторы советской хозяйственной системы, которые основывались на вольнонаемном труде. Эти министерства и ведомства, которые также, в силу объективных причин, были не слишком заинтересованы в организационном и техническом прогрессе, предпочитали решать многие свои проблемы за счет “нарядов” на подневольную “рабсилу”, а это, в свою очередь, еще больше тормозило развитие рынка труда и социальной инфраструктуры» (с. 55–56).

Процесс избавления от лагерной экономики и принудительного труда начался после смерти И.В. Сталина. Были заморожены стройки промышленных предприятий и гидротехнических сооружений, на которых уже было выполнено работ на сумму 6,3 млрд руб. (с. 58). В марте 1955 г. МВД утратило контроль над Главпромстроем (ракетно-ядерный проект), другие строительные организации также были переданы в профильные министерства. 7 сентября 1956 г. СССР подписал Конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. «Всё это вселяло определенные надежды, что с системой лагерно-подневольного труда покончено» (с. 60).

В заключение историки, возвращаясь к теме первого очерка, о подсчете количества жертв репрессий, приводят следующие данные: «40 миллионов подвергшихся уголовным репрессиям за политические убеждения, из которых около 10 миллионов лишены жизни. Свыше 320 тыс. семей по самым скромным подсчетам (около двух миллионов человек) подверглись массовому и трагическому по своим последствиям “раскулачиванию”. Ещё четыре миллиона – это представители репрессированных народов. Сюда же следует

отнести большое, пока точно не установленное, но измеряемое не одной сотней тысяч число иностранных граждан, репатриированных, интернированных и т.д.» (с. 88).

В приложении дается краткий очерк изучения истории сталинских репрессий в Республике Коми.

Ю.В. Дунаева

2018.05.016. В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ / Отв. ред. Малинов А.В. – СПб.: Изд-во Политехн. Ун-та, 2017. – 265 с.

Ключевые слова: 175-летие В.О. Ключевского; научное наследие В.О. Ключевского; воспоминания о В.О. Ключевском.

Юбилейный сборник к 175-летию со дня рождения выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911) состоит из двух частей. В первой части публикуются воспоминания о В.О. Ключевском некоторых его коллег и учеников: М.Н. Покровского, С.А. Котляревского, А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.И. Яковлева. Во второй части – статьи современных историков, посвященные разным аспектам научного наследия ученого.

О.В. Богомазова (Челябинский государственный университет) рассматривает практики увековечивания В.О. Ключевского. Комплекс мемориальных источников начал формироваться сразу после смерти ученого в 1911 г. Первыми изданиями были некрологи, доклады, сборники статей и т.п. В мемориальных публикациях «были обозначены его общественно-научная значимость и его роль как ученого-историка, ученого-просветителя, гениального “художника слова” и духовного лидера своей эпохи, обогатившего русскую культуру» (с. 134).

В советской историографии интерес к творчеству и личности ученого возникает примерно с 1960-х годов. К юбилейным датам начинают выходить мемориальные сборники. Советские историки обращаются к изучению творческого наследия Ключевского, особенно к его магистерской диссертации. Историка причисляют к «университетским корпоративным героям», чьи имена повторяются вновь и вновь, научные идеи передаются новым поколениям историков, их памяти посвящаются конференции, сборники и т.п. (с. 140).

Автор статьи отмечает разные способы меморизации. На родине историка в Пензе проводятся Всесоюзные чтения «В.О. Ключевский и современность»; в Московском педагогическом институте проходят «Ключевские чтения». Имя историка присвоено школе в Пензенской области. К 170-летию со дня рождения В.О. Ключевского был создан документальный фильм.

Д.А. Сосницкий (РНБ) на основе рукописных материалов РНБ рассматривает научные связи историка. В Отделе рукописей хранится переписка и несколько документов, связанных с его общественной и научной деятельностью. Из переписки Д.А. Сосницкий выделил письмо историка А.Ф. Бычкову (директор Императорской Публичной библиотеки) об одном студенческом деле; переписку с И.В. Помяловским (член-корреспондент Императорской академии наук, член комиссии по пересмотру учебных планов в мужских гимназиях) по поводу публикации учебника истории С. Бородина.

Статья Е.А. Ростовцева (СПбГУ) посвящена отношениям В.О. Ключевского как лидера московской школы историков с представителями разных направлений Санкт-Петербургской исторической школы.

Наиболее близкие как в научном, так и в личном плане отношения были у В.О. Ключевского с С.Ф. Платоновым. Е.А. Ростовцев объясняет это тем, что по ряду ключевых положений методика исторических исследований С.Ф. Платонова была близка методике В.О. Ключевского.

Далее автор сравнивает методологические воззрения лидера теоретического направления Петербургской школы А.С. Лаппо-Данилевского и В.О. Ключевского. Источником анализа стали курсы лекций: «Методология русской истории» Ключевского и «Методология истории» Лаппо-Данилевского. По мнению Е.А. Ростовцева, у историков были прямо противоположные подходы: «генерализирующий» у Ключевского и «индивидуализирующий» у Лаппо-Данилевского. Что, впрочем, вполне согласуется с основными теоретическими установками научных школ (с. 186).

А.Е. Пресняков не оставил работ по теории или методологии истории. По его историческим работам и переписке видно, что в начале научной карьеры историк колебался между подходами С.Ф. Платонова и А.С. Лаппо-Данилевского. Но первый казался

ему «ограниченным», а второй – «догматичным» (с. 196). В 1910–1920-е годы историк «эволюционирует» к историческому материализму, пишет автор.

А.Е. Пресняков неоднократно обращался к работам московского коллеги как при его жизни, так и после его смерти. В первой рецензии в 1908 г. на очередное издание «Курса русской истории» А. Пресняков отмечает значение работы не только для познания исторического прошлого, но и для понимания настоящего России. Освещение истории России с либеральных позиций было особенно одобрено рецензентом.

К десятилетию смерти историка в 1922 г. А.Е. Пресняков издал обширный очерк «В.О. Ключевский (1911–1921)», в котором не только оценил научное наследие, но и проанализировал имеющуюся литературу о нем. А.Е. Пресняков подчеркнул значимость работ историка для науки. «Коренной нерв» научной работы В.О. Ключевского заключается в гениальной интуиции, а не в теоретических рассуждениях и схемах – к такому выводу пришел петербургский историк (с. 204–205).

Завершается сборник статьями, в которых рассматривается историческая социология В.О. Ключевского. В.В. Козловский и Р.Г. Браславский (Институт социологии РАН) анализируют историко-социологические подходы ученого. Историк разрабатывал историческую социологию как часть целостного понимания исторического процесса, пишут авторы. Поэтому особое внимание он уделил основополагающим понятиям – «предмет исторической науки», «история цивилизации», «исторический процесс», «общая» и «местная история» и т.п. «Основным предметом исторической социологии, по Ключевскому, являются “различные местные сочетания разных условий развития исторически слагавшихся обществ” или “сложных исторических типов”» (с. 249). Исследовательская установка на обнаружение своеобразного, а не универсального, сближает историческую социологию Ключевского со сравнительной социологией М. Вебера и Э. Дюркгейма, отмечают авторы статьи.

В небольшой заключительной статье С.Н. Погодина (Санкт-Петербургский политехнический университет) уделено внимание теории факторов. Уже в первых работах В.О. Ключевский рассматривал историческое развитие общества в зависимости от многих

факторов: географических, экономических, этнографических, политических и т.п. В этом заметно, конечно, влияние позитивизма. В «Курсе русской истории» историк затронул другие историко-социологические проблемы. «Главной социологической задачей он считал выяснение исторических сил, с помощью которых “случайные и разнохарактерные людские единицы складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века”» (с. 261). В русской истории ученый на первое место выдвигал анализ социально-экономических отношений и материальной культуры.

Ю.В. Дунаева

2018.05.017. ДУБРОВСКИЙ А.М. ВЛАСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СССР (1930–1950-е годы). – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 622 с. – (История сталинизма).

Ключевые слова: СССР, 1930–1950-е годы; институционализация исторической науки; власть и историческая мысль.

В книге д-ра ист. наук, профессора А.М. Дубровского (Брянский государственный университет) анализируется институционализация исторической науки, а также создание и формирование концепции отечественной истории в 1930–1950-е годы. Особое внимание историк уделяет роли власти в этих процессах.

В первой главе «Идеология большевиков после 1917 г.: Испытание властью» А.М. Дубровский описывает изменения в идейном наследии большевиков. Идея «мировой пролетарской революции», популярная в первые послереволюционные годы, постепенно отошла в тень. Ей на смену пришло утверждение о постоянной военной угрозе со стороны капиталистического окружения. Революционная идея «пролетарского интернационализма» была преобразована в идею «советского патриотизма», которая подразумевала «чувство гордости за великие достижения своей страны в прошлом и настоящем. Такой патриотизм предполагал новое отношение к истории, возрождение национальных и исторических ценностей» (с. 48). В 1930-е годы историческая наука была призвана внести вклад в формирование нового общественного сознания. Исторический путь русского народа следовало украсить выдающимися достижениями и именами великих деятелей культуры, пишет А.М. Дубровский. Необходимо было сформулировать общие положения

отечественной истории и создать пантеон национальных героев, исторических личностей, представителей культуры, военных деятелей.

Во второй главе «Создатели новой исторической науки: “Люди власти” и “люди знания”» А.М. Дубровский обрисовывает основные черты представителей власти, руководивших наукой и сообществом историков.

Общее направление развития исторической науки задавал лидер государства и партии И.В. Сталин. Он обращался с наукой прагматично и потребительски: история необходима для «подтверждения тех идей, которые были ему политически необходимы в той или иной ситуации» (с. 77). Политические деятели разных уровней (В.М. Молотов, А.А. Жданов, Н.С. Хрущёв, нарком просвещения А.С. Бубнов и др.) «давали директивы исторической науке, в образовательном, мировоззренческом и психологическом отношении были готовы лишь к полному подчинению этой науки политико-идеологическим требованиям, вытекающим из сложившейся политической ситуации» (с. 87).

В 1930-е годы под контролем ЦК партии начинается формирование строго централизованной системы исторической науки. Ведущей организацией стал Институт истории АН СССР, куда были приглашены лучшие исторические силы. Остальные историки были распределены среди вновь организованных университетских факультетов и кафедр. Таким образом разные поколения историков – «красные профессора» и «старые специалисты» – оказались вместе, невольно между ними происходило идейное и профессиональное сближение. Вместе с тем нельзя сказать, что историческое сообщество было абсолютно однородно; естественно, что внутри организовывались и распадались кланы, течения, содружества и т.п.

Историки разных поколений были поставлены перед необходимостью овладеть марксистским методом исторического исследования, усвоить новые понятия и стиль мышления, пишет автор. «Принимая правила игры с большей или меньшей долей цинизма, и “красные профессора” и “старые специалисты” делали новые политико-идеологические ценности партии собственными средствами для защиты и выживания, приближаясь по типу личности и формам поведения к партийно-государственному чиновнику. Мощным ка-

тализатором в этом процессе был страх перед новыми репрессиями со стороны власти» (с. 111).

В небольшой третьей главе «Историческая тема в художественной литературе: К новому пониманию отечественной истории» А.М. Дубровский показывает важность идейной составляющей в художественном освещении исторического прошлого страны. Историк, рассматривая эволюцию образа Петра I в творчестве А.Н. Толстого, показывает, как важно было оценки и трактовки приводить в соответствие с изменениями идеологических установок. В рассказе «День Петра», написанном в 1917 г., показаны земные и даже непривлекательные черты царя, а в последующих произведениях (романе «Пётр I», пьесе «На дыбе», сценарии к кинофильму) А.Н. Толстой все больше мифологизирует свой персонаж, изображая его вождем, создателем государства, что вполне отвечало тенденциям времени. «Податливость на заказ “сверху” в сочетании с огромным писательским талантом сделали Толстого центральной фигурой в исторической романистике 1930–1940-х годов, классиком советской литературы, в творчестве которого с особой отчетливостью были выражены важнейшие тенденции, действовавшие в области советской культуры в 1930–1950-е годы» (с. 126).

Прямо противоположная ситуация сложилась со знаменитым в те годы пролетарским поэтом Демьяном Бедным, который не уловил изменений в отношении к историческому прошлому. В 1936 г. он переписал либретто к забытой опере-фарс А.П. Бородина «Богатыри», в которой высмеивается крещение Руси, а князь Владимир и легендарные русские богатыри выведены в комическом, пародийном виде. Но в это время традиционные исторические ценности были частично реабилитированы. Пьеса, не соответствовавшая идеологическим установкам, была снята с репертуара. Демьян Бедный был обвинен, в частности, в том, что «огульно очернил богатырей русского былинного эпоса, дал “антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа”» (цит. по: с. 132). Д. Бедного исключили из партии, и фактически его карьера пролетарского поэта завершилась.

«Новый облик отечественной истории в школьном образовании» – в этой главе А.М. Дубровский детально прослеживает, как

на протяжении ряда лет велась работа над школьным учебником. Историк подчеркивает, что И.В. Сталин, А.А. Жданов, А.С. Бубнов принимали в этом непосредственное участие, указывая, как должно быть освещено то или иное событие в истории страны. Естественно, что основные указания исходили от Сталина: «Он вписал в него [в учебник] фрагменты, содержавшие принципиально значимые оценки, политически актуальные выводы и объяснения, которые должны были оказывать важное образовательно-воспитательное воздействие на читателя. ... “Установки” и “приказанные аргументы” Сталина надолго определили идейное содержание исторической науки» (с. 240).

В пятой главе «Концепция истории СССР: Противостояние историка и власти» автор показывает, как начиналось формирование концепции отечественной истории на примере двух изданий: сборника статей «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (1939–1940) и доклада М.В. Нечкиной «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» (1941).

В работе над сборником, направленным на развенчание концепции М.Н. Покровского, доминирующей в науке с 1920-х годов, приняли участие ведущие историки страны, в том числе и его бывшие ученики: М.В. Нечкина, А.М. Панкратова и др. Они должны были показать, что преодолели влияние своего учителя, порвали с ним идейно и максимально жестко осуждают его заблуждения. Для них это был своеобразный экзамен на верность власти. Для «старых специалистов» это был шанс отомстить и свести счеты с историком, чью концепцию они не разделяли. Хотя и с опозданием, заочно ответить на критику уже покойного М.Н. Покровского, бывшего когда-то лидером исторической науки и создателем исторической концепции отечественной истории.

Сборник сыграл важную роль в формировании новой исторической концепции. В нем была сформулирована «единая в принципиальных чертах модель русского и западноевропейского исторических процессов (Россия развивается по тем же законам, проходит те же исторические этапы, что и страны Запада, но с запозданием)» (с. 271). В статьях сборника были оформлены историографические штампы, надолго определившие развитие советской исторической науки, подчеркивает А. Дубровский.

В докладе М.В. Нечкиной на основе сравнения истории России и стран Западной Европы с древних времен было сделано 11 выводов об исторической отсталости царской России от европейских стран. В заключение историк наметила силы, которые помогали преодолеть эту отсталость. На первичном обсуждении в Институте истории, не выходя за рамки академической дискуссии, коллеги раскритиковали положения доклада. Как показывают дальнейшие события, М. Нечкина совершила политический просчет. На фоне мобилизационного подъема пятилеток, в предвоенной обстановке мысль об исторически обусловленном отставании, даже в обрамлении соответствующих цитат из Сталина, была идеологически неверной. Поэтому в вышестоящих организациях, как академических, так и партийных, работа историка, а вслед и Института была резко раскритикована. «Шла политическая игра по поводу того, что в науке высказаны ненужные в настоящий политический момент идеи. Разыгрывался соответствующий сценарий осуждения заблудшего историка» (с. 325).

По мнению А.М. Дубровского, в докладе М.В. Нечкиной, в форме размышления над причинами исторического отставания, ставился вопрос об особенностях исторического пути страны. Таким образом мог быть внесен несомненный вклад в развитие общей исторической концепции, расширены ее познавательные возможности. Но в то время подобное исследование было не нужно власти. Интересы науки и интересы власти разошлись и, как всегда в таких случаях, пострадала наука, подытоживает автор.

В следующих двух главах рассматривается состояние исторической науки во время войны и в 1950-е годы (до смерти И.В. Сталина). Дубровский считает, что к знаковым событиям относится издание вузовских учебников по истории; дискуссия 1949–1951 гг. о периодизации отечественной истории; выход в свет академических «Очерков по истории СССР. Период феодализма». Преувеличенное внимание авторов «Очерков» к социально-экономической истории стимулировало поиск материалов по истории хозяйства и социальных конфликтов, развитию экономических процессов, что двигало вперед историческое знание, пишет историк.

В завершающей главе «Личность историка под контролем власти и вне его» представлены краткие очерки, показывающие разнообразные взаимоотношения историков и власти. Среди тех,

кто пошел на компромисс и конъюнктурные уступки, автор выбрал Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, Л.В. Черепнина. Но были и те, кто в той или иной мере пытался отстоять собственные взгляды, не всегда совпадающие с официальной наукой. Среди них В.И. Смирнов, А.П. Спундз, С.Я. Лурье. Судьбы этих людей и их произведений сложились по-разному. Лурье и Спундз приняли марксистскую идеологию, но пришли к иным заключениям, нежели официальная наука. Например, А.П. Спундз отрицательно оценивал реформы Петра I, считая, что царь-реформатор задержал страну на консервативном пути ее развития (с. 573).

А.М. Дубровский подчеркивает, что работы историков, не востребованных официальной исторической наукой, до сих пор по-настоящему не исследованы.

Подводя общие итоги, автор пишет, что в 1930-е годы была создана новая концепция исторической науки. Основной акцент был сделан на социально-экономической сфере, а природно-географический, демографический, духовно-религиозный, культурный аспекты оставались либо недооцененными, либо малоизученными. Концепция отечественной истории, созданная по образцу истории европейских стран, представленной в трудах Маркса и Энгельса, была ограничена в познавательных возможностях, но позволяла решить ряд частных вопросов и тем, пишет А.М. Дубровский. «Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и “правила поведения”, историческое познание тем не менее двигалось вперед. Марксистский метод... раскрыл “свои стороны” истории, расставил новые акценты, заложил “свои” традиции изучения отечественного прошлого» (с. 617–618).

Ю.В. Дунаева

2018.05.018. ЗАЙДА Дж. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ: РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.

ZAJDA J. Globalisation and national identity in history textbooks: The Russian Federation. – Dordrecht: Springer, [2017]. – XVIII, 139 p. – (Globalisation, comparative education and policy research; Book 16).

Ключевые слова: Российская Федерация в 1990–2010-х годах; геополитические и культурные изменения; формирование нацио-

нальной идентичности; переписывание истории; школьные учебники истории.

В книге Джозефа Зайды, специалиста по политике в области образования (Австралийский католический университет, Мельбурн) рассматривается роль школьных учебников истории в формировании национальной идентичности в Российской Федерации в 1990–2010-е годы. По словам автора, этот период предоставляет нам примеры полного переписывания истории, которое происходило вслед за геополитическими и культурными изменениями в России (с. IX).

Характеризуя реформы образования в постсоветской России, автор отмечает их рыночную ориентированность и «вписанность» в глобальный контекст в том, что касается акцента на создании механизмов отчетности и оценки эффективности. В то же время он указывает на то обстоятельство, что РФ, приняв западные формы организации образования, не приняла западной ревизионистской истории (с. 8).

Он пишет, что после распада СССР России пришлось пройти через травматический опыт потери 14 советских республик, и по сей день страна стоит перед лицом трудных проблем нациестроительства, включая сложности взаимоотношений с сотней этнических меньшинств в регионах. Одновременно Россия утверждает свой статус мировой державы, возвращаясь к «великим моментам» прошлого – имперской истории (с. 9). Распад Советского Союза создал политический, культурный и моральный вакуум, в котором растворилась советская идентичность, и граждане были вынуждены вернуться к этнополитическим идентичностям, пишет автор. Начинает возникать новая, русская национальная идеология, со своими историческими символами и ритуалами. Последовали крупные реформы образования. Учебники истории следовало переписать, чтобы отразить эту уникальную политическую, экономическую и культурную трансформацию (с. 22).

Автор указывает, что за период 1992–2014 гг. вышло по крайней мере три поколения учебников истории для средней школы. Первые постсоветские учебники были изданы в 1992 г., затем последовало второе поколение учебников, содержавших серьезные изменения в интерпретациях истории России. Третье поколение – это учебники, публиковавшиеся с 2007 г., включая два пособия для

учителей, написанных Филипповым. На их содержание огромное влияние оказало изменение геополитического климата, прежде всего начавшееся противостояние с США и с «Западом». Они писались под воздействием доминирующей с тех пор идеологии неоконсерватизма и задач нациестроительства, ставшего на повестку дня, что включало в себя продвижение национализма и патриотизма, отказ от западных моделей преподавания истории, а также усиление контроля над содержанием учебников по истории России.

Содержание учебников при этом являлось в высшей степени дискуссионной темой. В книге рассматриваются дебаты по этой проблеме, разворачивавшиеся вокруг «учебника Филиппова», создания единого учебника истории, а также единого национального стандарта. Уделяется внимание и работе комиссии по борьбе с фальсификацией истории, созданной в 2009 г.

Политизация этой темы в СМИ, пишет автор, сигнализировала об идеологической трансформации исторического образования в России. Суть ее составляют историография нациестроительства, патриотическая направленность и акцент на наиболее значимых событиях в эволюции России как могущественной державы (с. 57). Национальная учебная программа по истории и учебники конструируют политически приемлемые и желательные исторические нарративы о ключевых событиях, призванные подчеркнуть преемственность в истории Российского государства / империи как источника национальной идентичности. Одним из источников новой российской идентичности была признана религия, о чем свидетельствуют возвращение в публичный дискурс термина «Святая Русь» и актуализация сюжета о крещении Руси князем Владимиром. Большую роль в формировании нового исторического нарратива играют юбилейные празднования, которые, в частности, подчеркнули значение двух важнейших событий в истории России: Бородинской битвы и Великой Отечественной войны. Нарративы о ключевых событиях, сфокусированные на «светлых пятнах» российской истории, призваны подчеркнуть величие и значение России, в том числе и в глобальном масштабе (с. 83).

Тем не менее наличие в историографии спорных и конкурирующих дискурсов в совокупности с разнообразием интерпретаций событий делают довольно проблематичным достижение консенсуса по вопросу о содержании учебников по истории. Существующий

тренд, который характеризуется аналитическим, плюралистическим и критическим подходом и к самому историческому процессу, и к содержанию школьных учебников, является вызовом тем, кто склонен к традиционному, линейному, описательному и авторитарному взгляду, определяющему политически корректный исторический нарратив. И эти конкурирующие между собой дискурсы будут по-прежнему определять сущность исторического знания, заключает автор (с. 123).

О.В. Большакова

2018.05.019. ОЧЕРКИ ИСТОРИОГРАФИИ СИБИРИ ЭПОХИ ИМПЕРИИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.): учебное пособие / Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Шахеров В.П., Маджаров А.С., Перцева Т.А. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 261 с.

Ключевые слова: Российская империя, XVIII – начало XX в.; «образы окраин» Российской империи; городская среда Сибири; иркутское декабристоведение; отечественная и зарубежная историография.

Учебное пособие состоит из введения, очерков: 1) «Азиатская Россия в ментальных и географических рамках современников и потомков», 2) «“Образы окраин” империи как предмет отечественной и зарубежной историографии», 3) «Формирование городской среды Сибири дореволюционного периода в отечественной и зарубежной историографии», 4) «Сибиряк А.П. Шапов: Демократическая концепция истории России в историографии XIX – начала XXI в.», 5) «Сибирские реформы 1822 г. в отечественной и зарубежной историографии», 6) «Иркутское декабристоведение: История, итоги и задачи изучения», 7) «Историография ясачного режима в Сибири»; заключения.

Хронологические рамки работы – от начала становления империи при Петре I до февраля 1917 г., крушения империи и ее политических институтов, объясняют во введении авторы очерков. Территориальные рамки охватывают всю Сибирь, т.е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей.

Предметом исследования являются историографические концепции оценки правительственной политики по отношению к

окраинам государства, но главное внимание сконцентрировано на Сибири. Приоритетное значение уделяется анализу правительственных поисков путей инкорпорации зауральских территорий в экономическое, административно-политическое и социокультурное пространство империи – с одной стороны и отражению в этой политике общих для империи региональных особенностей управления окраинами – с другой» (с. 5).

Во введении даны определения основных используемых терминов: окраина, регион, империя. В советской историографии использовалось ленинское определение «окраины», так называли «незаселенные или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли» (цит. по: с. 7–8). Авторы книги считают это определение недостаточным, оно не учитывает административные, правовые, социокультурные аспекты управления территориями в составе империи.

Отношения центра с другими землями, входящими в состав империи, не ограничивались только земледельческим освоением, заселением и эксплуатацией. В рамках регионального подхода отношения центра и различных земель, входящих в состав империи, представляли собой «длительный и сложный процесс инкорпорации этих территорий в единую административно-политическую, правовую системы и социокультурную жизнь государства. Присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит» (с. 8). Как показывает конкретный исторический материал, на вновь присоединенных землях вначале вставала задача установления власти, а уж вслед за ней – хозяйственного использования, подчеркивают авторы. Взаимоотношения центральной власти с новыми окраинными землями в каждом случае имели общие и особенные «правила». По мере развития самодержавия прослеживается тенденция ликвидации остатков самостоятельности окраинных и пограничных земель. На примере Сибири видно, как этот процесс превратил окраину в периферийную часть государства (там же).

Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти, распространение ее на обширную территорию, разнородный этнический и культурный состав населения, мощный

бюрократический аппарат. Отмеченные характеристики базируются на данном Ф. Бродезем определении империи как большой геополитической общности. Россия представляла собой классическую империю с основным территориальным делением «центр – периферия». Взаимоотношения между центром и периферией были регламентированы, основывались на постулате политического превосходства центра и подчинялись задаче сохранения не только целостности империи, но и системы российской державности, подчеркивают авторы.

В текстах очерков анализируются научные работы российских и зарубежных историков с начала XIX в. до современности. Основное внимание уделено освещению в них характерных именно для Сибири вопросов ясачной политики, ссылки, а также ряду проблем организации административного управления, градостроительной политике государства, истории городов.

Ю.В. Дунаева

2018.05.020. В РИТМЕ ВРЕМЕНИ: ФРОНТОВИК. УЧИТЕЛЬ. ИСТОРИК. ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Б.С. ИТЕНБЕРГА: Сб. статей и материалов / Отв. ред. Будницкий О.В., Шелохаев В.В. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 366 с.

Ключевые слова: история исторической науки; Б.С. Итенберг.

Сборник, посвященный памяти Бориса Самуиловича Итенберга (1921–2016), крупнейшего специалиста по истории общественной мысли и освободительного движения в России второй половины XIX в., состоит из трех разделов: воспоминания, статьи, публикации документов из личного архива.

Как пишет во введении О.В. Будницкий, Борис Самуилович Итенберг прожил долгую жизнь и вполне реализовал себя в профессии. Автор прослеживает основные этапы его биографии: окончание школы в Подмоскovie и поступление в 1939 г. на исторический факультет Московского областного педагогического института (МОПИ), окончание института в 1942 г. уже в эвакуации в Оренбурге, призыв в армию, учеба в артиллерийском училище и фронт. Войну командир взвода зенитного бронепоезда Итенберг закончил в Восточной Пруссии (с. 5).

После демобилизации в течение 11 лет работал директором школы в подмосковном тогда Перово, прикрепился к кафедре истории СССР в МОПИ в качестве соискателя и защитил диссертацию по истории Южно-российского союза рабочих, на основе которой вышла монография, выдержавшая два издания (1954, 1974). Его наставником был П.А. Зайончковский, у которого Борис Самуилович учился в институте еще до войны. Как пишет автор введения, «Б.С. вполне воспринял принципы своего учителя», заключающиеся прежде всего в непримиримости к искажению подлинных исторических реалий, и того же требовал от своих учеников (с. 10). В 1957 г. Итенберг был принят на работу в Институт истории АН СССР, где и проработал до конца 1990-х годов. Вся его научная биография является иллюстрацией истории исторической науки в нашей стране.

В первый раздел сборника вошли мемуары коллег, долгие годы сотрудничавших с Б.С. Итенбергом, – В.А. Твардовской и В.В. Шелохаева, и краткие воспоминания трех поколений его семьи: сына, внуков и правнучки.

Второй раздел включает в себя статьи, посвященные тематике, которая связана с научными интересами Б.С. Итенберга. В частности, Н.А. Ивановой об эволюции сословного статуса российского купечества в XVIII–XIX вв., А.Е. Иванова об отношении российского торгово-промышленного класса к высшему образованию во второй половине XIX – начале XX в., В.Я. Гросула о взглядах Герцена на общественное движение в России, В.А. Дёмина об идеях представительной власти в российской политической мысли XVIII в., Н.А. Хайловой о дневнике князя В.В. Голицына как источнике по истории общественной мысли в России, Н.В. Черниковой об Особых совещаниях 1878–1879 гг. Завершает раздел обширная рецензия д-ра ист. наук Р.А. Арсланова на сборник «Народники в истории России», выпущенный Воронежским государственным университетом.

В третьем разделе опубликованы фронтовые письма к жене и родителям 1943–1945 гг. и несколько документов из фонда Б.С. Итенберга в ОР РГБ. Особый интерес с точки зрения истории науки представляют подготовленные к публикации О.В. Будницким и откомментированные им шуточные поздравления. Заключают сборник «Перечень докладов на заседании Группы по истории

общественного движения пореформенной России при Институте истории АН ССР» (1961–1972), которой руководил Б.С. Итенберг, и список его трудов с 1950 по 2016 г.

О.В. Большакова

2018.05.021. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЩУЩЕНИЙ. С 1700 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

Russian history through the senses. From 1700 to the present / Ed. by Romaniello M.P., Starks T. – L.: Bloomsbury, 2016. – XIV, 302 p.

Ключевые слова: история России, XVIII–XXI вв.; восприятие истории через органы чувств; климат и пища в имперской России; социальная инженерия в СССР.

Сборник, в который вошли работы авторитетных историков из США, Канады и Великобритании, посвящен необычной теме. В нем рассматривается история России, данная в ощущениях, т.е. воспринимаемая посредством органов чувств.

Ощущения – запах, вкус, звук и пр. – являются важнейшей составной частью человеческого опыта, памяти, а значит, и истории. Многие из них – такие, как колокольный звон средневековой церкви или запах горящего угля в викторианском Лондоне, играли большую роль в формировании целых поколений, пишет во введении профессор истории Александр Мартин (Университет Нотр Дам, США). Как отразить это инстинктивное, иррациональное, во многом физиологическое восприятие в исторических исследованиях? В сборнике с разных точек зрения анализируется значение «сенсорной истории» для понимания того, что собой представляла жизнь в России в эпоху Нового времени. В нем наличествуют три сквозные темы: формирование коллективных идентичностей, эксперименты в области социальной инженерии и война.

Сборник состоит из четырех частей, каждая из которых посвящена отдельному хронологическому периоду: «Имперская Россия», «Россия революционная», «Советская Россия». Постсоветский период представлен двумя исследованиями, касающимися исторической памяти; в частности, анализируются фильмы Алексея Германа об эпохе сталинизма.

В статьях Мэтью Романелло (Гавайский университет, США) и Алисон Смит (Университет Торонто, Канада) рассмотрены два

фактора, имевших прямое отношение к формированию «исконно русской» идентичности в эпоху империи: климат и пища. «Шопинг по-русски» – тема статьи Эбби Шредер (Колледж Франклина и Маршалла, США), проследившей становление консюмеризма (потребления) в России XIX в., когда на смену грязным, неоттапливаемым, плохо освещенным базарам приходят элегантные пассажи. Триша Старкс (Арканзасский университет, США) рассмотрела другой сенсорный опыт, являющийся приметой эпохи Нового времени, – курение сигарет. В отличие от предшествующей историографии, сосредоточенной на символизме табакокурения, она обратила внимание и на его биологический аспект.

Период 1914–1918 гг. нашел отражение в статьях Аарона Ретиша (университет Уэйна, США) «Вкус “кумышки” и дискуссия об удмуртской культуре»¹, и Лори Стофф (университет штата Аризона) о медсестрах Первой мировой войны и их «травматическом столкновении» со средой военного госпиталя, «бывшей» по всем органам чувств. Военная тема анализируется и в статье Стивена Джига (Бэйлорский университет, США) «Ощущение опасности: Красная армия в годы Второй мировой войны», в которой показан опыт, крайне далекий от того, какой описывался в советской пропаганде.

Другие две статьи о советском периоде посвящены социальной инженерии в контексте создания «нового советского человека». Антон Мастеровой (независимый исследователь) написал о попытках советского режима в условиях постоянного дефицита продуктов воздействовать на восприятие пищи населением, в том числе прививать вкус к новинкам пищевой промышленности, и о реакции людей на официальный дискурс. Клэр Шоу (Бристольский университет, Великобритания) обратилась к проблеме глухоты – как она понималась в Советском Союзе, какая политика проводилась по отношению к глухим и как они сами воспринимали эту политику, вырабатывая собственные стратегии выживания.

О.В. Большакова

¹Кумышка – удмуртский спиртной напиток. – *Прим. реф.*

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

2018.05.022. КИРШЕНБАУМ Л.А. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИСПАНСКИЙ КОММУНИЗМ, 1931–1935 гг.

KIRSCHENBAUM L.A. The russian revolution and spanish communists, 1931–35 // J. of contemporary history. – [L.]; [Beverly Hills, Calif.], 2017. – Vol. 52(4). – P. 892–912.

Ключевые слова: испанская революция, 1931–1935 гг.; Коминтерн; международная ленинская школа; Международная организация революционных рабочих (МОРР); Р. Альберти, М.Т. Леон.

В статье Лизы Киршенбаум, профессора истории Уэст-Честерского университета (США), исследуются влияние русской революции 1917 г. на испанских коммунистов в период от основания Второй испанской республики в 1931 г. и до военного переворота в июле 1936 г. Автор показывает, что революционная Испания не только широко заимствовала этот опыт, но и «стала эмоциональной сердцевиной международного коммунистического проекта» (с. 892). К этому времени, считает автор, сложилась революционная сеть связей, обеспечивавшая взаимодействие на различных уровнях, и в этой перспективе «мировая революция» может быть понята не только как «вера», пришедшая из России, но также как живая реальность, сформированная разнонаправленными институциональными и личными обменами, в которых доминировали Советы.

В июле 1936 г. военный переворот против демократически избранной Второй республики обозначил начало гражданской войны. Поскольку нацистская Германия и фашистская Италия сразу же выступили на стороне мятежников, Испания стала центром самой широкой и амбициозной, хотя и неуспешной, операции, когда-либо предпринятой международным коммунистическим движением. Советское государство через посредство Коминтерна публиковало материалы, показывающие слабость и непоследовательность буржуазной Республики и разоблачавшие коварство ее фашистских оппонентов. В следующие два года 35 тыс. добровольцев из 50 стран, преимущественно коммунистов, съехались в Испанию, чтобы сражаться в интербригадах.

Когда большевики учредили Третий коммунистический Интернационал (Коминтерн) в 1919 г., на первом месте в деле свершения мировой революции стояла Германия, однако не исключалась и Испания. Созданная не без помощи агента Коминтерна Михаила Бородина в 1920 г., компартия Испании (КПИ) на первых порах была слабой. Однако с 1931 г. она стала привлекать усиленное внимание Москвы. Летом того же года известный журналист, корреспондент «Правды» Михаил Кольцов наносит краткий визит в Мадрид и Севилью и печатает отчет о поездке, где особое внимание уделено критике руководства КПИ. Затем осенью другой советский журналист, Илья Эренбург, обычно пребывающий в Париже, проводит два месяца в Испании. В серии статей он критикует слабости «буржуазной» республики, восхищается стойкостью и благородством простых испанцев. В 1934 г. в советских газетах широко освещались события в Астурии, шахтерском районе северной Испании, во главе которых стояли социалисты, анархисты и коммунисты. Именно в Астурии революционные выступления получили массовую поддержку рабочего класса. Восставшие захватили столицу региона Овьедо и создали революционную коммуну, которая продолжалась две недели.

В статье, опубликованной в «Известиях» от 7 ноября 1934 г. – день 17-й годовщины большевистской революции, – Илья Эренбург представил восстание как событие, вдохновленное советским примером и продолжающее победоносную русскую революцию. Л. Киршенбаум опирается на недавние исследования о Коминтерне, трактующие его как «сложную», «изменчивую», международную организацию со множеством ответвлений, которые обычно изучаются изолированно, в отрыве от секретного мира коминтерновского аппарата в Москве.

В области культурной пропаганды автор статьи сосредоточивается на фигурах писателей Рафаэля Альберти и Марии Терезы Леон – двух выдающихся и влиятельных коммунистов-интеллектуалов Испании. Альберти, получивший испанскую национальную литературную премию в 1925 г. в возрасте 23 лет за первую книгу стихов «Моряк на суше», знаменитый поэт-сюрреалист, стал коммунистом. Мария Леон, оставившая мужа и двух детей и ставшая в 1932 г. женой Альберти, придерживалась более радикальных взглядов. Вместе они побывали в 1932 г. в Советском Союзе и по

возвращении стали посредниками в распространении советской культуры (с. 895). В ходе гражданской войны М. Леон руководила театром «Герилья дель teatro», игравшим спектакли для воюющих республиканцев, осуществляла надзор за эвакуацией музеев, печаталась в газетах. Альберти также был вездесущей фигурой, писал «политически ангажированные» стихи, ставил политические пьесы, руководил вместе с Леон коммунистическим журналом «*Azule todo*». Более того, после своего путешествия в СССР супружеская пара стала своего рода эмблемой «испанского дела» для советских коммунистов в процессе укрепления пролетарской солидарности с Испанией.

История участия Альберти и Леон в руководимых советами революционных организациях художников, писателей и интеллектуалов высвечивает сложную проблему увлечения левой западной интеллигенции сталинским Советским Союзом. Автор стремится подчеркнуть, что попытки подготовки интеллектуалов – в качестве ораторов на съездах писателей или представителей Международной красной помощи – были лишь одним аспектом более широкой, сложной, часто подпольной коминтерновской деятельности, привлекавшей не только знаменитых поэтов и писателей, но и, в гораздо большем числе, рядовых мало просвещенных коммунистов. Испанские коммунисты, ездившие в Москву в начале 1930-х годов в Международную ленинскую школу (МЛШ), самый престижный институт Коминтерна по обучению зарубежных кадров, приобретали совсем другой опыт и впечатления, нежели Альберти и Леон. Тем не менее и те и другие были реальной и активной частью обширного мира Коминтерна, что позволяет увидеть эту организацию не только как централизованный иерархический институт, руководимый из Москвы, но и как воплощение «разнообразной живой реальности».

Левые испанские интеллектуалы воспринимали Россию как живое олицетворение будущего. Подобно России Испания была отсталой, крестьянской страной, «не совсем европейской». В 1922 г. газета испанских интеллектуалов «*Эль Соль*» опубликовала статью о голоде в Советской России, где Риккардо Баэза призвал помочь стране, с которой Испания имеет уникальную связь: «Располагаясь между Европой и Африкой, подобно России, находящейся между Европой и Азией, Испания и Россия не являются вполне западными

нациями. Такое радикальное сходство влечет за собой определенные проявления близости судьбы» (с. 895). Увлеченные потребители русской и советской культуры, испанские интеллектуалы нашли в русской музыке и литературе сходную восприимчивость и «артистическое братство». Во время посещения СССР Альберти и Леон в течение двух месяцев были гостями Международной организации революционных рабочих (МОРР). В серии статей Альберти передает свои впечатления, показывая, как это путешествие «укрепило его чувство участия в глобальном советском проекте» (с. 897). В «экстатической прозе» Альберти описывал Советский Союз как «страну, где женщины свободны, рабочие управляют фабриками, крестьяне учатся грамоте и дети счастливы» (с. 898). В 1934 г. они снова вернулись в СССР как испанские представители на Первый съезд советских писателей. В Испании же произошел переворот, по возвращении им грозил арест, и, не доезжая до Испании, супруги Альберти устроились в Париже, а затем перебрались в Америку, где выступали в защиту шахтеров Астурии. Тем временем рабочие – участники забастовок ехали в Москву, где становились студентами МЛШ – учебного заведения Коминтерна, основанного в 1926 г. в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Запада, а точнее, считает Киршенбаум, «с целью превратить зарубежных коммунистов в большевиков» (с. 904).

В МЛШ число испанских представителей особенно выросло после разгрома в 1934 г., революционного движения в Астурии. Отбор в кадровую школу Коминтерна был строгим: слушателем мог стать активист с партийным стажем не менее года. Предпочтение отдавалось рабочим крупных предприятий и реже – сельхозработникам. Кандидаты в слушатели МЛШ должны были продемонстрировать свою активную роль в революционном движении (организация забастовок, демонстраций и т.п.) или профсоюзной работе. Слушатели, которые не были рабочими, обязывались принимать участие в борьбе партии против оппортунизма. В школу не брали коммунистов, не показавших достаточную революционную твердость после выхода из тюрьмы, обвиненных в провокаторстве, проявивших слабость в полиции и на суде, участников фракционной борьбы против Коминтерна и его секций. Требования к уровню грамотности были невысоки: умение читать и писать, способность к

обучению и знания в области современной политики. При этом слушатели не обладали информацией, поступавшей непосредственно из других стран, и были вынуждены довольствоваться сведениями, прошедшими коминтерновскую цензуру. Слушатели не имели права сообщать кому-либо, включая родных и близких, об учебе в школе. Партии должны были отправлять кандидатов на обучение конспиративно, а для большей секретности учащимся давали псевдонимы.

Киршенбаум приводит примеры работы «оценщиков» и представляемых ими «оценок» отдельных слушателей. Так, в то время, когда троцкизм считался самым опасным отклонением от партийной линии, Кампо, молодой рабочий, который писал об «освобождении мирового пролетариата», казался самым политически опасным в группе, поскольку, предположительно, имел связи с троцкистами – политическими эмигрантами. Он был, согласно русской и испанской оценке, «путаник», не понимавший необходимость «дисциплины и конспирации». Доктор Фернандес также получил отрицательный отзыв за «недостаток политической твердости», предпочтение личной дружбы «партийным интересам» и за «остатки мелкобуржуазного индивидуализма», ведущие в ряде случаев к антипартийной позиции (с. 910). Такие оценки, на взгляд автора, демонстрируют, что не всех испанских товарищей удавалось «перековать по большевистскому образцу».

Список испанцев, посещавших Ленинскую школу в 1936 г., показывает, что большинство студентов, прибывших в 1935 г., оставили ее через год, предположительно после победы Народного фронта на выборах в феврале. После этого след большинства затерялся. В немногих случаях, когда удавалось обнаружить следы их позднейшей деятельности, студенты, в том числе и те, кто не вполне соответствовал «школьным стандартам хорошего большевика», оставались верны делу мировой революции.

Трудно представить себе более несхожий международный коммунистический опыт, чем тот, который имели Альберти и Леон, выступавшие в защиту шахтеров Астурии в Нью-Йорке, и опыт самих повстанцев в Ленинской школе в Москве, которых приучали к дисциплине и конспирации. В Москве и Нью-Йорке Альберти и Леон действовали среди «друзей» по космополитической культуре с авангардным уклоном, несмотря на доктрину социалистического реализма, провозглашенную в 1934 г. Съездом советских писате-

лей. Однако и те и другие работали на Коминтерн. «И тот, и другой опыт, столь непохожие, взятые вместе, показывают нам Коминтерн как разветвленную организацию, способную действовать одновременно на разных уровнях в области пропаганды, тренировки кадров, отклика на мировое революционное движение. Это был институт, способный привлечь выдающихся испанских писателей с той же легкостью, что и испанского рабочего, готового объяснить, почему он вступил в компартию» (с. 911).

Взгляд Л. Киршенбаум на Коминтерн не только высвечивает разнообразие и неоднозначность института, который друзья и враги часто характеризуют как монолитный и строго контролируемый советскими лидерами. Он также освещает способы и пути, с помощью которых создавался Коминтерн, превращая абстракцию международной солидарности в живую реальность. Для писателей революционные связи создавались в ходе дружеского и творческого обмена, основанного на приверженности социалистической революции и пролетарскому искусству. В Москве студенты Ленинской школы спланировали в многонациональное многоязычное сообщество, где, с одной стороны, их стремились превратить в большевиков, а с другой – учили применять теорию в специфических обстоятельствах своих стран, говорить напрямик с трудящимися у себя дома. Испанским студентам советовали «брать пример с Долорес Ибаррури, которая в своих речах показывала, как изучаемое в школе перевести на язык, понятный массам» (с. 912). Так местные проблемы становились частью глобальной стратегии.

Наконец, осмысление понятия «международного коммунизма» как многослойной и разнонаправленной сети различных партийных практик, подчиненных коммунистической идеологии, помогает понять, как русская революция, даже ставшая сталинской ортодоксией, продолжала вдохновлять народы в мире. Победа большевиков в октябре 1917 г. служила революционерам маяком и примером. Новые «Октябри» порождали своих героев, своих мучеников и свои мифы. Даже прежде чем гражданская война превратила Испанию в символ «справедливой борьбы», испанские писатели и рабочие стали эмблемой и эмиссарами революции, адаптируя успешную русскую модель к новым обстоятельствам, поддерживая международный призыв к воображаемому 1917 году.

Т.М. Фадеева

2018.05.023. ЖИВОТИЧ А. ЮГОСЛАВСКО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: 1939–1941.

ЖИВОТИЋ А. Југословенско-совјетски односи 1939–1941. – Београд: Филип Вишњић, 2016. – 470 с.

Ключевые слова: Югославия накануне Второй мировой войны; югославско-советские отношения.

Книга д-ра ист. наук Александра Животича (Белградский университет, Сербия) написана на основе документов из сербских (и югославских), российских и британских архивов, содержит предисловие, введение, три главы, заключение, список источников и литературы. Свое исследование внешнеполитической ориентации Югославии, в котором центральное место занимают события 1939–1941 гг. и советско-югославские отношения, автор начинает с анализа политики Советской России и СССР в отношении Балкан с 1918 г.

Захват Германией Чехии в марте 1939 г. и оккупация Италией Албании в апреле 1939 г. создали непосредственную угрозу Югославии. Начало Второй мировой войны послужило для Югославского королевства сигналом о необходимости пересмотреть свои внешнеполитические предпочтения. Автор отмечает, что зависимость Югославии от традиционных союзников – Франции и Великобритании, исчезновение Малой Антанты, конфликт интересов соседних балканских стран, а также сближение Югославии с Италией и Германией в создавшихся условиях не могли гарантировать ее безопасность. Сложившаяся ситуация, усугублявшаяся глубоким внутривластным кризисом, вынуждала политические круги Югославии пойти по пути восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом, которые были прерваны в результате большевистской революции в России. Используя документы, автор показывает, как с осени 1939 г. югославское правительство предпринимало усилия по восстановлению дипломатических отношений. Однако опасения возможной англо-французской и итало-германской реакции на сближение с Москвой, а также начавшаяся война СССР с Финляндией в ноябре 1939 г. заставили югославское правительство приостановить усилия на этом направлении.

Капитуляция Франции в июне 1940 г., а также аннексия Италией Албании небезосновательно вызывали в Югославии опасения

относительно вторжения итальянской армии в Югославию, что стимулировало югославское правительство на активизацию усилий по сближению с Советским Союзом. Переговоры о нормализации отношений начались в феврале 1940 г. и завершились подписанием соглашения о торговле и мореплавании от 11 мая 1940 г. Во время переговоров, отмечает автор, югославская сторона подняла вопрос о поставках вооружения и военной техники из СССР. Советское руководство не отвергало в принципе такой возможности, однако отложило принятие решения до следующего раунда переговоров.

Югославская сторона, констатирует автор, была заинтересована в том, чтобы прояснить позицию СССР в случае нападения Германии и Италии на Югославию. Советская сторона настояла, чтобы переговоры по этому вопросу могли быть начаты только после установления дипломатических отношений между Советским Союзом и Югославией. Официально дипломатические отношения были установлены 24 июня 1940 г. Великобритания оказала поддержку данному шагу югославской дипломатии. Италия открыто выразила свое недовольство. Германия стремилась усилить свое экономическое влияние в Югославии с целью максимально препятствовать возможному дальнейшему сближению Югославии с Советским Союзом.

После капитуляции Франции, отмечает автор, императив советской политики выражается в укреплении собственной позиции на Балканах. Прибытие немецких войск в Румынию (октябрь 1940 г.) и Болгарию (март 1941 г.), а также «старая британская попытка» зажечь огонь на Балканах столкнулись с позицией советской дипломатии сохранить мир в регионе.

Усиление немецкого влияния на Балканах поставило Югославию в сложное политическое положение. Югославская дипломатия, по мнению автора, рассчитывала на нейтральную позицию Советов в случае вторжения Германии в Югославию. Советская сторона в принципе была согласна удовлетворить просьбу Югославии о поставках вооружения и военной техники на чисто коммерческой основе. Столкнувшись с давлением Германии, югославское правительство, особенно военное руководство страны, стремилось также обеспечить, как полагает автор, военную поддержку со стороны СССР. Советский Союз отложил переговоры, дабы избежать конфликтной ситуации с Германией.

Германское давление на Югославию значительно усилилось весной 1941 г. в связи с приближением нападения Германии на Грецию. Поэтому в марте 1941 г. югославское правительство приняло решение об обращении к СССР с предложением о создании военного союза между двумя странами, что, как отмечает автор, могло создать Югославии пространство для маневра.

В марте итальянские войска начали контрнаступление в Греции, предполагая опередить намеченное германское вмешательство. В марте Болгария присоединилась к Тройственному пакту (ранее, в ноябре 1940 г. к нему присоединились Венгрия и Румыния). После того, как в Румынию и Болгарию были введены немецкие войска, Германия предложила югославскому правительству присоединиться к Тройственному пакту. Соглашение было подписано 25 марта 1941 г. в Вене югославским премьер-министром Д. Цветковичем.

В ночь на 27 марта в Белграде произошел военный переворот. Регентский совет был распущен, а 17-летний король Петр II был объявлен совершеннолетним. Новое правительство возглавил генерал Д. Симович. Столкнувшись с неизбежной военной угрозой, новое югославское правительство 28 марта 1941 г. обратилось к советскому правительству с просьбой предоставления вооружений. Посланник Югославии в СССР М. Гаврилович заявил, что югославская армия нуждается в советских поставках для защиты от возможного германского вторжения. Официальная делегация прибыла в Москву 31 марта. Советско-югославские переговоры начались 3 апреля. Усилия Югославии, направленные на сохранение своей национальной независимости, полностью соответствовали интересам СССР, отмечает автор, однако политика СССР не являлась гарантией от нападения держав Оси. Вместе с тем, по мнению наблюдателей, советская поддержка имела бы огромное значение для Югославии и одновременно усилила бы позиции СССР на Балканах.

4 апреля советское правительство представило свой проект договора о ненападении и о военных поставках. В тот же день оно в соответствии с имеющимся соглашением информировало Германию о том, что югославское правительство предложило заключить договор о ненападении, и что Москва согласилась с этим предложением. Советские дипломаты выразили надежду на то, что Гер-

мания будет делать все, что в ее силах, для сохранения мира с Югославией. Посол в Москве Ф. Шуленбург после уведомления о намерении СССР подписать договор с Югославией официально заявил, что для него югославская позиция не совсем ясна, и что поведение югославского правительства и югославской общественности в отношении Германии носят вызывающий характер.

Советские дипломаты пытались смягчить позицию Германии, подчеркивая, что Югославия присоединилась к Тройственному пакту, и что новое югославское правительство не намерено разрывать существующий договор, о чем Москва получила заверения с югославской стороны. Автор отмечает, что СССР открыто поддерживал усилия Югославии по достижению соглашений с англичанами, полагая, что подобный шаг вполне необходим в сложившейся ситуации. Очевидно, пишет автор, цель СССР состояла в поддержке организации совместного югославско-греческого фронта на Балканах.

В ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. в Кремле был подписан договор о дружбе и ненападении между Югославией и Советским Союзом. Практически в это же время началось германское вторжение на территорию Югославии. Когда в Кремле началась церемония подписания договора, Сталин уже получил информацию о назначенном на 6 апреля нападении Германии на Югославию. Советский Союз выразил сожаление по поводу начала новых военных действий на Балканах, лишь осудив венгерское участие в агрессии против Югославии. В начале мая 1941 г. СССР прервал дипломатические отношения с Югославией, которая капитулировала 17 апреля. Они были восстановлены после нападения Германии на Советский Союз.

И.Е. Эман

2018.05.024. ТАВАНИ С. «ВТОРОЙ ЯЛТЫ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ». «ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА» ИТАЛИИ В 1960-е ГОДЫ И ПОИСКИ НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА.

TAVANI S. Non dovra' essere un'altra Yalta. L'Ostpolitik italiana degli anni Sessanta e la ricerca di un nuovo ordine europeo. – Milano: Wolters Kluwer: [Padova]: CEDAM, 2017. – XVIII, 168 p.

Ключевые слова: Италия, 1960-е годы; внешняя политика; «Восточная политика» Италии.

Сара Тавани, доктор политических наук, научная сотрудница университета в Перудже (Италия), посвятила свою монографию трактовке до сих пор мало разработанных вопросов «Восточной политики» Италии, имевшей свои нюансы в сравнении, например, с более известной «Восточной политикой» Германии, начатой канцлером Вилли Брандтом в конце 1960-х годов. Хронологически работа Тавани охватывает период от правления Хрущева и начала процесса десталинизации в СССР и странах Восточной Европы до начала 1970-х годов, когда после визита президента США Р. Никсона в Москву в мае 1972 г. и подписания важных соглашений, направленных на сдерживание гонки вооружений, начался новый этап отношений между Востоком и Западом. Монография основана на проработке большого числа источников, в том числе архивных (с. 143–147) и литературы (с. 147–162).

Как отмечается в предисловии к книге проф. Лучано Този, в 1950-е годы две сверхдержавы СССР и США достигли паритета в ядерных вооружениях, и потому именно в это время начинает развиваться диалог между ними. В 1960-е годы начинается полоса новой политической и дипломатической активности западноевропейских стран. Одновременно на волне процесса десталинизации, несмотря на такие эпизоды, как события в Венгрии 1956 г., возрастает экономическая и политическая самостоятельность некоторых восточноевропейских стран. Новое направление итальянской политики, которое ей придал придерживавшийся курса неоатлантизма А. Фанфани, привело к установлению «деликатных прямых отношений с Советским Союзом», которые в последующие годы становились все более тесными (с. XIII). Приход к власти правительства «левого центра» во главе с А. Моро способствовал продолжению и развитию «Восточной политики» Италии, которая находила точки соприкосновения с такой же политикой Ватикана и папы Павла VI.

Основы итальянской «Восточной политики» закладывались в 1950-е годы, пишет автор. Тогда же из СССР поступили сигналы изменений во внешней политике, инициатором которых стал Н.С. Хрущев, начавший процесс десталинизации и открывший путь «политике мирного сосуществования» (с. 1). США и их европейские союзники по-разному реагировали на эту новую откры-

тость к переменам со стороны Советского Союза. «Восточная политика» Италии имела много общего с «Остполитик», которую начала проводить в это время Западная Германия, вступившая в постаденауэрсовский период своей истории.

После преодоления первой послевоенной фазы, в которой ощущалось доминирование США в области ядерных вооружений и в сфере экономики и финансов, СССР с середины 1950-х годов стремился занять место равного партнера в только что рожденной новой биполярной системе. США, однако, добивались переоценки послевоенного положения в «демократическо-либеральном ключе» и не собирались признавать «законность позиций, завоеванных СССР в Европе и Азии» (с. 3).

Но соотношение между двумя государствами изменилось на рубеже 1950–1960-х годов, благодаря тому, что Советский Союз достиг ядерного паритета и запустил первый спутник (это подрывало превосходство США в бомбардировочной авиации, как не преминул заявить Хрущев в беседе с итальянским послом Л. Пьетромарки в 1958 г.). Карибский кризис и нарастание трудностей для США в Индокитае заставляли Кеннеди признать стратегическую значимость Советского Союза. С другой стороны, на рубеже 1960–1970-х годов в свете нараставших советско-китайских противоречий Кремль пытался заключить «стратегический и политический договор с Соединенными Штатами» (с. 4). Непримиемые разногласия с Пекином в социалистическом лагере привели к укреплению западной направляющей во внешней политике СССР. Как пишет автор, из двух традиционных направлений – европейского и азиатского – Москва сделала ставку на европейское, опираясь на ту сферу влияния в Европе, которую она получила после войны.

Разразившийся после возведения стены 13 августа 1961 г. Берлинский кризис изменил ситуацию в центре Европы. Последующая встреча в верхах в Вене, на которой были достигнуты договоренности между двумя сверхдержавами, вызвала обеспокоенность в Италии. Эти перемены укрепили желание правительства Фанфани пересмотреть атлантические отношения и начать прямой двусторонний диалог с Советским Союзом.

Годы «экономического чуда» оказали влияние на развитие итальянской внешней торговли, которая приобретала все больший

вес во внешней политике. К «колоссальным договорам», заключенным руководителем ЭНИ Матеи с Ираном и африканскими странами в 1957 г. добавился договор 1960 г. с Советским Союзом. Именно в этих условиях состоялся визит Фанфани в Москву 2–5 августа 1961 г. Он намеревался обменяться мнениями с советским руководством в Кремле по главным международным проблемам и обсудить в том числе ситуацию с Берлином. Берлинский кризис, однако, показал, что Хрущев не прислушался к мнению Фанфани, высказавшегося за сохранение статус-кво.

В следующей главе рассматриваются позиции руководства стран Восточной Европы в период десталинизации. XXII съезд КПСС 1961 г. и реформа СЭВ начала 1960-х годов изменили ситуацию, восточноевропейские страны получили больше самостоятельности. Хрущев был против прежнего авторитаризма в отношениях с ними. С точки зрения итальянских политиков, это укрепляло центробежные тенденции внутри блока социалистических стран. В 1960-е годы Италия развивала торгово-экономические отношения с восточноевропейскими странами. В 1965 г. состоялся визит Дж. Сарагата в Польшу, придерживавшуюся позиции «индивидуализма», что привело к укреплению итало-польских торговых отношений. Расширялись связи Италии и с другими странами Восточной Европы.

«Восточная политика» Италии и укрепление связей с Советским Союзом получили новые импульсы в первой половине 1960-х годов. Москва надеялась получить экономические выгоды из развития отношений с западноевропейскими странами, а также намеревалась использовать в своих интересах расхождения между Западной Европой и США. Первый значимый «политический мост» между Италией и СССР был перекинут во время визита президента Итальянской республики Дж. Гронки и министра иностранных дел Дж. Пелла 6–11 февраля 1960 г. Учитывая условия заметной напряженности в отношениях между Востоком и Западом, на предложения Хрущева и министра иностранных дел Громыко установить более тесные отношения итальянская делегация отвечала с осторожностью.

Итальянским политикам в разработке своей «Восточной политики» следовало учитывать и позиции восточноевропейских государств: Польши, Чехословакии, ГДР и др. Но для развития отно-

шений с ними следовало в первую очередь установить хорошие отношения с Советским Союзом. Тем временем с приходом в Италии к власти правительства во главе с А. Моро отношения с Вашингтоном усложнились.

В главе «Укрепление итало-советских отношений в начале 1960-х годов» автор пишет о «гарантиях», которые давал СССР «Восточной политике» Италии. Изменения в политике западных стран в отношении Восточной Европы не оставались незамеченными в Москве. Набирала силу советская политика «мирного сосуществования» и «наведения мостов» с западными государствами. Советские лидеры усматривали в «Восточной политике» интересные перспективы сотрудничества с Западом. Боязнь «передела восточных границ» существовала равно «у коммунистов и католиков в Польше, в Панкове (Восточный Берлин. – *Ред.*), Чехословакии», в этом своего рода «железном треугольнике» внутри Варшавского договора, пишет автор (с. 24). В ответе Моро Хрущеву по поводу принятия и закрепления в международных отношениях условий мирного сосуществования между Востоком и Западом было высказано пожелание отдать эти вопросы на рассмотрение в рамках ООН.

После смещения Хрущева в 1964 г. и занятия первых мест в Политбюро «его бывшими сотрудниками Брежневым и Косыгиным» итальянская сторона не заметила никаких значительных изменений в советской внешней политике. В Фарнезине (министерство иностранных дел Италии. – *Ред.*) отмечали, что диалог СССР с Вашингтоном продолжается и субординация участников Варшавского договора ослабевает (с. 31). Продолжение советской политики открытости в отношении Запада рассматривалось с итальянской стороны как «настоятельная необходимость, продиктованная экономическими потребностями Советского Союза» (с. 34).

СССР по состоянию на середину 1960-х годов находился на пятом месте в сфере международной торговли после США, ФРГ, Великобритании и Франции, и 60% его торговли приходилось на социалистические страны (с. 35). Из стран Запада как раз Италия занимала второе место в торговле с Советским Союзом. Советские правящие круги не скрывали намерений расширить торгово-экономические отношения и заключали с западными странами многолетние торговые договоры.

Разумеется, Италия находилась под покровительством и под присмотром США и потому проводила свою политику расширения диалога с Москвой с осторожностью. Благодаря новым долгосрочным соглашениям, заключенным министрами внешней торговли Патолитчевым и Маттарелла, в 1968 г. уровень торговли вырос до 240 млрд лир. Структура торговли не менялась, происходил обмен советских сырьевых продуктов на конечные продукты итальянской промышленности. Так, поставки нефти из СССР в Италию возросли с 1966 по 1969 г. с 7 до 9 млн тонн (с. 50).

На Западе полагали, что дальнейшая открытость и сотрудничество могут стимулировать процессы внутренней трансформации на Востоке – в СССР и восточноевропейских странах, которые по своим историческим и культурным традициям были близки к европейским ценностям и институтам. В эпоху «шестидесятников» и социализма с человеческим лицом перспектива прогрессивной социальной трансформации в том же Советском Союзе уже не представлялась такой нереальной. Сигналами этого стали школьная реформа 1966 г., предоставление большей независимости профсоюзам как следствие экономических и политических реформ, начатых при Хрущеве (с. 53).

Автор помещает «Восточную политику» Италии в общую картину курса, который развивали своей «Восточной политикой» Ватикан и Западная Германия, поддержанная в этом де Голлем. Посвоему в этот процесс диалога между двумя полюсами биполярного мира включились и США. Тем самым уже тогда закладывались основы той структуры, которой стала впоследствии Организация сотрудничества и безопасности в Европе (ОБСЕ).

Новый импульс итальянская «Восточная политика» получила во второй половине 1960-х годов, когда к власти в 1966 г. пришло третье правительство А. Моро. Он полагал, что НАТО играет особую роль в установлении сбалансированных отношений между странами двух блоков. Несмотря на противостояние двух военных организаций, НАТО и Варшавского договора, связи между Востоком и Западом Европы оставались интенсивными. Развивались отношения Италии с ГДР, которая не хотела оказаться в изоляции, с Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией. Становились более крепкими связи с Москвой. Италия все более интенсивно поддер-

живала идею конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе.

Во второй половине 1960-х годов проходили встречи высших лиц из советского руководства с итальянскими политиками. В Италии побывали Н.В. Подгорный, М.В. Суслов, А.А. Громыко. В 1966 г. на смену послу С.П. Козыреву в Рим прибыл новый советский посол А. Рыжов. Итальянская «Восточная политика» и предпринятые обеими странами усилия по укреплению взаимовыгодных связей приносили свои результаты. Учитывая сложившуюся в Европе в конце 1960-х годов ситуацию, в одной из программных речей, произнесенных в 1969 г. в Милане, А. Моро заявил, что «второй Ялты не должно быть».

Как отмечает в послесловии к книге профессор Флорентийского университета А. Варсори, важной целью «Восточной политики» Италии было не только преодоление политических последствий холодной войны путем укрепления торгово-экономических связей с СССР, как это показывает пример осуществления итало-советского проекта автомобильного завода в г. Тольятти. Учитывая положение, сложившееся в мире четверть века спустя после крушения коммунистической системы, «Восточная политика» Италии 1960–1970-х годов представляется «важным элементом преемственности итальянской внешней политики» (с. 143).

В.П. Любин

2018.05.025. ФРАНЦИЯ И ЕВРОПА В XX–XXI вв.: К ЮБИЛЕЮ Н.Н. НАУМОВОЙ / Под ред. Медякова А.С. – М.: Зерцало-М, 2018. – 306 с.

Ключевые слова: Франция в XX–XXI вв.; Франция и Европа; социалистический пацифизм Ж. Жореса; панъевропейская идея; Ш. де Голль и Четвёртая республика; «зеленые» во Франции.

В сборнике статей, посвященном известному российскому историку Наталье Николаевне Наумовой, исследуются различные аспекты внутренней и внешней политики Франции минувшего и начала нынешнего столетий, а также проблемы европейской интеграции.

Н.Н. Наумова известна как специалист по Ш. де Голлю и голлизму как политическому и идеологическому феномену, по поли-

тической практике голлистских партий, которым посвящены ее монография и множество статей. С середины 1990-х годов объектом ее исследовательского интереса стала европейская интеграция в ее различных аспектах, в том числе и развитие европейской идеи во Франции, ее военно-политические аспекты, ее влияние на систему международных отношений.

Собранные в сборнике исследования подготовлены бывшими учениками Н.Н. Наумовой, и связаны с темами их диссертационных работ. В них широко использованы источники и литература, французская периодика. Они отличаются хронологическим и тематическим разнообразием сюжетов, касающихся внутренней и внешней политики Франции, а также истории европейской интеграции.

Книга открывается статьей А.А. Вершинина «Дилемма Жореса: Социалистический пацифизм во Франции в 1905–1940 гг.». «Дилемма Жореса» – это проблема соотношения социалистической идеологии и национальных ценностей, с которой столкнулось большинство социалистических партий в начале XX в. и особенно в канун Первой мировой войны. «По мере того, как дело шло к большому военному конфликту в Европе, жоресовский антивоенный курс выглядел все более подозрительно в глазах общественного мнения. В своем пацифизме лидер социалистов дошел до крайней возможной точки. Он предлагал, ни много ни мало, забыть о возвращении уступленных в 1871 г. Германии провинций Эльзаса и Лотарингии. По мнению Жореса, залогом изменения их статуса будет не новая франко-германская война, а внутренняя демократизация германской империи» (с. 22). Во французском случае эта проблема, в концентрированной форме выраженная в отношении к войне и миру, стояла особенно остро, в том числе в силу длительной и мощной традиции активной борьбы, носителем которой как раз являлись левые силы. Начало положила Французская революция XVIII в. «Начатую республикой в 1792 г. череду непрерывных войн историки не случайно назвали “революционным крестовым походом”. Он представлял собой попытку распространить революционные ценности в глобальном масштабе» (с. 18).

Автор показал, что дилемма пацифизма и оборончества в целом скорее негативно сказывалась как на внутреннем развитии социалистической партии, так и на ее позициях на политической арене.

не. «Дилемма пацифизма и оборончества после окончания Второй мировой войны окончательно ушла в прошлое: прививка 1940 г. оказалась действенной. Национальный интерес для социалистов будет теперь всегда стоять во главе угла» (с. 53). Таким образом, после двух мировых войн «дилемма Жореса» была решена в пользу национального интереса.

Статья В.С. Горозия «Панъевропейская идея в отражении американской прессы (1923–1926)» также отчасти затрагивает проблематику войны и мира. Автор подчеркивает, что само обращение в 20-е годы XX в. к панъевропейским планам в значительной степени диктовалось опытом пережитой войны и стремлением избежать ее повторения. Главная проблема, поставленная в статье, – восприятие панъевропейских планов в США – помимо собственно исторического представляет собой и определенный актуальный интерес, поскольку выявляет истоки современного «трансатлантического диалога между Европой и США». Автор подробно освещает биографию Р.Н. Куденхове-Калерги, основателя панъевропейского движения. Соединенные Штаты он считал угрозой для пан-Европы, но при этом образцом, «вершиной всех панъевропейских устремлений явится создание конституции Соединенных Штатов Европы по образцу американской» (с. 63). Автор подробно анализирует американскую прессу за 1923–1926 гг., приходя к выводу, что американские журналисты довольно часто публиковали статьи об основных этапах развития панъевропейского движения. «Анализ статей позволяет заметить, что в большей степени интерес журналистов вызывала экономическая сторона панъевропейского проекта, а именно – восстановление европейской промышленности и финансовой мощи континента для увеличения покупательной способности его населения и возвращения долгов американцам... Кроме того, часть корреспондентов акцентировала внимание на том, что пан-Европа способна стабилизировать международную обстановку и сократить опасность новой мировой войны, что также отвечало интересам США» (с. 87).

Ключевому периоду во французской истории XX в., времени становления Четвертой республики, когда освобожденная Франция должна была выбрать путь своего дальнейшего развития, посвящены четыре статьи. П.И. Фалалеев в статье «Отношения Временного правительства Французской республики с Большой тройкой в пе-

риод от Лондонской сессии Совета министров иностранных дел до отставки де Голля (сентябрь 1945 г. – январь 1946 г.)» рассматривает внешнюю политику Франции в период действия Временного правительства республики под руководством де Голля. Речь идет о выборе внешнеполитического курса в крайне сложных условиях холодной войны, нерешенного германского вопроса, внутренней нестабильности в самой Франции. Автор сумел показать, что послевоенная Франция далеко не сразу безоговорочно пошла на сближение с англо-американскими союзниками, предпочитая лавировать между ними, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой. Лишь кризис советско-французских отношений осени 1945 г. заставил де Голля отказаться от подобной политики.

Статья И.Е. Чесновой «Развитие европейской идеи в послевоенной Франции (1945–1947 гг.)», продолжая тему внешней политики Франции после Второй мировой войны, одновременно вновь возвращает читателя к проблематике европейской идеи. Автор подробно освещает позиции основных партий послевоенной Франции по вопросу создания единой Европы, которые в целом отражали мнение большей части французского общества, уже во второй половине 1940-х годов поддерживавшего подобные планы. Недоверие к Германии, являвшееся препятствием на пути их осуществления, отошло на второй план из-за нарастания холодной войны, которая способствовала сплочению стран Запада.

В отличие от двух предыдущих, статья О.В. Болговой посвящена сугубо внутренней политике, а именно позиции первой голлистской партии – Объединения французского народа (РПФ) по отношению к экономическому курсу только что созданной Четвертой республики. Избранный автором период 1947–1948 гг. был ознаменован борьбой между сторонниками сохранения государственного регулирования, характерного для первых послевоенных лет, и приверженцами более либерального курса. Автор приходит к выводу о том, что голлисты пытались найти средний путь между двумя этими линиями, выступая против прямого дирижизма, но одновременно отстаивая право на государственное вмешательство.

В статье О.А. Малороссияновой «Становление движения “независимых” во Франции во второй половине 40-х – начале 50-х годов XX в.» рассматривается одна из партий правого спектра, возникших в послевоенной Франции. Согласно автору, испытанные на

этом пути трудности были связаны с тем, что традиционные правые партии, в значительной степени из сторонников и функционеров которых рекрутировались «независимые», были дискредитированы сотрудничеством с профашистским режимом Виши в годы войны. К тому же «независимые» получили сильного противника на том же правом фланге в лице РПФ. Автор подробно анализирует, какие подвижки во внутривыборной ситуации, с одной стороны, и идейные и организационные новшества внутри самой партии – с другой, позволили ей выйти из кризиса и превратиться во влиятельную политическую силу в Четвертой республике. Так, в канун всеобщих выборов 1951 г. в форме предвыборного блока правых партий был создан Национальный центр независимых и крестьян (СНИП). В последующие годы СНИП превратился в одно из самых крупных и влиятельных политических образований правых. Представители движения «независимых» принимали активное участие в разработке правительственной политики Четвертой республики. «Образование СНИП явилось реализацией стремления независимых возродить в послевоенной Франции идеи и политические традиции умеренных правых Третьей республики» (с. 198).

Статья А.С. Капли «“Зеленые лидеры”: Кому французы обязаны партией экологов» ставит целью показать развитие движения «зеленых» во Франции с момента его возникновения до наших дней. Сегодня партия «Европа. Экология – Зеленые» входит в число основных партий Пятой республики, с 2012 по 2016 г. она имела свою парламентскую фракцию в Национальном собрании и продолжает оказывать влияние на работу министерства по проблемам окружающей среды (с. 200). В центре внимания автора – фигуры лидеров, что объясняется их особенно важной ролью именно в этом движении, в отличие от традиционных партий, не обладавших четкой организационной структурой и в значительной степени группировавшихся как раз вокруг лидеров; причем эту консолидирующую функцию они сохранили и после образования в 1984 г. самостоятельной партии «зеленых». Рассмотрев политические портреты основных лидеров «зеленых», автор отмечает, что это люди неординарные, каждый из них своеобразен: «Кон-Бендит был разжигателем студенческой революции, Дюмон первым высказал экологические идеи с экрана телевизора, Лалонд бороздил просторы Тихого океана на маленькой лодочке, протестуя против ядер-

ных испытаний. Никто из них не боялся ни рисковать, ни идти на авантюры. Во многом благодаря их деятельности и пропаганде все современные ведущие партии внедрили экологическую проблематику в свои предвыборные программы» (с. 237).

Д.О. Карева в статье «Барселонский процесс как новый этап средиземноморской политики Франции» ставит задачей проследить, как одно из государств Евросоюза, а именно Франция, пыталось выработать определенный баланс между своими традиционными целями и претензиями – в данном случае на лидерство в Средиземноморском регионе – и наднациональной внешней политикой ЕС. Именно Франция выступила инициатором создания в рамках Евросоюза евро-средиземноморского партнерства. Идея была реализована в 1995 г. в Барселоне. За 12 лет существования Барселонского процесса, с 1995 по 2007 г., «произошло углубление диалога ЕС – Средиземноморье по всем аспектам», при этом большую роль сыграла Франция во главе с Ж. Шираком (с. 268). Изучив конкретные шаги Франции в рамках Барселонского процесса, а также действовавшие внутри него структуры и механизмы, автор пришла к общему выводу о довольно низкой эффективности этой международной конструкции. Последнее побудило вновь избранного президента Н. Саркози выступить с инициативой «реструктуризации евро-средиземноморского партнерства» (с. 270).

Фигуре Н. Саркози и осуществленной им попытке придать европейской интеграции «новый импульс» посвящена статья И.Д. Тутберидзе. Инициативы французского президента были продиктованы острым институциональным кризисом ЕС 2005 г., который был вызван негативными результатами референдумов по европейской Конституции во Франции и Голландии. «Жители Франции не особенно доверяли общеевропейским институтам, считая их излишне бюрократизированными и оторванными от реальных проблем и потребностей рядовых европейцев... Из-за результатов протестного референдума изменился и имидж Франции в Евросоюзе, снижалось влияние ее представителей в европейских институтах, их больше не называли “локомотивом интеграции”» (с. 277). Пришедший в 2007 г. к власти лидер правоцентристской партии «Союз за народное движение», неоголлист Н. Саркози принялся за оживление европейской политики. Как показал автор, главным достижением французского президента, которого он добился в тесном

сотрудничестве с германским федеральным канцлером А. Меркель (тандем «Меркози»), явилось заключение в 2009 г. Лиссабонского договора, позволившего преодолеть этот кризис.

В статье А.В. Жидковой, завершающей сборник, объектом исследования является «возмутитель спокойствия» французской политической жизни – Национальный фронт и его лидер Марин Ле Пен. В статье показано, что серьезные успехи Национального фронта в минувшем избирательном цикле были достигнуты благодаря целенаправленной работе: «Для преодоления имиджа Национального фронта как извечно оппозиционной силы, не способной к реальному управлению страной, требовалось вывести партию из политического “гетто” и продемонстрировать ее избирателям конкурентоспособную взвешенную программу» (с. 290), что и произошло благодаря появлению в руководстве НФ новых лиц. Благодаря успешным попыткам укорениться в ранее не свойственной ей социокультурной среде и программным изменениям Национальный фронт смог существенно расширить свою электоральную базу. В целом укрепление позиций НФ на муниципальных выборах в марте 2014 г. «явилось доказательством правильности предложенной после 2012 г. стратегии “дедемонизации” партии» (с. 303), что и стало залогом ее нынешних достижений.

Т.М. Фадеева

2018.05.026. МАСЛОВА Е.А. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ (1994–2011). – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 313 с.

Ключевые слова: Италия, Вторая республика; правоцентристская коалиция С. Берлускони; внешняя политика.

В монографии канд. полит. наук Е.А. Масловой (МГИМО МИД России, Институт Европы РАН) дан комплексный анализ внешней политики Италии периода Второй республики начиная с 1994 г., когда к власти впервые пришла правоцентристская коалиция во главе с Сильвио Берлускони, по 2011 г., когда четвертое правительство Берлускони было вынуждено уйти в отставку. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

В первой главе рассмотрены теоретические аспекты внешнеполитической идеологии и конкретно анализ внешнеполитической

идеологии в традиции итальянского государства, а также влияние идеологии на внешнюю политику государства. Автор отмечает, что «одна из самых острых, неpolitкорректных и не вписывающихся во внешнеполитический “мейнстрим” ЕС идеологических концепций связана с именем Сильвио Берлускони» (с. 54). Е.А. Маслова констатирует, что трудность в изучении итальянской внешнеполитической идеологии состоит в том, что в Италии не издаются доктринальные документы, которые отражали бы основные положения внешнеполитического курса. Поэтому основным источником служат официальные выступления представителей политического истеблишмента страны, политические программы правящих партий.

Вторая глава посвящена внешнеполитической идеологии Берлускони. Показано становление правоцентристского блока, рассмотрены программные положения внешнеполитической идеологии коалиций Берлускони, а также реализация идеологических установок коалиций правого центра на практике. В третьей главе рассматривается внешнеполитическая идеология оппонентов Берлускони из левого центра, программные положения коалиций левого центра и их реализация на практике.

В первой половине 1990-х годов Итальянская Республика пережила трансформацию общественно-политической жизни. Практически одновременно ушли с политической арены все традиционные партии, существовавшие с основания республики. Автор констатирует, что отличительной особенностью политической системы Первой республики в Италии (1948–1994) являлось противостояние «коммунистической угрозе» со стороны Христианско-демократической партии, практически бессменно находившейся у власти, и недопущение к власти коммунистов – второй по популярности партии в стране. Италия, являясь членом НАТО, «всецело делегировала свою безопасность альянсу, четко следуя в проамериканском фарватере» (с. 5).

С окончанием холодной войны перед Италией встал вопрос переосмысления идеологических основ внешней политики и национальных интересов. За последние десятилетия внешняя политика Италии характеризовалась значительным усилением активности страны на международной арене. Силы левого центра выступали за повышение роли Италии в мире, за дальнейшую интеграцию Ита-

лии в ЕС и участие в общеевропейских процессах. Правоцентристы, напротив, стояли на позициях атлантической солидарности.

Перенос идеологических межпартийных дебатов в плоскость принятия реальных внешнеполитических решений связан с деятельностью С. Берлускони. Рассмотрев все периоды его правления, автор приходит к следующим выводам. Вопросам внешней политики уделялось внимание либо в периоды предвыборной гонки, либо ввиду крупного мирового события (как, например, военная операция в Ираке), либо в связи с пониманием необходимости укрепления роли Италии в качестве «страны-протагониста» мировой арены (с. 168). Правительство коалиции правого центра безоговорочно поддерживало все инициативы США в рамках НАТО, «не предавая сомнению итальянское участие в операциях в Ираке, Афганистане и Ливии» (там же).

Что касается европейского направления внешней политики, то, по мнению автора, «оно представлялось наиболее проблемным для Италии в период председательства Берлускони в кабинете министров страны» (с. 169). Правоцентристы отрицательно относились к проекту «Европы двух скоростей». «С другой стороны, Берлускони и его соратники считали критерии Маастрихта (Маастрихтского договора 1992 г., положившего начало Европейскому союзу. — *Редф.*) непомерно тяжелыми, предлагая их пересмотр» (там же). Автор констатирует, что в коалицию Берлускони всегда входила «Лига Севера», члены которой были евроскептиками, выступали против «евродирижизма».

Основой идеологии внешнеполитического курса стало позиционирование Италии в качестве «моста» между различными полюсами мировой политики (между Россией и США, между Европой и арабским миром, в том числе между Ливией и ЕС), в качестве необходимого связующего звена между центрами многополярного мира. Нередко внешняя политика Берлускони основывалась на личных отношениях с лидерами других государств.

Оппоненты Берлускони, лидеры левого центра выступали за тесную интеграцию внутри Европейского союза и его расширение, «приветствовали принцип мультикультурализма в принятии внешнеполитических решений, приверженность которому способствовала укреплению региональных и международных организаций» (с. 222). Левоцентристы выступали за обеспечение роста и ста-

бильности не только внутри ЕС, но и в развивающихся странах, за создание общей европейской системы безопасности, за предотвращение и разрешение мировых конфликтов. Автор констатирует, что отличительной особенностью программ левого центра (особенно программы 2006 г.) является «тезис о руководстве универсалистскими нормами морали при выработке внешнеполитических решений» (с. 222). Е.А. Маслова рассматривает, каким образом идеологические установки левого центра были реализованы на практике в периоды работы левоцентристских правительств Романо Проди, Массимо Д'Алемы и Джулиано Амато.

В заключение автор отмечает, что анализ внешнеполитического курса правительств правого и левого центров позволяет проследить балансировку итальянской внешней политики между атлантизмом (верность ценностям НАТО и гегемонии США, поддержка моноцентричного мирового порядка) и европеизмом (приверженность идеологиям европейской интеграции, выступление за полицентричный мировой порядок). Е.А. Маслова показывает, в чем состоит принципиальная разница между Первой и Второй республиками. В частности, во время Второй республики большая часть коммунистических сил трансформировалась в политическую партию нового типа. Заявили о себе политические движения нового толка, часть из которых придерживается радикальных взглядов (постфашистские, сепаратистские течения). В результате в Италии сформировалось два партийных блока с примерно равными шансами на успех, между которыми развернулась острая политическая борьба (с. 283). «Внешняя политика Италии периода Второй республики стала гораздо более подверженной партийно-идеологическому влиянию» (там же). С точки зрения автора, важным являлось и то обстоятельство, что коалиционным правительствам для принятия внешнеполитических решений необходимо было считаться не только с точкой зрения оппозиционных партий, но и с позициями партий, которые поддерживали правящую коалицию, но отличались радикальными воззрениями. Е.А. Маслова констатирует, что ни одному из правительств, за исключением второго правительства Берлускони, не удалось отработать весь срок легислатуры.

И.Е. Эман

2018.05.027. ЛЮБИН В.П. Рец. на кн.: ГЕРМАНИЯ И РОССИЯ: СОБЫТИЯ, ОБРАЗЫ, ЛЮДИ: Сб. российско-германских исследований / Под ред. Кретирина С.В. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 11. – 184 с.

Ключевые слова: Россия и Германия в Первой мировой войне; революции и гражданская война в России и Германии; идеологические и социальные реформы в России и Германии; отношения между Россией и Германией в межвоенный период.

В сборнике опубликованы материалы российско-германской конференции «Новый облик Европы. Первая мировая война и долгое послевоенное время в России и Германии», прошедшей в Воронеже. В конференции участвовали историки-германисты из России и Германии. Были заслушаны 19 докладов и сообщений (из них опубликованы лишь 15). В сборнике они сгруппированы по следующим разделам: «Война без фронта и тыла: Глобальное измерение Первой мировой войны», «Государства и территории в военное и послевоенное время», «Продолжение войны: Революция и гражданская война в Германии и России», «Идеологический поиск и социальные реформы на фоне революций», «Национальная самоидентификация в годы войны и мира».

Как отмечается в Предисловии, события 1914–1918 гг. были «войной на истощение», в ней обе стороны – Антанта и ее противники – так и не смогли достичь решающего перевеса. Многочисленные жертвы с той и другой стороны казались напрасными. Это отразилось на настроениях в обществе. Назревала революционная ситуация.

«Российские участники в целом солидаризировались с теоретико-методологическими выводами германских коллег, акцентировали внимание на новых реалиях, когда у власти оказались организации, учитывавшие интересы большинства населения, но применявшие при этом иные методы и масштабы насилия, в частности, революционные террор и массовые репрессии» (с. 9). Этот тезис был озвучен в докладе канд. ист. наук Т.А. Некрасовой (МГУ им. М.В. Ломоносова) (с. 25–32). В «подтверждение данного постулата» высказалась О. Никонова (ее доклад, к сожалению, также не опубликован). Она попыталась объяснить «иллюзию забвения» Первой мировой войны в российской историографии и обществен-

но-политической мысли, хотя именно события этой войны уже позже, в советское время, легли в основу формирования в обществе психологии «осажденной крепости», создавая образы будущей войны (с. 10).

Непосредственным следствием Первой мировой войны стал революционный кризис 1917–1921 гг., отмечается далее в сборнике. В годы войны произошел окончательный раскол II Интернационала. Этот аспект проанализировал в своем докладе «Потерянное единство: социалистический интернационализм после Первой мировой войны» немецкий ученый Ю. Заруски (Мюнхен) (с. 63–74). С.А. Кретинин (д-р ист. наук, профессор ВГУ) в докладе «Концепция социалистической революции в Германии, Австрии и Советской России, 1918–1933 гг.» исследовал расхождения между немецкими умеренными социал-демократами, российскими большевиками и сторонниками «третьего пути» из партии австрийских социал-демократов (с. 75–81). О попытке воплощения большевистского опыта в Баварии в 1919 г. пишет профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р ист. наук А.Ю. Ватлин (с. 82–93).

События Первой мировой войны отразились эхом далеко за пределами Европы, в частности в Азии, где Германия при помощи спецслужб пыталась отстаивать свои интересы, используя ситуацию в Афганистане, Иране и на Кавказе. Анализ этих событий дан в докладах немецкого историка, д-ра М. Майера, сотрудника Академии политического образования в г. Тутцинг (с. 33–41) и д-ра ист. наук, профессора Липецкого государственного педагогического университета Ю.А. Тихонова (с. 42–54).

В докладе канд. ист. наук Т.Ю. Тимофеевой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Реформа против революции: Роль ведомства по экономической демобилизации его главы Й. Кета» (с. 105–114) освещена деятельность Ведомства по экономической демобилизации, сыгравшего значительную роль в ослаблении революционных тенденций и начале перестройки экономики Германии с военного производства на мирное.

Еще одним следствием войны стала национальная эмансипация европейских народов, проявившаяся в росте национализма и регионализма. Доклад на тему «Национализм и регионализм в Европе после Первой мировой войны» сделал д-р ист. наук, доцент ВГУ М.В. Кирчанов (с. 123–144). Автор заключает, что «национа-

лизм был тем фактором, который определял облик Европы после Первой мировой войны, оказав значительное влияние на функционирование и процессы трансформации европейских национальных государств, обрекая их на существование в условиях дихотомии (одновременного развития как национализма, так и его локализованных конкурентов, а фактически разновидностей, в форме регионализма и сепаратизма) и хронологической дискретности, в рамках которой провалы в истории национализма неизбежно будут сменяться националистическими ренессансами и пробуждениями, что не позволяет снимать национализм с исследовательской повестки дня как в исторической, так и политической перспективе» (с. 144).

Явления национализма и регионализма рассматриваются в сборнике как альтернатива панславизму и пангерманизму, на которые пытались опираться воюющие державы. В этом плане показателен доклад д-ра ист. наук В.В. Миронова, профессора Тамбовского государственного университета «Пангерманизм и панславизм как две антагонистические идеологии военного периода (1914–1918 гг.)» (с. 115–122). Впрочем, заявленная тема осталась по-настоящему не раскрытой, так как автор сосредоточил внимание лишь на эпизодах неповиновения и сдачи в плен чешских солдат и офицеров.

По итогам войны границы европейских государств претерпели серьезные изменения. Появились новые государства, призванные объединить в своих границах представителей одной нации: Австрия, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Югославия, Польша. Однако национальный вопрос не только не был разрешен таким образом, но и привел к резкому ухудшению положения национальных меньшинств. Эта тема была поднята в докладе научного сотрудника Свободного университета в Берлине У. Шмидт «Немецкие меньшинства в Юго-Восточной Европе, 1918–1933 гг.» (с. 145–156).

Участниками конференции были проанализированы также судьбы отдельных личностей в непростое военное и послевоенное время, таких, например, как «немецкий патриот» и лауреат Нобелевской премии Фриц Габер (доклад д-ра ист. наук, профессора РГГУ Б.Л. Хавкина) (с. 157–171), который «сыграл ключевую роль в развитии военной химии во время Первой мировой войны» (с. 158). Именно разработки Габера позволили немцам в апреле 1915 г. атаковать с помощью химического оружия под Ипром в Бельгии британцев и французов, что стало «первым преступлением

немецкой военной химии» (с. 157), а затем, в мае 1915 г., – 2-ю русскую армию у Воли Шидловской. В 1916 г. Габер был назначен начальником химической службы рейха (с. 161).

В Веймарской республике, пишет Хавкин, Габер пользовался огромным уважением. Как «тайный советник (как его любимый Гёте), директор Института физической химии и электрохимии им. кайзера Вильгельма, президент немецкого химического общества, иностранный член Национальной академии наук США, почетный доктор ряда немецких и иностранных университетов, почетный гражданин Берлина, Дармштадта, Карлсруэ, Мюнхена, Хале, профессор Фриц Габер был одним из самых заслуженных и влиятельных людей Германии» (с. 166).

Автор отмечает, что среди почетных должностей и званий Ф. Габера было и советское: в 1932 г. за заслуги в развитии химической промышленности СССР он был избран почетным членом Академии наук СССР. Габер стоял у истоков германо-советского сотрудничества в сфере военной химии. Под его руководством в 1919 г. была создана германская секретная программа по производству химического оружия. Чтобы избежать предусмотренных Версальским договором инспекций, Германия использовала для производства третьи страны, в частности США и СССР. «Военно-химическое сотрудничество между РСФСР и Веймарской республикой активно развивалось после подписания 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора, который включал в себя секретную статью о совместном развитии военной технологии» (с. 167).

После прихода Гитлера к власти нацисты сразу напомнили Габеру о его еврейском происхождении. То, что он был крещен и стал христианином, не имело для них никакого значения: «их антисемитизм был расовым». В книге «Майн кампф» Гитлер, пострадавший на фронте от газовой атаки британских войск, в двух абзацах упоминал о химическом оружии и обвинял евреев в том, что во время Первой мировой войны миллионы людей пострадали от созданных ими отравляющих веществ (с. 168).

В апреле 1933 г. Габеру было предписано уволить всех своих сотрудников-евреев, но ему самому, ввиду его заслуг перед Германией, разрешалось пока остаться. В ответ Габер написал заявление об отставке и 30 апреля 1933 г. его отставка была принята. Заступничество Макса Планка ему не помогло. В мае 1933 г. Габеру уда-

лось уехать в Англию, но понимания среди английских коллег он не нашел. Приглашенный на работу в Палестине, Габер не смог доехать до Святой земли: он скончался 29 января 1934 г. в возрасте 65 лет в швейцарском Базеле (с. 169).

Кандидат ист. наук С.З. Случ (Институт славяноведения РАН) в своем сообщении, завершающем сборник, представил комментарий к I тому публикации документов «Советско-германские отношения 1933–1934 гг.» (с. 172–181). Он сам вместе с немецкой исследовательницей К. Тышлер был составителем данного тома. Характеризуя советскую внешнюю политику в отношении Германии в этот период, Случ отмечает: «В условиях обозначившегося очередного противостояния в Европе для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима “третьего рейха”, ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и, следовательно, рано или поздно ей будет нужен союзник на Востоке. С такой Германией Сталин был готов искать сотрудничества, и если не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое» (с. 181).

В целом в сборнике представлены оригинальные точки зрения российских и германских историков, каждый из которых в своем докладе или сообщении исследовал малоизвестные события и факты, и представил соответствующие выводы и обобщения. Следует отметить, что собранные материалы отличаются подчеркнутой разнообразностью исследовательских тем и подходов, что не всегда способствует созданию целостного впечатления об избранном периоде изучения германо-российских и германо-советских отношений – от Первой мировой войны до прихода нацистов к власти. Опубликованные на основе докладов на конференции статьи также сильно различаются по своему качеству, а также по пониманию избранных сюжетов. Статьи немецких авторов в сравнении с работами российских историков свидетельствуют о том, что в методологических и историографических подходах историков двух стран по-прежнему больше расхождений, чем сходства.

В.П. Любин

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

2018.05.028. УВАРОВА Т.Б. ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. (Обзор).

Ключевые слова: человек и социум; социальная антропология; этнография советскости; Россия, Украина и Беларусь, постсоветское пространство, язык и идентичность; современные российские антропологические исследования.

Последние десятилетия стали временем существенного обновления проблематики, методов, теоретических и методологических подходов в современной российской этнологии и антропологии. Инновационные явления в отечественной научной школе нашли отражение в публикациях ведущих отечественных исследователей. Одна из них – сборник «Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования» (1), подготовленный сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН – посвящен научной деятельности директора ИЭА РАН (2015) профессора М.Ю. Мартыновой. Для обзора выбраны статьи, представляющие новейшие исследовательские тенденции.

В предисловии к сборнику д-р ист. наук М.Н. Губогло в качестве одной из важнейших задач, стоящих перед научным сообществом, называет определение стратегии и баланса этнолого-антропологических, социокультурных и этнополитических исследований досоветского, советского и постсоветского периодов в истории России. Эта проблема анализировалась в пленарном докладе «Миссия антропологии и этнологии», представленном М.Ю. Мартыновой на XII Конгрессе российских антропологов и этнологов (Ижевск, 2017). Исходной точкой для определения приоритетов и перспектив послужила «панорамная инвентаризация дисциплины» за истекшие четверть века. За это время Институтом было издано более полутора тысяч книг (ежегодно по 50–55 книг и сотни статей), проведено 12 конгрессов, на каждый из которых поступало до полутора тысяч заявок, в большинстве из которых представлены итоги эмпирических исследований, отвечающих на вызовы модернизации и тренды глобализационных процессов. Гордостью Института по праву можно назвать серию «Народы и культуры» в 30 то-

мах, ставшую достойным продолжением традиций легендарной 18-томной серии «Народы мира» (1954–1969).

Собрана, прокомментирована и издана в 130 томах уникальная база документов об этнической мобилизации (1989–2014), в которой получили отражение вопросы теории и практики этнополитической судьбы народов бывшего Советского Союза и постсоветской России. Около 260 небольших по объему, но актуальных и емких по содержанию выпусков «Исследований по прикладной и неотложной этнологии» (редактор Н.А. Лопуленко), опубликованных с 1990 г., стали еще одним важным ресурсом, созданным при участии М.Ю. Мартыновой.

Усложнение социальных и этнических процессов в современном мире и в России, безусловно, оказывает сильное влияние на расширение предметной области и проблематику этнологических / антропологических исследований, однако приоритетным М.Ю. Мартынова, специалист с базовым этнографическим образованием, по-прежнему считает полевой метод сбора материала. В условиях политизации этничности фундаментальные труды, основанные на экспедиционных, музейных, архивных материалах, сохраняют и прикладное значение.

Особое значение для переосмысления теоретических и методологических основ дисциплины имеет I раздел «Этнографии этничности и советскости», в который вошли работы ведущих отечественных ученых. Его открывает статья одного из старейших сотрудников ИЭА д-ра филос. наук Ю.И. Семёнова «Этнология (этнография, социальная антропология, социальная и культурная антропология): Предмет науки и ее подразделения (дисциплины и субдисциплины)». В последние десятилетия, по мнению исследователя, в западной социальной антропологии наметился раскол. Те из социальных антропологов, которые продолжают заниматься изучением еще сохранившейся первобытности, продолжают традиции западной классической социальной антропологии. Остальные могут быть объединены в так называемую неклассическую антропологию, изучающую едва ли не все стороны жизни человечества, как в прошлом, так и в настоящем. Эти антропологи по существу стали социологами-эмпириками. Теоретическое развитие западной социальной антропологии с отказом от эволюционизма фактически

стало отходом на позиции чистого эмпиризма, считает Ю.И. Семёнов (5, с. 28).

Этот теоретический паралич не смогла преодолеть современная неклассическая социальная антропология. Выражением кризиса стало широкое распространение в дисциплине идей постмодернизма. «Радикальные приверженцы постмодернизма в этнографии растворяют социальную реальность в сознании исследователя, превращая ее в продукт его собственного творчества. По их мнению, предметом культурной и социальной антропологии должны быть не чужое общество и чужая культура, а субъективный опыт этнографа, его переживания при соприкосновении с таким обществом и такой культурой... Значение культур-антропологических текстов состоит вовсе не в том, что в них описываются реально существующие явления, а в том, что сами они представляют собой культурные события, имеющие собственную непреходящую ценность. Этнография есть один из жанров литературного творчества, а работы этнографов должны представлять собой своеобразные произведения искусства» (5, с. 30). Отчасти эти взгляды получили распространение и в отечественной науке, считает Ю.И. Семёнов.

В публикации академика В.А. Тишкова «Этнография советскости» анализируются трансформации, которые произошли в России с точки зрения их социально-антропологического содержания. При всей «существенной отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора о “совке” утвердилась уже позднее и стала скорее саморефлексией, а не внешней оценкой. На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упустила этнографию советскости, и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла “традиционная культура” советского времени», считает исследователь (7, с. 33).

Не меньшая потребность существует в познании постсоветскости как уже новой культурной традиции. Этническая демография сохраняет позднесоветские тенденции нулевого роста большинства крупных народов страны, включая русских, татар, чувашей и других народов. Быстрый рост численности народов Северного Кавказа, особенно народов Дагестана, где недостаточно ресурсов, а социальные ожидания завышенные, вызывает напря-

женность и конфликты не только в республике, но и в регионе в целом, да и за его пределами.

Три столпа материальной культуры или этнографическая триада – пища, одежда, жилище – выступают важным показателем благосостояния общества, а состояние здоровья населения относится к числу основных индексов модернизации по стандартам ООН. На протяжении последних десятилетий очевидно изменились рацион домашней кухни и организация системы общественного питания. Радикально расширился круг предметов повседневного быта, от элементарных средств личной гигиены до сложных технических устройств бытового назначения, обновился набор социальных услуг. Интенсивно идет автомобилизация страны, не только с точки зрения покупки автомобилей населением, но и развития автодорожных сетей. Рост жилищного строительства при значительных объемах зачастую создает целый ряд новых проблем урбанистической застройки, не всегда соответствующей критериям современного жилого пространства.

В проблемах антропологии власти новое российское знание серьезно отстает от потребности, в частности, в анализе таких актуальных проблем как делегирование во власть и выход из власти. Усилия специалистов-политологов, как и широкой общественности, не могут ограничиваться бесполезным морализаторством, а должны выходить на прагматику конкретных политических решений по организации контроля над деятельностью властных институтов. Поведенческие нормы и духовная жизнь «широких масс» также испытывают не менее динамичные и глубокие трансформации, понимание которых также требует разработки развернутой и детальной исследовательской повестки, заключает исследователь.

Тему продолжает развивать М.Н. Губогло в публикации «Концепт “советскости” в этнолого-антропологическом контексте». Автор отмечает, что появляются исследовательские проекты, нацеленные на изучение связи языка с сознанием, мышлением, ментальностью и традиционной культурой народа, когда язык индоктринируется как культурный код этнической общности или нации. Исходной базой смыслового наполнения концепта «советскости» на материалах словарных источников, включая толковые этимологические, словообразовательные словари, тексты художественной и научной литературы, СМИ и публицистики, служит со-

поставление его с социально-политическими однородными концептами «Советский Союз», «советское общество», «советский человек», «советский образ жизни» и др. (3, с. 45).

Такой подход применен в 8-томной «Антологии концептов» (2005–2011), представляющей собой словарь нового типа – «концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении». Представленные в издании более двух десятков концептов, по мнению авторов, позволяют говорить о начале этапа «когнитивной лексикографии» в отечественной научной школе, хотя методические приемы и итоги исследований нуждаются в дополнительном осмыслении.

М.Н. Губогло сравнивает словарь с 6-томным «Сводом этнографических понятий и терминов» (1986–1995) – этнотерминологическим, содержащим более 170 словарных статей, посвященных ключевым понятиям советской этнографической науки, но в котором нет ни концепта «советскости», ни даже «этничности». Этнографические понятия и термины были выработаны по итогам многолетних прикладных и фундаментальных исследований нескольких поколений отечественных этнографов, археологов, искусствоведов и фольклористов.

Исследователь привлекает внимание к тому обстоятельству, что «цель этнотерминов и лингвокультурных концептов во многом совпадала, особенно если принимать во внимание их фундаментальную коммуникативную нагрузку по обслуживанию сфер духовной, материальной, идеологической, политической жизни, а также заметную роль в обиходном административном и художественном дискурсах» (3, с. 49).

В зарубежной историографии, отмечает автор, появляются работы, посвященные поискам исторических корней «советскости», в частности, в кратком эссе-проекте «Царско-советско-русский крест» профессора Опольского университета (Польша) Б.М. Лепешко. «Широта его подхода к трем указанным концептам связана с пониманием и толкованием данных определений как несущих в себе ресурсное единство ментальных, мировоззренческих и метафорических характеристик, присущих обладателям этих концептов» (3, с. 50).

Всё более важное место в изучении советскости с начала XXI в. занимает история повседневности рядовых людей в кон-

кретных жизненных ситуациях, что отчасти вызвано неприятием институциональной истории как истории власти, институтов, доктрин и идей, считает М.Н. Губогло. Настойчивая антисоветская риторика СМИ и некоторых научных изданий вызывает по закону бумеранга острый интерес к советскости. Нарастает раскол дискурса по поводу сущности советскости – советского человека. «Очернительный подход, замалчивание “вещной”, “самодеятельной”, “художественной” составляющих в облике и характере советского человека блокирует раскрытие логической сущности советского человека и советскости как идентификационного феномена советской социокультурной цивилизации», – подчеркивает исследователь (3, с. 60).

М.Н. Губогло обнаруживает еще одну параллель развития этнологического и лингвистического знания. Тенденция антропологизации этнологических исследований, впервые четко обозначенная на III Конгрессе этнографов и антропологов России (Москва, 1999), в известной степени совпала с появлением ряда новаторских направлений в лингвистике, ориентированных на углубленное исследование человека и человечности, связей языка и сознания. Если в 1960–1970-е годы появились предположения о возможности создания «антропологии языка», позднее они заявили о себе как «этническая социолингвистика» (3, с. 61).

Наиболее популярными выразительными концептами миростроительства в отечественной филологии, этнологии (антропологии) и философии выступают истина и правда, добро и справедливость, доверие и гостеприимство. Эти и другие элементы языка и народной культуры отражают исторически сложившиеся формы сотрудничества и взаимопонимания людей. Таким образом, материалами для лексико-семантических исследований и исследований этноспецифических особенностей морали и нравственности наряду с материалами опросов служат лингвистические данные и речевая этика, основанные на принципах морали, а также национальных и социокультурных традициях, составляющих миротворческий потенциал народной этики и эстетики.

Концепты морального и нравственного содержания – «добро – зло» – в этнических культурах в их историческом развитии также стали предметом особого внимания. Т.С. Гузенкова в статье «“Добро” и “Зло” в политической мифологии: Эстетика архаики,

модерна и постмодерна», определяя их как дихотомические нормативно-оценочные категории и субстанциональные понятия философии, этики, религии и искусства, вместе с тем подчеркивает их вписанность в историко-социальный контекст для оценки социальных явлений, действий, мыслей, намерений людей. Во всяком случае, вопросы справедливости, честности, служения представителей власти приобретают для общественного сознания особый смысл. При этом в современных электоральных мифах могут, не противореча друг другу, соседствовать элементы архаики, модерна и постмодерна.

По своим конструктивным особенностям и функциональной нагрузке современный политический миф по ряду позиций близок к традиционно-архаическому мифу. Мир мифа – это мир действий и борьбы противоположных сил, побеждает в которой сторона добра. Задача современных политтехнологов – соотнести миф с конкретным политиком, т.е. вписать его в мифологическое пространство так, чтобы в это поверили потенциальные избиратели (4, с. 137). Контент-анализ зарубежной прессы свидетельствует о том, что в категориях «борьбы Добра со Злом» интерпретировались президентские кампании последних лет в США, во Франции. Обращение к этим образам присуще различным видам зрелищ на мировых политических подмостках, что автор расценивает как еще одно из проявлений постмодернизма, эпохе безраздельного господства которого тем не менее подходит конец. Одни говорят о наступлении метамодерна, другие – неомодерна с иными нарративами, стилистикой и базовыми характеристиками. Однако вопрос выбора между Добром и Злом во имя победы Добра переключается и в следующие времена, как бы они ни назывались, резюмирует исследовательница (4, с. 141).

Проблемы взаимоотношений на основе доверия и взаимопонимания важны и в межэтнических и межгосударственных отношениях. В начале XXI в. после распада Советского Союза кардинальные изменения характеризуют международные связи новых независимых государств – России, Украины и Белоруссии. Изучение новой ситуации проводилось в рамках нескольких академических проектов, результаты которых представлены в публикациях (РФФИ «Миротворческий потенциал народной этики и эстетики»; РФФИ «Россия, Украина и Белоруссия – вместе или врозь? Поиски

консолидации и взаимопонимания»). И.А. Снежкова на основании данных социологических опросов студенческой молодежи трех стран и специализированных интервью экспертов анализирует мнение представителей восточнославянских народов относительно характера этнополитических взаимодействий между их государствами и влиянии на них Евросоюза и США.

Учитывая, что важную роль в формировании современных политических взглядов играют СМИ, вопрос о достоверности публикаций был предложен всем участникам опроса. Оценки подлинности данных российской и украинской прессы характеризуются диаметрально противоположными взглядами по принципу «свой – чужой», т.е. зарубежная пресса в обеих странах рассматривается как заведомо недобросовестная пропаганда, а собственная пресса – с доверием. Для белорусских СМИ характерен дружелюбный настрой по отношению к России и толерантный – к Украине. В России положительный образ своей страны дополняется критическим образом украинских властей и зачастую с сочувственным отношением к населению, учитывая наличие родственников, друзей, близкое соседство с Украиной. Белоруссию оценивают как страну, развивающуюся стабильно, хотя и с консервативными тенденциями.

Перспективы будущего взаимодействия восточнославянских государств российская молодежь оценивает довольно оптимистично, считая возможным их объединение в рамках единого Таможенного союза (65% опрошенных) (6, с. 181). Будущее отношений с Евросоюзом после «Брексита» кажется не слишком перспективным, хотя единое безвизовое пространство и возможность учиться в европейских университетах по-прежнему сохраняют привлекательность.

Украинские эксперты рассматривают Россию как агрессора, виновника всех бед Украины, хотя и собственная власть у многих не вызывает ни симпатии, ни поддержки. Свое будущее 89% респондентов видят в Евросоюзе и рассчитывают на поддержку США. Белорусские эксперты высоко ценят стабильное развитие своей страны, устойчивые дружественные отношения с соседними восточнославянскими государствами, рассчитывая на восстановление их сотрудничества в будущем.

Характер взаимодействия населения приграничья анализирует Р.А. Григорьева в статье «Язык и идентичность жителей погра-

ничных районов России и Беларуси, России и Украины (Брянская, Гомельская и Черниговская области)». Исследование проводилось в рамках совместного российско-белорусско-украинского проекта РГНФ в 2009–2011 гг. на территории, где на протяжении нескольких веков пересекались, взаимодействовали культуры трех восточнославянских народов, где протекали сложные этнокультурные процессы с участием поляков, евреев, татар. Эта территория оказывалась включенной в сферу влияния различных государств, что не могло не сказаться на современном этнокультурном ландшафте пограничья.

Важным фактором при формировании общих черт культуры были сходные природные условия: большая часть исследуемого пространства находится в пределах Полесской низменности, которая представляет собой своеобразную природную провинцию в зоне смешанных лесов Восточно-Европейской равнины. Пограничье характеризуется не только сходными природными условиями, но выделяется как «особое этнокультурное пространство, на котором часто формируется особый тип человека, носителя смешанных форм культуры, с высоким уровнем толерантности по отношению к соседям, часто с осознанием отличительности своей локальной группы от основной части населения страны, нередко с региональной идентичностью “я – человек пограничья”» (2, с. 427). Пограничные территории в силу глубоких исторических, родственных, экономических связей играют важную роль при формировании различного рода взаимоотношений между соседними странами. Очень часто именно трансграничные связи снижают барьерную функцию границ и становятся мостом межгосударственных отношений и интеграционных процессов.

Идентификация жителей на пограничных территориях, соотношение политических границ и этнической идентичности в условиях слабой этнокультурной отличительности – один из основных вопросов исследования. Ситуация характеризуется наличием двух видов идентичности, один из которых – самоидентичность или осознание своей принадлежности к конкретной этнической общности от четкого и определенного до размытого или маргинального. Этническая идентичность может также «приписываться» извне – официальными органами, соседними народами, исследователями. Важное значение имеет и региональная или территориальная иден-

тичность. «В результате контактов разных культур и языков формировалась специфическая региональная культура, которая не была гомогенной, а представляла множество локальных вариантов, которые не были четко связаны с конкретной этнической общностью, как и не было четких границ между живущими там общностями» (2, с. 428). Были распространены локально-территориальные и земляческие определения (берестяне, туровцы, гомельчане) или названия, принятые у соседей (белорусы – литвины, русские – москали и кацапы, украинцы – хохлы).

Лингвистическая ситуация характеризовалась распространением множества форм переходных говоров, совмещавших черты русского, белорусского, украинского, а в некоторых районах и польского языков. «Распространение этих говоров стало результатом перемещения разных групп населения во время войн, смены населения по экономическим и политическим причинам, наслоения элементов разных языков, их взаимовлияния, этнотрансформационных процессов и интерференции близкородственных языков», – резюмирует автор. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. фиксировала этническую принадлежность населения по языку. По этому показателю в уездах Брянской области преобладали великорусы. В Гомельском уезде, входившем в Могилевскую губернию, белорусы составляли 74% населения. На украинском пограничье в Новгород-Северском уезде малороссы составляли 94%.

В 1920-е годы в связи с появлением административных границ между РСФСР, Белоруссией и Украиной в рамках национальных республик СССР созревала этническая самоидентичность населения, что подтверждается данными переписи 1926 г., в которой национальность фиксировалась по самоопределению. Все последующие переписи подтверждали процентный рост численности людей, определявших свою национальность в соответствии с республикой проживания. Вместе с тем, по данным послевоенных переписей, между пограничными областями происходил миграционный обмен, который усиливал смешанность населения.

С появлением новых независимых государств после распада Советского Союза идентификация жителей с этническим большинством своей страны значительно усилилась. В 2009 г. 97% школьников старших классов пограничной территории Брянской области считали себя русскими; 88% их ровесников Гомельской области

считали себя белорусами, а 95% молодых людей до 20 лет в пограничных районах Черниговской области относили себя к украинцам (2, с. 430). Важнейшим критерием идентификации служит национальный язык, хотя местные жители не всегда могут четко дифференцировать языковые различия. Вместе с тем автор привлекает внимание к тому, что в последние 20 лет роль украинского языка в жизни Черниговского пограничья существенно усилилась и в образовательной среде, и в повседневной коммуникации.

По данным опросов, факт проживания в стране и принадлежность к гражданскому сообществу для молодежи становится наиболее важным (среди прочих) при обозначении своей этнической принадлежности, несмотря на отсутствие фиксации национальности в паспорте и других идентификационных документах. Для молодежи оба аспекта идентичности все более сближаются практически до полного отождествления. В рамках государства с его определенной национальной и языковой политикой, с единым коммуникативно-информационным пространством воспроизводятся этнически маркированные элементы культуры, что обеспечивает трансляцию этнической культуры и позволяет государству выполнять функцию конструирования системы идентичностей.

Проблемы формирования и трансформации идентичности белорусов в Сибири анализирует Р.Ю. Федоров. В основу исследования положены полевые материалы автора, собранные в 12 регионах Сибири и Дальнего Востока с 2009 по 2017 г. В ходе большинства этнографических экспедиций были собраны интервью с представителями первого, второго и третьего поколения потомков белорусских крестьян-переселенцев, рожденных в 1910–1960-х годах, в которых отражены особенности их этнического самосознания.

В опросах информантов, которые помнили своих предков-переселенцев, чаще всего называлась не этническая, а локальная самоидентификация: выходцы «из Расеи» именовали себя могилевскими, витебскими, минскими по губерниям, из которых они были родом. Подобная региональная самоидентификация была свойственна не только белорусам, но и русским и украинцам, именовавшим себя вятскими, рязанскими, черниговскими, полтавскими. Общим самоназванием для переселенцев из Европейской части России, Украины, Белоруссии было «самоходы», относившееся к поздним переселенцам, селившимся в непосредственной близости

от чалдонов или переселенцев-старожилов. У потомков белорусских переселенцев название «самоход» по экспедиционным материалам зафиксировано от Зауралья до Прибайкалья и не упоминается на Дальнем Востоке. Р.Ю. Федоров, как и другие исследователи, приходит к выводу о том, что до XX в. этноним «белорус», использовавшийся в официальных документах, не являлся самоназванием, а национальная самоидентификация еще не сформировалась и не заменяла собой идентичностей локальной принадлежности (8, с. 399).

О начале активного использования этнонима «белорус» в местах компактного проживания переселенцев свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г., согласно которым в Сибири проживало 320 320 белорусов, абсолютное большинство среди которых составляло сельское население. Инструкция к Переписи предписывала фиксировать принадлежность к одному из трех восточнославянских народов, и действие Инструкции было распространено и на потомков переселенцев более раннего времени, тем более что размытой этнической идентичностью обладали многие крестьяне, переселившиеся с территории российско-украинско-белорусского пограничья. Таким образом, начавшаяся в 1920-е годы на территории Белорусской ССР белорусизация, или нациестроительство с формированием особой национальной культуры, была применена и в сибирских регионах России.

В 1927 г. в ряд районов Сибирского края была направлена комиссия Наркомпроса РСФСР, задачей которой было создание школ с преподаванием на белорусском языке в белорусском национальном районе, статус которого получил Таборинский район Уральской области (ныне – Свердловская обл.), сельское население которого на 65–70% составляли белорусы. В это же время на территории Сибири и Дальнего Востока были созданы десятки украинских национальных районов. Однако уже ко второй половине 1930-х годов эксперимент по созданию национальных районов с «коренизацией аппарата» был свернут в силу пассивной реакции местного населения, а самое главное – в связи с изменениями во внутренней государственной политике, направленной на борьбу с «местным национализмом» (8, с. 403). Тем не менее этноним закрепился и среди поздних переселенцев уже советского периода, которые именовали себя белорусами в отличие от «самоходов»

времен Столыпинской реформы, притом что обе группы не имели различий в говоре и обычаях.

Результаты полевых исследований свидетельствуют о том, что в большинстве случаев носителями исторической памяти и фрагментов этнических традиций, как правило, являются три поколения переселенцев. В настоящее время многие потомки белорусов считают себя русскими, хотя в семейной памяти сохраняют места выхода своих предков из регионов Белоруссии.

Несмотря на методические погрешности сопоставления результатов переписей населения 1926 и 2010 гг., здесь прослеживается важная демографическая тенденция. Если первая перепись показала абсолютное преобладание сельского населения среди белорусов Сибири, то в начале XXI в. подавляющее большинство белорусов проживает в городах. Р.Ю. Федоров считает справедливым предположение, что современные горожане принадлежат к более поздним волнам миграций, имевшим место в советский и постсоветский периоды (8, с. 405).

Федеральный закон 1996 г. «О национально-культурной автономии» послужил стимулом для оформления в Сибири национальных землячеств, включая и белорусские. В их деятельности акцент был сделан как на развитие связей с Республикой Беларусь, так и на популяризацию традиционной культуры белорусов в группах, проживающих вдали от исторической родины. Благодаря деятельности таких объединений и повышению интереса к родословным и краеведческим исследованиям в ряде мест компактного проживания потомков белорусских переселенцев наблюдается феномен своеобразного «этнического ренессанса». В формировании современных форм белорусского самосознания чаще доминирует не межпоколенная историческая память, а опосредованные источники информации (архивные документы, этнографические описания, публикации в СМИ и Интернете), считает исследователь.

Список литературы

1. Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / Сост. и отв. ред. Губогло М.Н. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 452 с.
2. Григорьева Р.А. Язык и идентичность жителей пограничных районов России и Беларуси, России и Украины (Брянская, Гомельская и Черниговская области) //

Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 426–436.

3. Губогло М.Н. Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 45–61.
4. Гузенкова Т.С. «Добро» и «Зло» в политической мифологии: эстетика архаики, модерна и постмодерна // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 130–142.
5. Семёнов Ю.И. Этнология (этнография, социальная антропология, социальная и культурная антропология): Предмет науки и ее подразделения (дисциплины и субдисциплины) // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 15–31.
6. Снежкова И.А. Россия, Украина, Белоруссия – поиски на пути доверия и взаимопонимания // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 177–192.
7. Тишков В.А. Этнография советскости // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 32–44.
8. Федоров Р.Ю. Грани идентичности белорусов в Сибири: Основные периоды и факторы трансформации // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 398–408.

2018.05.029. ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ БЛОКАДНИКОВ / Магаева С.В., Симоненко В.Б., Фисун А.Я. и др. – М.: Эко-Пресс, 2017. – 199 с.: ил.

Ключевые слова: Вторая мировая война; блокада Ленинграда; механизмы выживания в блокадном Ленинграде; длительность активной жизни бывших блокадников.

Книга подготовлена коллективом сотрудников Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова и Центрального военного клинического госпиталя им. П.В. Мандрыка Министерства обороны, а также Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова и НИИ общей патологии и патофизиологии и посвящена биологическим и психологическим механизмам выживания в блокадном Ленинграде, а также последующей длительной активной жизни, свойственной многим блокадникам. Исследование носит чисто медицинский характер, но может представлять определенный интерес и для историков, изучающих блокаду Ленинграда.

Используя богатый документальный материал, накопленный ленинградскими врачами в годы войны, авторы приходят к выводу

о том, что значительное число ленинградцев, переживших блокаду, в том числе самые страшные месяцы зимы 1941–1942 гг., не может быть объяснено одним лишь последующим улучшением снабжения или медицинской помощью. В условиях острейшего дефицита всего необходимого об эффективном медицинском обслуживании населения в целом говорить не приходилось, несмотря на жертвенный труд ленинградских врачей. В такой ситуации, согласно довоенным представлениям, лишения, перенесенные жителями Ленинграда в блокадные годы, должны были оказаться фатальными, но фактический опыт блокадников говорит об обратном. Авторы объясняют это как чисто физиологическими механизмами адаптации организма к экстремальным жизненным условиям (эти механизмы подробно анализируются в тексте книги), так и психологическим фактором: природный оптимизм (в той мере, в какой вообще можно говорить об оптимизме в ситуации блокады), сильная мотивация к выживанию (и в особенности мотивация к тому, чтобы спасти своих близких), активная творческая работа помогали выжить даже в крайней степени истощения; известны случаи, когда человек, не обладавший такой мотивацией, умирал на гораздо более ранней стадии развития дистрофии. Авторы обращают внимание и на такой фактор, как способность даже атрофированных органов сохранять потенциал для последующего восстановления: их клетки, как правило, не замещались соединительной тканью, что позволяло сохранить их внутреннюю структуру. Это облегчало реабилитацию организма после окончания наиболее острых лишений (т.е. после эвакуации из Ленинграда или прекращения блокады). Некоторые механизмы, выявленные авторами, могут иметь значение и для современной медицины, отнюдь не только в связи с выживанием в условиях голода. Многие ленинградцы, пережившие блокаду, сумели не только оправиться после перенесенных лишений, но и прожить долгую и насыщенную жизнь, несмотря на целый ряд характерных хронических заболеваний («болезни блокадников»).

М.М. Минц

2018.05.030. БАЙБУРИН А. СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ: ИСТОРИЯ – СТРУКТУРА – ПРАКТИКИ. – СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 487 с.: ил.

Ключевые слова: советская паспортная система; советский паспорт как официальный документ; культура советской повседневности.

Книга Альберта Кашфулловича Байбурина, д-ра ист. наук, профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге, посвящена истории советской паспортной системы. В отличие от многочисленных предшествующих работ, автор особое внимание уделяет собственно советскому паспорту как официальному документу, а также особенностям его бытования в повседневной советской культуре.

В методологическом отношении исследование носит междисциплинарный характер, автор сочетает методы дипломатики, истории права и государственных учреждений, а также исторической антропологии и истории повседневности. В книге отмечается двойственная природа официальных документов: теоретически они призваны удостоверить подлинность тех или иных явлений материального мира (данная функция стала особенно актуальной в Новое время в связи с бурным развитием коммуникаций и стремительным расширением круга общения, увеличением числа контактов с разнообразными «другими»), однако на практике документы скорее создают свою собственную параллельную реальность, поскольку с точки зрения государственной бюрократии лишь то и «реально», что подтверждено документами. Это делает особенно актуальным изучение истории документа как такового (в данном случае паспорта), поскольку эволюция его формуляра, дизайна и процедуры получения многое говорит о том, как само государство представляло себе социальную реальность и пыталось упорядочить ее в своих интересах.

Вместе с тем изучение повседневных практик, связанных с паспортом в Советском Союзе, показывает, что паспортизация представляла собой двунаправленный процесс, в котором население страны отнюдь не являлось пассивным объектом тоталитарного принуждения. Это выражалось как в сознательном искажении сведений о себе при получении паспорта, так и в стихийной выра-

ботке разнообразных неформальных норм, практик и ритуалов. Последнему способствовало то обстоятельство, что в советской правовой системе определяющее значение имели не столько собственно законы, сколько дополняющие и конкретизирующие их ведомственные инструкции, многие из которых были засекречены, так что простые граждане зачастую просто не могли знать содержание тех правил, которые, казалось бы, обязаны были соблюдать. Это порождало своеобразное неофициальное право (в терминологии автора – *право-2*) как результат «домысливания» остающихся неизвестными официальных норм. В своей работе А.К. Байбурин стремится проследить взаимодействие официального права и неофициального.

Источниковую базу исследования составили законодательные акты, ведомственная документация (в основном фонды ГАРФ и РГАСПИ, а также опубликованные документы), периодика советского периода, воспоминания и материалы устной истории.

Избранная проблематика определила и структуру работы. Книга состоит из восьми глав, объединенных в три части. В первой части автор подробно разбирает социальную историю советской паспортной системы, включая паспорта в имперский период, процедуры установления и удостоверения личности в 1920-е годы, когда паспорта были отменены, возрождение паспортной системы в 1932–1936 гг. и ее эволюцию в последующие десятилетия. Вторая часть посвящена официальному бюрократическому взгляду на паспорт (формуляр, реквизиты, отметки и т.д.). В третьей части описываются неофициальные нормы и практики, связанные с паспортизацией.

Автор показывает, что советский паспорт во многом являлся «преемником» дореволюционного, несмотря на продолжительный разрыв в первые годы новой власти. Это выразилось и в его функции (регулирование внутренних перемещений населения), и в формуляре. Категории сведений, указываемых в паспорте, включали в себя как информацию, необходимую для идентификации личности (фамилия, имя, отчество, возраст, фотография, подпись), так и сведения, предназначенные для учета и контроля (национальность, социальное положение, семейное положение, отношение к воинской повинности, прописка, судимость и т.д.). Паспорт таким образом превращался в своеобразный «сверхдокумент», содержащий

всю наиболее существенную, с точки зрения властей, информацию о его владельце.

Важной особенностью советской паспортной системы, отсутствовавшей в царский период, являлся институт прописки, дополнявшийся сложной системой различающихся паспортных режимов для разных местностей и населенных пунктов, своеобразным символом которой стала зона 101-го километра. Кроме того, вплоть до паспортной реформы 1974 г. паспорта не выдавались колхозникам, что затрудняло миграцию из деревни в города. В совокупности эти факторы закрепляли сложившуюся систему правового неравенства, в том числе и в пространственном измерении. Такой подход объективно противоречил избранному курсу на индустриализацию, поскольку урбанизация являлась ее неизбежной составляющей. Как следствие, первые варианты паспортной реформы обсуждались уже в 1960-е годы. Реформу 1974 г. автор оценивает как вынужденную и запоздалую. Она дала лишь ограниченный эффект: для крестьян переселение в город даже при наличии паспорта по-прежнему затруднялось Примерным уставом колхоза.

Таким образом, на протяжении первых 40 лет своего существования паспортная система не столько объединяла, сколько разделяла различные группы населения, как по наличию или отсутствию самого паспорта, так и по ряду других признаков (социальная принадлежность, национальность, наличие или отсутствие судимости и т.д.). При этом значение данных о социальном положении с течением времени постепенно снижалось, тогда как национальность уже в 1930-е годы довольно быстро превратилась в одну из важнейших характеристик советского человека. Автор отмечает, что обе категории носили в значительной степени виртуальный характер и могли иметь сколь угодно отдаленное отношение к реальности. Так, национальность гражданина определялась по национальности его родителей, а стремление властей максимально объективировать и формализовать эту категорию привело к появлению своеобразной «паспортной национальности». Социальное положение подтверждалось справкой с места работы, что также давало определенные возможности для манипуляций.

Дополнительные сложности создавала и непрозрачность советского государства. Даже Положения о паспортах, обязательные к соблюдению всеми гражданами, публиковались мизерными ти-

ражами и не целиком, так что не только простым советским людям, но зачастую и рядовым сотрудникам паспортных столов приходилось «домысливать» неизвестные им правила в меру собственного разума. Сформировавшееся в результате неофициальное «право-2» автор оценивает как своеобразный компромисс между чиновниками и основной массой населения. Содержательно оно состояло из более или менее распространенных представлений о том, как следует поступать в тех или иных неоднозначных случаях. В большинстве своем эти представления не имели никакого рационального обоснования и подкреплялись исключительно ссылками на практический опыт (свой или кого-то из товарищей или близких), либо на советы чиновников (которые, в свою очередь, также могли руководствоваться не писанными инструкциями, а все тем же «правом-2»). По заключению автора, процесс выработки таких неформальных норм представлял собой не столько сопротивление навязываемым сверху правилам, сколько адаптацию к ним (хотя и собственно сопротивление также имело место). Байбурин отмечает и еще один долгосрочный эффект: «СССР был страной с неустоявшимися, точнее, складывающимися идентичностями, и паспорт, безусловно, сыграл весьма существенную и еще не вполне оцененную роль в их формировании и функционировании» (с. 457).

В повседневной советской культуре паспорт в известной степени оказался объектом сакрализации. Это было связано и с его избыточной информативностью, превращавшей его в главный документ при взаимодействии с властями, и с тем обстоятельством, что само обладание этим документом вплоть до 1974 г. было знаком принадлежности к привилегированной части населения. Кроме того, наличие сложной системы жестких, абсурдных зачастую, но в то же время обязательных к соблюдению и не подлежащих обсуждению процедур само по себе напоминало отношение к предметам культа. Парадоксальным образом в современной России паспорт бывает нужен гораздо чаще, чем в советские годы (что отмечают многие информанты старшего поколения), но прежнее «почтительное» отношение к нему после распада СССР было утрачено.

М.М. Минц

2018.05.031. ЮХАС К. ЗАГРЯЗНЕНИЕ РАДИ ЧИСТОТЫ? ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДЫ КРЕСТЬЯНАМИ В ЦЕЛЯХ ГИГИЕНЫ.

JUHÁSZ K. Pollution for cleanliness? Lessons from an ethnographic research on the rural use of water for hygienic purposes // *Historia provinciae – Journal of regional history*. – Череповец, 2018. – Т. 2, N 1. – P. 29–54.

Ключевые слова: вода в истории Венгрии; вода и крестьянские гигиенические практики; вода в венгерском фольклоре.

Доктор наук Каталин Юхас (Центр гуманитарных исследований, Институт этнографии Венгерской академии наук) посвятила свою публикацию связанным с водой проблемам венгерских крестьян. Статья написана на материалах этнографического изучения использования воды в гигиенических целях в Венгрии. Как пишет автор, отношения человека с водой исследуют две ветви этнографии, отвечающие за материальную и духовную культуру.

Вода как базовое условие жизни играет важную роль не только в повседневной практике, но и «в символических очистительных и целительских ритуалах или магии» (с. 30). В фольклоре народов мира она имеет практически те же значение и функции, что и в жизни. Часть их исходит из повседневных практик пользования водой, например, во время питания, мытья, рыбалки. Вода используется также в очистительных ритуалах, связанных с плодородием. Мотив «живой воды» является одним из основных «в общем цивилизационном наследии» (там же).

В Венгрии находятся известные источники минеральных и лечебных вод, которым посвящен трактат Георга Вернера «О достойных восхищения водах Венгрии» 1549 г. Этот труд остается важнейшим источником по исторической гидрологии и исторической экологии, содержит уникальные факты о способах использования воды в середине XVI в. Историческая экология в Венгрии, пишет автор, стала самостоятельной научной дисциплиной лишь в 1980-е годы. Главную роль в этом сыграла Агнеш Варкони, изучавшая историко-экологические сюжеты и подготовившая «первый учебник по данной дисциплине» (с. 31).

Основная часть статьи посвящена источникам пополнения воды в Карпатском бассейне, главным средствам чистоты и гигие-

ны с XIX в. до наших дней. Автор выделяет среди них поверхностные источники (реки, ручьи, озера), источники, пополняемые из почвы (карстовые источники, грунтовые и межпластовые источники), подземные источники (грунтовые воды, межпластовые воды, карстовые воды), осадки (дождевая вода, талый снег, лед) (с. 32).

К. Юхас выделяет несколько исторических периодов, для которых были характерны определенные практики крестьянской гигиены.

1. Архаичные крестьянские практики гигиены (с древнейших времен до 1910-х годов). Древние венгры с IX в. умели возводить «потогонные шатры» для мытья, а в Средние века помещики разрешали своим крестьянам «пользоваться купальнями, размещенными в усадьбах» (с. 35). Население повсюду добывало воду для питья и хозяйственных нужд из поверхностных источников или неглубоких колодцев. Во второй половине XIX в. появились колодцы глубокого бурения и новые водоподъемные приспособления, позднее – артезианские колодцы. Улучшилось качество воды. Ее носили в керамических кувшинах, флягах, деревянных ведрах. Хранили воду в тех же сосудах, в которых носили. Сосуды обычно накрывали, чтобы вода не засорялась. Суточная норма потребления воды на семью в зависимости от местных обычаев составляла от 10 до 30 л. (с. 36). Гигиенические потребности селян были минимальными: защита от паразитов и отсутствие грязи на видимых частях тела. Особенности жилища и одежды не требовали частой уборки и стирки. В хорошую теплую погоду селяне мылись на открытом воздухе, в зимний период не мылись вообще. Для мытья и бритья использовалось мыло домашнего приготовления. Голову не мыли (смазывали жиром от вшей) или мыли один-два раза в год. После мытья вода использовалась многократно в хозяйстве.

2. Гигиенические практики на заре модернизации деревни (начало XX в. – 1960-е годы). С рубежа XIX–XX вв. берет свое начало процесс капиталистической модернизации; крестьянское население все больше подражает горожанам и испытывает влияние «пропаганды гигиены и улучшения качества здравоохранения» (с. 39). В школах начинают следить за чистотой ногтей, шеи и ушей у детей. На кухнях в домах появляются уголки для умывания. Получают распространение ежедневные гигиенические процедуры: утреннее умывание, мытье рук перед едой и после грязной работы,

вечернее обливание выше пояса и мытье ног. Старинные резервуары для транспортировки воды в ряде мест вытесняются эмалированными или алюминиевыми бидонами. Однако запасы воды по-прежнему делались на один день. Поэтому члены семьи по очереди мылись в одной и той же воде, потом стирали в ней и «использовали ее для технических целей (ополаскивание, протирание)» (с. 40). До конца 1950-х годов голову мыли раз в две-три недели летом, зимой – еще реже. Чистка зубов еще не стала ежедневным занятием. Нередко на всю семью была одна зубная щетка, а некоторые чистили зубы, насыпав на указательный палец соду, соль или зубной порошок. Начиная с 60-х годов XX в. лица, занятые физическим трудом, и члены их семей мылись полученным в обязательном порядке по месту работы мылом марок *Baba* или *Kék-Vörös*. Продававшееся в магазинах туалетное мыло в основном покупали девушки и молодые женщины.

3. Гигиенические практики в деревне периода превращения крестьянина в сельскохозяйственного рабочего (1960–1980-е годы). В ходе процесса модернизации в 1960-е годы в венгерских деревнях появились ваннные комнаты по образцу городских, но из-за неразвитости инфраструктуры это не привело к коренному изменению гигиенических практик. Многие по-прежнему носили воду из колодца или водозаборной колонки. В то же время в деревнях начинается использование новых видов гигиенических средств и средств ухода за телом: разнообразных видов мыла, парфюмерии, средств ухода за волосами и кожей, средств для бритья и т.п. Молодые женщины используют продукцию венгерской косметической промышленности. Все больше селян ежедневно чистят зубы собственной щеткой с использованием венгерских зубных паст. Следствие этого – «увеличение потребления воды» (с. 44).

4. «Потребительский социализм» (с конца 1970-х до 1990-х годов). В 1968 г. в Венгрии был введен «новый экономический механизм», что привело к переориентации экономики на потребности рынка. Для эпохи «потребительского социализма», как ее называют венгерские историки и социологи, характерно «преимущественное внимание к поведению потребителя» (с. 46). Были разрешены подработки и частное предпринимательство, что повысило покупательную способность граждан. С середины 1970-х годов венгерские граждане получили возможность заниматься шопинг-туризмом:

сначала в социалистические страны, а с 1980-х годов – в капиталистические. В венгерских магазинах росло количество товаров иностранного производства. Особой популярностью пользовалось мыло Fa, продукты фирмы Rexona и дезодоранты Impulse. Появляются известные венгерские косметические марки (мыло Амо, серия Óсеán и др.). В деревнях мыло, кремы, дезодоранты иностранного, а иногда и венгерского производства, выставлялись в гостиных как символ социального статуса. С конца 1970-х годов увеличилось число домохозяйств, имевших водопровод, а новые дома и квартиры строились с ванными комнатами.

5. Консьюмеризм (от 1990-х годов до наших дней). В 1989 г. в Венгрии сменился политический строй, что означало отказ от социализма. Деревенское население пережило процесс имущественного расслоения. Понятие чистоты и ухоженности стало многозначным. Крестьянам приходилось делать выбор в условиях постоянно растущих предложений средств для ухода за различными частями тела. Теперь специальные средства полагаются для лица, рук, волос, интимной гигиены, принятия ванны или душа. Только для одного мытья головы могут быть использованы три-четыре средства (шампунь, бальзам, питательная маска, гель и т.п.). На смену универсальному крему Vaba для всей семьи пришли разные средства для лица и тела, в том числе для ухода за младенцами и проблемной кожей подростков, а также возрастные средства. Теперь в понятие «чистоплотный» входят эпиляция, макияж, пользование духами и дезодорантами. «К идеалу красоты приближаются путем экспериментов над собственным телом (татуировки, уколы ботокса, пластические операции)», – пишет К. Юхас (с. 49).

Однако процесс цивилизационного развития достиг такой стадии, когда культ чистоты и ухоженного тела отправляется за счет окружающей среды и даже здоровья самого человека (например, некоторые средства вызывают кожную аллергию). Ежедневное мытье тела и головы резко увеличивает потребление воды. Человечество использует все больше химических веществ и неразлагаемые упаковочные материалы. Автор считает, что людям необходимо постоянно напоминать о том, что они загрязняют окружающую среду (с. 51). Новейшие венгерские исследования показывают, что даже в самых маленьких деревнях люди стараются более бережно расходовать воду и использовать вещества, не

причиняющие вреда окружающей среде. Кроме того, К. Юхас предлагает читателям ознакомиться с концепцией управления водными ресурсами и очистки сточных вод бельгийского ученого венгерского происхождения Йозефа Орсага, опубликованной в 1992 г. (с. 52). Суть этой концепции заключается в том, что водоснабжение и водоочистка должны быть организованы так, чтобы круговорот воды и входящих в ее состав азота, углерода и фосфора по возможности не прерывался. Данный метод Юхас называет «полностью самодостаточным, безотходным» (там же).

О.В. Бабенко

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

- 100 лет Красной армии. 05.003
1917: Вокруг Зимнего. 05.002
Абакумов О.Ю. 05.010
Аверьянов К.А. 05.008
Байбурын А. 05.030
Бердинских В.А. 05.015
Большакова О.В. 05.011
В ритме времени. 05.020
В.О. Ключевский: Воспоминания и
исследования 05.016
Германия и Россия. Вып. 11 05.027
Дамешек И.Л. 05.019
Дамешек Л.М. 05.019
Дубровский А.М. 05.017
Животић А. 05.023
Жизнестойкость и творческое
долголетие ленинградских
блокадников 05.029
Земцов В.Н. 05.009
Кокоулин В.Г. 05.005
Коновалов В.С. 05.001
Коржихина Т.П. 05.012
Маджаров А.С. 05.019
Маслова Е.А. 05.026
Медовичев А.Е. 05.006
Меньковский В.И. 05.015
Перцева Т.А. –05.019
Уварова Т.Б. 05.028
Франция и Европа в XX–XXI вв.
05.025
Щеглов А.Д. 05.007
Шахеров В.П. 05.019
Communism and hunger. 05.014
Juhász K. 05.031
Kirschenbaum L.A. 05.022
Landis E. 05.013
Neuburger M. 05.004
Russian history through the senses.
05.021
Tavani S. 05.024
Zajda J. 05.018

¹ В алфавитном и предметном указателях год выпуска – 2018 – опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 5, 2018)

- Аграрная политика
 - СССР 05.013
- Белое движение 05.005
- Берлускони С. 05.026
- Болгарская коммунистическая
 - партия 05.004
- Болгары в Октябрьской революции
 - 1917 05.004
- Внешнеполитические доктрины
 - Италия 05.024, 05.026
- Водные ресурсы
 - Венгрия
 - – потребление 05.031
- Военнопленные французские
 - в России 05.009
- Вооруженные силы
 - СССР
 - – история 05.003
- Восприятие (психол.) 05.021
- Временное правительство (Россия)
 - 05.001
- Вторая мировая война
 - подготовка и развязывание 05.023
- Германия
 - история
 - – 1918–1939 05.027
- Гигиена
 - Венгрия 05.031
- Голод
 - СССР
 - – 1931–1933 05.014
- Городская культура
 - Спарта 05.006
- Государственная дума (Россия)
 - 05.001
- Государство и общество
 - РФ 05.018
 - ГУЛАГ 05.015
- Деревня
 - СССР
 - – 1917–1927 05.013
- Димитров Г. 05.004
- Евразийство 05.011
- Здоровье населения
 - Ленинград 05.029
- Землевладение
 - Россия 05.008
- Иван Калита кн. московский 05.008
- Идентичность
 - восточноевропейские страны
 - 05.028
- Имперская идея 05.011
- Интеграция европейских стран и
 - Франция 05.025
- Историки русские 05.020
- Историческая география
 - РФ 05.011

- Историческая наука
 - в России 05.016
 - в СССР 05.017
 - преподавание в школе
 - – РФ 05.018
- Историческая тема в литературе и искусстве 05.017
- Исторические места и памятники
 - Санкт-Петербург 05.002
- Италия
 - внешняя политика
 - – 1985–05.026
 - СССР 05.024
- Ключевский В.О. 05.016
- Колчак А.В. 05.005
- Коминтерн и СССР 05.022
- Коммуникация межкультурная 05.009
- Коммунистическая партия Испании
 - международные связи 05.022
- Контрреволюционные правительства
 - Сибирь 05.005
- Крестьянство
 - Венгрия
 - – культура и быт 05.031
- Ленинградская битва 1941–1944 05.029
- Маоизм и сталинизм
 - сравнительное изучение 05.014
- Материальный ущерб и людские потери в Отечественной войне 1812 05.009
- Международная ленинская школа 05.022
- Миграция населения
 - СССР
 - – правовое регулирование 05.030
- Население
 - Сибирь
- – национальный состав 05.028
- Наука и политика
 - СССР 05.017
- Национальная политика
 - Россия 05.011
- Новая экономическая политика 05.012
- Ногин В.П. 05.012
- Общественная мысль
 - Болгария 05.004
 - Россия
 - – изучение 05.020
- Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде 1917 05.002
- Охрана общественного порядка
 - Россия 05.010
- Панъевропеизм 05.025
- Паспорт
 - СССР 05.030
- Первая мировая война
 - окончание и последствия 05.027
- Повседневность
 - Россия 05.021
 - СССР 05.030
- Полис древнегреческий 05.006
- Политическая идеология
 - РФ 05.018
- Политические технологии
 - РФ 05.028
- Рабоче-крестьянская Красная армия 05.003
- Революционная ситуация в России – 1917 (март – октябрь) 05.001
- Революционное движение
 - Болгария – 1920-е годы 05.004
 - Испания – 1930-е годы 05.022
- Реформация
 - Швеция 05.007
- Санкт-Петербург
 - улицы 05.002

Север России

– история 05.008

Сибирь

– история 05.019

– – 1917–1922 05.005

Советский образ жизни 05.028

Спарта

– историография 05.006

Сталинские репрессии 05.015

Торговля внешняя

– СССР 05.012

«Третье отделение» (Россия) 05.010

Труд принудительный

– СССР 05.015

Франция

– история

– – 1945–05.025

Цензура

– Россия 05.010

Ценности социальные 05.028

Центральная власть и местное
самоуправление

– Россия 05.019

Церковь и государство

– Швеция 05.007

Этнология в РФ 05.028

Этноэкология

– Венгрия 05.031

Югославия

– внешняя политика

– – СССР 05.023

Составитель: *Н.В. Панасюк*

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2018 – Спец. выпуск

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 22.12.2018

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 12,0

Уч.-изд. л. 10,0

Тираж 300 экз. (1–100 – 1-й завод)

Заказ № 147

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:

Е-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН Нахимовский просп., д. 51/21,

Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9

